

325.21574

У 456

АКАДЕМИЯ НАУК  
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК  
МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ВЫП. 16  
СЕРИЯ КАЗАКСТАНСКАЯ

УКРАИНЦЫ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ  
СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ГУБЕРНИИ

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР  
ЛЕНИНГРАД  
1930

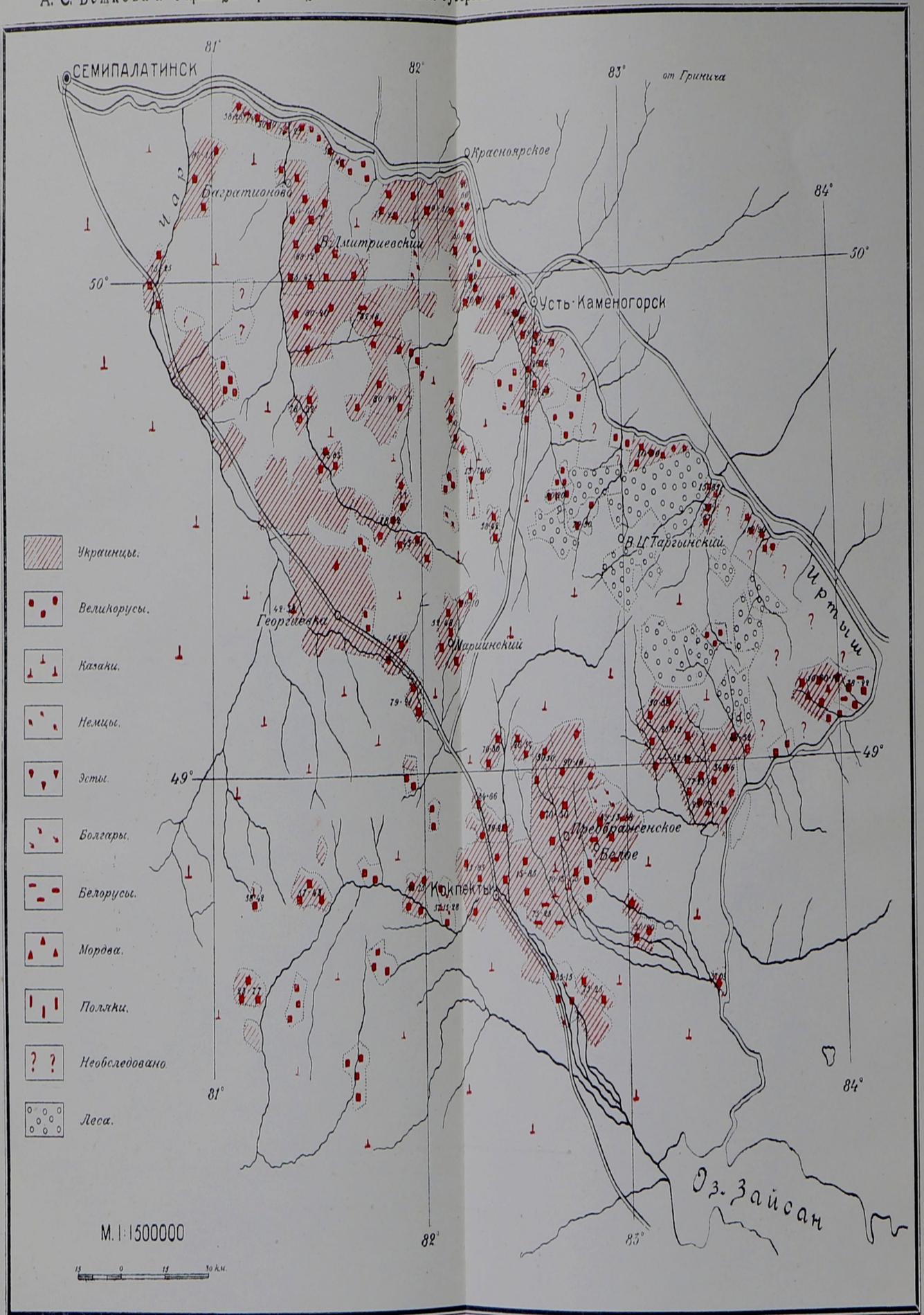
У 456

АКАДЕМИЯ НАУК  
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК  
МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ВЫП. 16

*СЕРИЯ КАЗАКСТАНСКАЯ*

УКРАИНЦЫ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ  
СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ГУБЕРНИИ

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР  
ЛЕНИНГРАД  
1930



ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

И. о. Непременного Секретаря академик *В. Комаров*

Март 1930 г.

Редактор издания С. И. Руденко

## СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. С. Бежкович. Украинцы-переселенцы южной части Семипалатинской губернии . . . . .	1
А. С. Бежкович. Земледелие украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губернии . . . . .	15
А. С. Бежкович. Скотоводческий быт украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губернии . . . . .	99
С. Н. Могилянская. Постройки украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губернии . . . . .	179
С. Н. Могилянская. Гончарство в с. Батуриновке Семипалатинской губернии Устькаменогорского уезда . . . . .	213
А. С. Бежкович. Формы землепользования украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губернии . . . . .	223



## УКРАИНЦЫ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ЮЖНОЙ ЧАСТИ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ГУБЕРНИИ

А. С. Бежкович

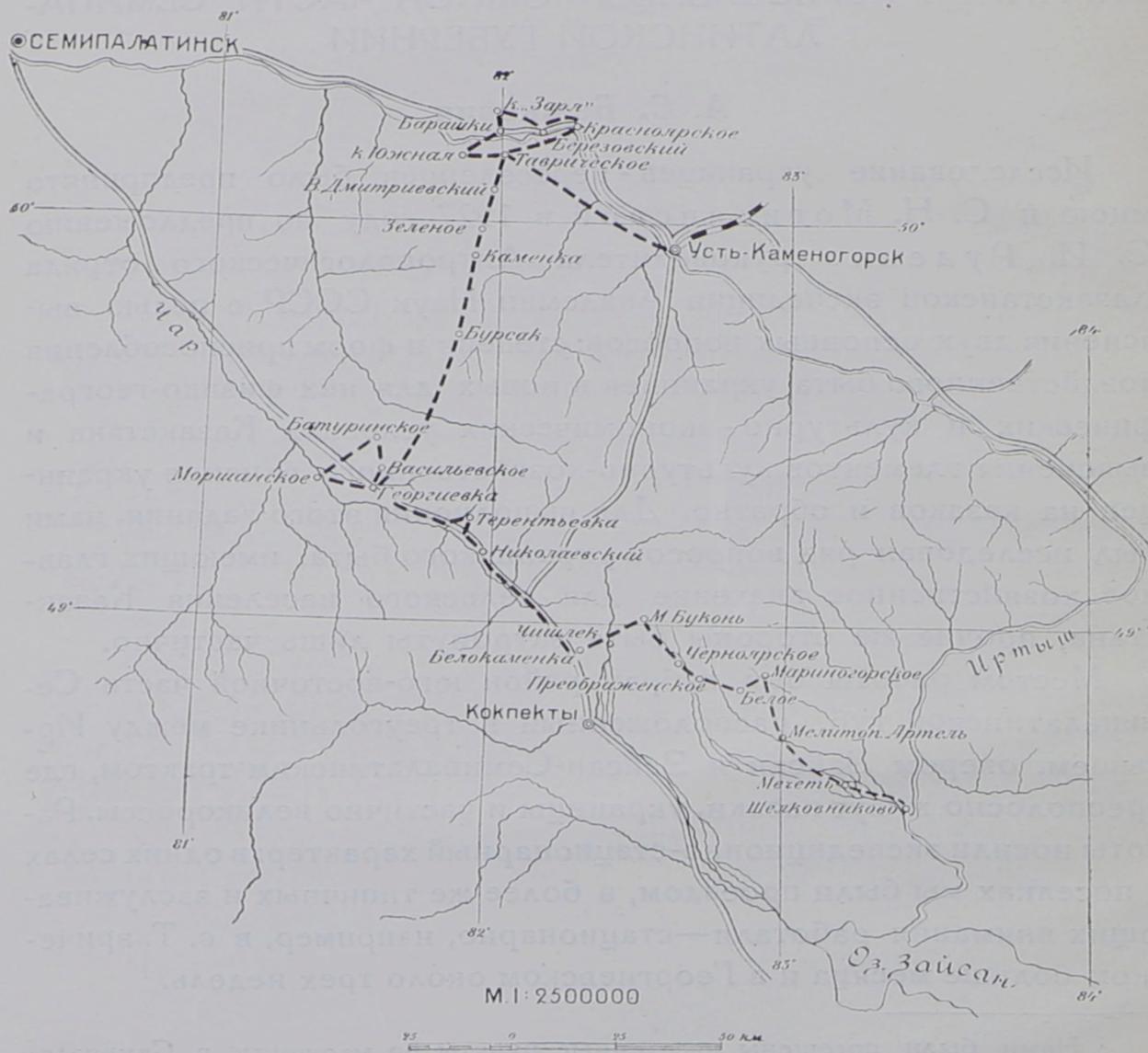
Исследование украинцев-переселенцев было предпринято мною и С. Н. Могилянской в 1927 году по предложению С. И. Руденко руководителя Антропологического отряда Казакстанской экспедиции Академии Наук СССР с целью выяснения двух основных вопросов: степени и форм приспособления хозяйственного быта украинцев в новых для них физико-географических и культурно-экономических условиях Казакстана и выяснения элементов культурно-хозяйственного влияния украинцев на казаков и обратно. Для выполнения этого задания, нами был исследован ряд вопросов украинского быта, имеющих главное хозяйственное значение для сельского населения Казакстана, прочие же стороны быта затронуты лишь частично.

Местом работы был избран район юго-восточной части Семипалатинской губ., расположенный в треугольнике между Иртышем, озером Зайсан и Зайсан-Семипалатинским трактом, где чресполосно живут казаки, украинцы и частично великороссы. Работы носили экспедиционно-стационарный характер: в одних селах и поселках мы были проездом, в более же типичных и заслуживающих внимания работали—стационарно, например, в с. Таврическом больше месяца и в Георгиевском около трех недель.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Нами были посещены населенные пункты по маршруту: г. Семипалатинск — г. Усть-Каменогорск парходом; затем на лошадях Усть-Каменогорск — с. Таврическое — Красноярское — Березовское — Барашки — Коммуна „Заря“ — заимки с. Зевакино — Коммуна „Южная“ — Велико-Дмитриевское — с. Сухая-Балка — с. Зеленое — с. Каменское — пос. Ново-Таврический — пос. Бурсак — пос. Рубановский — пос. Ильинский — с. Андреевское — пос. Васильевский — с. Георгиевское — с. Батуриновское — пос. Маршанский — пос. Терентьевский — пос. Николаевский — пос. Белокаменка — пос. Малая Буконь — пос. Черноярковский — с. Преображенское — с. Белое — с. Мариногорское — Мелитопольская артель и пос. Шелковниково (Усть-Буконь); далее по Иртышу до гор. Семипалатинска.

Что касается условий работ, то они были вполне благоприятны. Удавалось непосредственно присутствовать при выполнении полевых и огородных работ, распределении травы, наблюдать выпас скота, сооружение построек и т. п.

В физико-географическом отношении исследуемый район представляет собою довольно всхолмленную, а в неко-



Фиг. 1. Маршрут А. С. Бежковича и С. Н. Могилянско́й во время экспедиции летом 1927 года.

торых местах гористую местность, чередующуюся со степью. Горы Колбинского хребта, идущего с востока на запад, заполняют своими отрогами весь район: степь как бы разорвана этими отрогами и теснится между ними. Довольно возвышенное над уровнем моря положение этого района делает его

в климатическом отношении резко континентальным: зимы обычно суровые, а лето с жаркими днями и довольно холодными ночами. Зимой температура иногда падает до  $-35^{\circ}$ , а летом повышается до  $+40^{\circ}$ , но, вследствие сухости воздуха, эти резкие колебания температуры сравнительно легко переносятся местным населением. Среднее годовое количество атмосферных осадков равняется 250—300 мм. Безморозный период, в среднем, 90 дней, а вегетационный—180. О почвенном покрове можно сказать, что каштановые почвы залегают преимущественно на гранитных возвышенностях, а бурые и черноземные — на равнинных степных пространствах. Растительность района характеризуется степным разнотравием, с преобладанием ковыля на равнине, сухолюбами на „сопках“ и слабым кустарником на склонах, преимущественно северных, „карагайника“, дикого миндаля и шиповника; иногда эти виды произрастают на равнине и по долинам рек.

Переселенцы исследуемого района вышли, преимущественно, из левобережной и, в частности, степной Украины. Преобладают тавричане, екатеринославцы, херсонцы, харьковцы, полтавцы, киевляне и кубанцы, реже встречаются воронежцы, куряне, черниговцы, подоляне и волынцы. Таким образом, наиболее богатая землей, южная степная Украина дала больший процент переселенцев, чем малоземельная восточная и северная полоса Украины. Объясняется это тем, во-первых, что само население южной части более активно в поисках лучшей жизни—это потомство переселившихся в свое время из восточной, северной и западной Украины, а во-вторых, и тем, что земли южной полосы были в руках помещиков—у крестьян, по их словам, было ее мало. Почти все крестьяне-переселенцы из южной степной полосы служили батраками у помещиков или арендовали у них землю. Те и другие пошли в Сибирь от малоземелья. Первые уже испытывали его, так как имели по  $3\frac{1}{2}$  десятины на ревизскую душу пашни и совсем не имели сенокоса и выгона, что, главным образом, их и побудило к переселению — *скотині нігде пастись було*. Вторые переселились из боязни, что скоро помещики перестанут сдавать в аренду землю, и кроме того, их пугала арендная плата, которая повышалась с каждым годом. Одни шли, чтобы найти себе пропитание своим домашним хозяйством, другие же надеялись иметь свободные земли, чтобы расширить свое хозяйство до преде-

лов фермерского типа. Переселенцы восточной, северной и западной полосы меньше имели возможности прирабатывать на стороне и приарендовывать землю. Испытывая нужду в том и другом, они пошли в Сибирь *шукать лучшего життя*. О существовании свободных земель в Сибири они узнавали из правительственных объявлений.

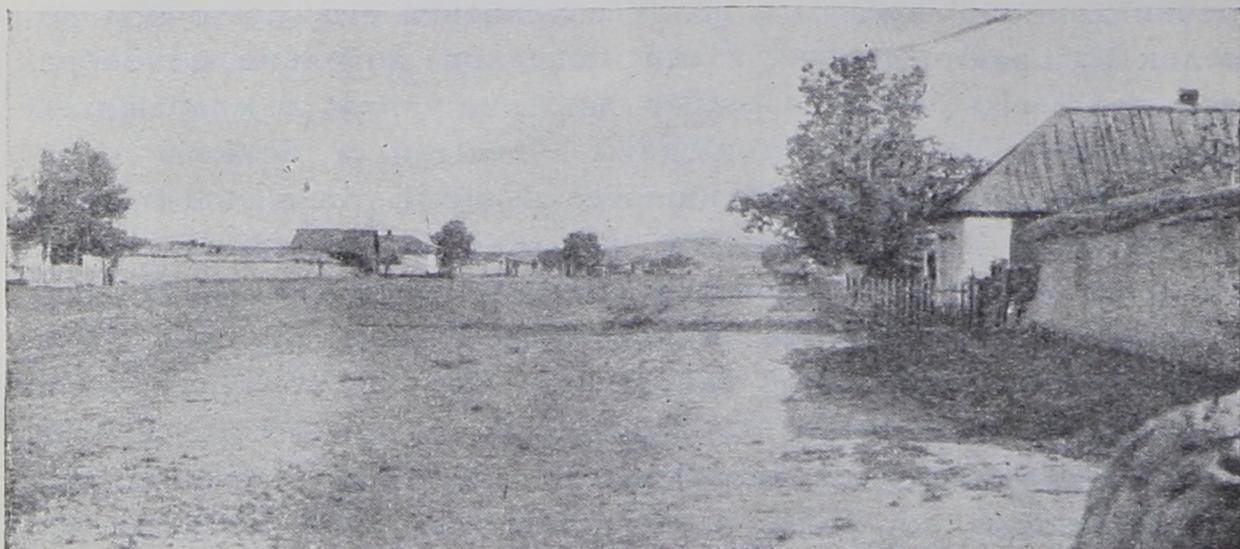
Переселялись почти всегда организованно. Собиралась группа хозяев, желающих переселиться, обычно, принадлежащих к одному или двум соседним селам, составляли список, свидетельствовали его в волостном правлении, избирали ходоков, снабжали их деньгами и поручали искать свободных и хороших земель. Избирали для этого дела наиболее опытных и энергичных крестьян; чаще всего это были инициаторы переселения. Не лишен интереса, между прочим, и тот факт, что в ходоки выбирали стариков лет 60 и больше. В одних случаях это были инициаторы переселения, которые говорили: *хочь умру на вольні землі*. В других же случаях, стариков уполномочивали, полагаясь на их опытность.

Первые переселенцы - украинцы в исследуемом районе — тавричане, основали два поселка, Таврический и Георгиевский, в 1893 году.

Поиски лучшей земли начинались, обычно, справками в Переселенческом управлении (Омск), которое по словам ходоков, предлагало на выбор несколько районов. Иногда ходоки, посетив ближайший район, останавливали свой выбор на одном из участков, возвращались в Переселенческое управление и закрепляли его за собою, но бывали случаи, когда им, прежде чем выбрать участок, приходилось исходить и исколесить несколько сот или тысяч верст. Так, тавричане и георгиевцы исходили всю Акмолинскую губернию и нашли участок только в Семипалатинской.

Чтобы учесть плодородие почвы, ходоки посылались весной — они должны непосредственно наблюдать дикуую растительность, чтобы сделать правильную оценку угодий участка. Наличие солончаковой растительности, хотя бы не в значительном количестве, свидетельствовало о малой пригодности почвы для земледельческих целей; обилие сухолюбивых растений также вызывало осторожность у переселенцев и только пышно растущая луговая флора внушала доверие; такой участок считался вполне пригодным для заселения.

Относительно умения украинцев - переселенцев ориентироваться в новых физико - географических условиях Лацис, в своей статье — „Текущие вопросы переселенческого дела“, пишет: „нужно особенно отметить редкое чутье украинских переселенцев, которые выбирают наиболее подходящий для себя степной район“.<sup>1</sup>



Фиг. 2. Улица села Таврического.

По нашим наблюдениям, они не только сознательно избирают степной район, но прекрасно ориентируются в его почвах и растительности. Великоорусс лесной и лесостепной полосы чувствует себя беспомощным в условиях степного ландшафта. Прежде, чем избрать место под поселение, он осведомляется, есть ли там лес. Великооруссы всегда оседают в хорошо знакомом им лесном и лесостепном ландшафте Сибири. Степь для них — необжитая и трудно осваиваемая земля, тогда как для украинца она является необходимым географическим условием для того, чтобы он имел возможность развернуть свою хозяйственную деятельность.

Переселяясь в Сибирь, украинцы продавали все имущество исключая наиболее ценный сельско - хозяйственный инвентарь, жатки, веялки и брички. Все имущество обращалось в деньги; семян и скота никто не брал, исключая единичные случайные запасы в 4—6 кг пшеницы, взятые хозяйками вместе

<sup>1</sup> Вестник Землеустройства и Переселения. 1927, № 1, стр. 13.

с огородными семянами. Наиболее зажиточные хозяева брали с собою около 500 руб., а победнее, в среднем, 200—300 руб. на хозяйство.

Устройство переселенцев начиналось с выбора места под поселок и разбивки плана его. Поселок всегда располагается, приблизительно в центре земельных угодий и возле речки, но есть исключения из этого правила, — если возле речки хороший луг, то в целях сохранения его, место под поселок избирают другое. План поселков довольно однообразен для всего района. Прямые, широкие улицы, в малолюдных поселках—одна, в многолюдных—две-три и больше, с такими же прямыми проулками пересекающими улицы под прямым углом (фиг. 2 и 3). Во всех поселках исследуемого района усадьбы довольно большие, в среднем, площадью в полдесятины. Большие усадьбы до некоторой степени бытовая черта, свойственная украинской народности. Их можно повсеместно наблюдать на Украине, на Кубани и других местах Союза, где живут украинцы. Объясняется это явление разбросанностью хозяйственных построек, выделением некоторой площади под огород и сад, а также отводом мест под *ток*, если молотьбу хлеба производят в усадьбе.

Этнический состав, среди которого осели украинцы переселенцы, довольно сложный. Демографическая перепись 1926 г. зарегистрировала 43 народности, живущие на территории Семипалатинской губ. и составляющие 1 182 798 душ обоего пола. По отдельным народностям все население губернии распределяется как указано в таблице 1.

Как и следовало ожидать, большинство населения Семипалатинской губ. составляют коренные насельники края—казаки (киркиз-казаки); их 57,21%. Второй по численности народностью являются великоруссы — 26,44%; третье место занимают украинцы—12,20%. Остальные 40 народностей все вместе взятые составляют 3,15% общего количества народонаселения Семипалатинской губ.

Три главные народности—казаки, великоруссы и украинцы далеко не равномерно локализованы на территории Семипалатинской губ. В одних местах мы наблюдаем сплошное казакское население, в других великорусское, живущее более или менее компактными группами, например старообрядческое население южного Алтая, так называемые каменщики, или быв-

Таблица 1.

№№ по порядку	Народности	Мужчин	Женщин	Всего
1	Казачи . . . . .	366 271	322 250	688 521
2	Великоруссы . . . . .	153 073	159 677	312 750
3	Украинцы . . . . .	72 230	72 120	144 350
4	Немцы . . . . .	5 490	5 549	11 039
5	Белоруссы . . . . .	4 594	4 619	9 213
6	Татары . . . . .	2 935	2 750	5 685
7	Мордва . . . . .	2 576	2 582	5 158
8	Болгары . . . . .	876	839	1 715
9	Эстонцы . . . . .	303	328	631
10	Поляки . . . . .	228	260	488
11	Прочие . . . . .	1 776	1 472	3 248
	Итого . . . . .	610 352	572 446	1 182 798

шее сибирское казачье войско, растянувшееся своими станицами неширокой полосой вдоль Иртыша. Украинцы же как более поздние колонисты края, (первые партии украинцев-переселенцев появились в 1891—93 году), осели на территории Семипалатинской губ. менее компактными группами. Они как бы вклинились между казакскими аулами и летовками с одной стороны и великорусскими селами и поселками с другой, располагались то небольшими группами своих поселений, то одиночными поселками. Лишь в немногих местах встречаются сплошные украинские поселения, иногда составляющие большинство в той или иной волости. Вследствие этих причин украинское население как видно из таблицы 2, далеко не равномерно распределено по уездам.

Наибольший процент украинцев-переселенцев живет в Павлодарском уезде; из 144350 человек украинцев Семипалатинской губ. — 68685 человек находится в Павлодарском уезде, что составляет 47,6% всего украинского населения губернии. В самом Павлодарском уезде украинцев 25%; среди народностей уезда они занимают после казаков второе место. В Семипалатинском и Усть-Каменогорском уездах процент украинцев сов-

Таблица 2.

№№ по порядку	Уезды	Украинцы в %	Великоруссы в %	Казак в %	Остальные народности в %
1	Бухтарминский . . . . .	8,9	56,2	31,6	3,3
2	Зайсанский . . . . .	3,9	11,9	82,9	1,3
3	Каркаралинский . . . . .	1,15	0,38	98,0	0,47
4	Павлодарский . . . . .	25,0	12,23	58,75	4,2
5	Семипалатинский . . . . .	12,2	32,3	51,2	4,3
6	Усть-Каменогорский . . . . .	12,8	55,0	29,5	2,7

падает с процентом для всей губернии—12,2<sup>0</sup>/<sub>0</sub>—12,8<sup>0</sup>/<sub>0</sub>. Значительно меньше живет украинцев в остальных трех уездах: в Бухтарминском — 8,9<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, в Зайсанском — 3,9<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, а в Каркаралинском, чисто казакском уезде, украинцев только 1,15<sup>0</sup>/<sub>0</sub> (табл. 2).

В исследованном нами районе (см. этнографическую карту) украинское население составляет 28<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, великорусское 24,73<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, казакское—43,37<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, а на долю остальных народностей падает 3,9<sup>0</sup>/<sub>0</sub>. В этот район входят 10 волостей; 7 из них: Свердловская, Колбинская, Буконьская, Мендышевская, Чарская, Пролетарская и Ленинская—Усть-Каменогорского уезда, Красно-Октябрьская—Семипалатинского уезда, Кокпектинская—Зайсанского уезда и Тимофеевская Бухтарминского уезда. Этнический состав этого района довольно пестрый, здесь живет 26 народностей (табл. 3).

Из этой таблицы видно, что первое место по численности принадлежит тем же казакам, а второе украинцам; великоруссы занимают третье место. Украинское население исследуемого района составляет 24<sup>0</sup>/<sub>0</sub> всех украинцев Семипалатинской губ. Таким образом нашим исследованием охвачена почти  $\frac{1}{4}$  семипалатинских украинцев.

Осели украинцы-переселенцы на территории исследуемого района далеко не сплошной массой. В одних волостях (табл. 4) как, например, Свердловской и Пролетарской, украинцы составляют большинство. В первой их 77<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, а во второй 58,3<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, в других же волостях украинцы по численности являются второй народностью: в Кокпектинской их 35,1<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, в Красно-Октябрь-

Таблица 3.

№№ по порядку	Народности	Мужчин	Женщин	Всего	В % ко всему населению района
1	Казаки . . . . .	28 484	25 218	53 702	43,37
2	Украинцы . . . . .	17 252	17 412	34 664	28,0
3	Великоруссы . . . . .	15 058	15 565	30 623	24,73
4	Белоруссы . . . . .	750	769	1 619	1,33
5	Мордва . . . . .	399	411	810	0,68
6	Немцы . . . . .	386	393	779	0,66
7	Татары . . . . .	320	284	604	0,50
8	Болгары . . . . .	131	133	264	0,22
9	Эстонцы . . . . .	92	116	208	0,21
10	Поляки . . . . .	39	36	75	—
11	Прочие . . . . .	163	154	317	0,30
	Итого . . . . .	63 074	60 491	123 665	100

ской—32,7%, в Тимофеевской—32,3%, в Буконьской—23,4%, в Ленинской—18,7%, в Чарской—12,1%, в Колбинской—11%, а в Мендышевской, этнически чисто казакской волости, украинцы занимают третье место—их всего 0,3%.

На этнографической карте, приложенной к этой статье и составленной нами на основании данных демографической переписи 1926 г. по материалам, хранящимся в Академии Наук СССР, из всех народностей значащихся в таблице 4 отмечены только украинцы, великоруссы, казаки, немцы, эстонцы, болгары, белоруссы, мордва и поляки. Остальные народности, в том числе и татары, живущие среди вышеотмеченных народов и составляющие меньшинство ниже 10%, на карте не отмечены.

В методике картографирования населения мы несколько уклонились от тех приемов, которые изложены в „Инструкции к составлению племенных карт“, изданной Комиссией Академии Наук по изучению племенного состава населения СССР. В целях более точной локализации территории занимаемой тем или иным населенным пунктом, мы в соответствующем месте карты пунк-

тирной линией наносили территорию земельных угодий населенного пункта, соблюдая при этом масштаб и конфигурацию этой площади. Для более точного картографирования смешанного населения, живущего в одном населенном пункте, мы даем, кроме соответствующих условных цветных знаков, показывающих ту или другую народность, — еще и цифры процентных отношений этих народностей, что значительно уточняет графическое изображение смешанно живущих народностей. Для примера возьмем на карте пятно расположенное на точке скрещения  $50^{\circ}$  восточной долготы с р. Чар и Семипалатинским трактом, где условными знаками показаны украинцы (линейной штриховкой) и великоруссы (квадратиками), а цифрами 75—25 — их процентное отношение. При этом первая цифра 75 относится к той народности, которая по шкале на карте значится первой, в данном случае — украинцы, а 25 следовательно относится к великоруссам. Площадь, отмеченная однородными условными знаками, показывает однородность населения. На нашей карте украинцы, которые были главным объектом наших исследований, умышленно отмечены сплошной штриховкой, как более рельефно выделяющей эту народность. Кроме того следует отметить, что почти все надписи населенных пунктов, в целях графической ясности и четкости, убраны с карты.

При первом же взгляде на карту бросается в глаза пестрота населения исследуемого района и смешанность, главным образом, украинцев и великоруссов. Лишь в Чарской долине (по р. Чар) украинские поселения составляют более или менее сплошной ареал. В других же местах среди украинских сел расположены великорусские поселки, болгарские и немецкие колонии, а также поселения смешанного типа, где живут украинцы, великоруссы, белоруссы, мордва и казаки. На ряду с такой пестротой поселений следует заметить, что и украинские села этнически далеко не однородны, в преобладающей украинской массе в некоторых селах встречается значительный процент великорусского, белорусского, мордовского и прочего населения.

Однако, несмотря на сложное этническое и культурное окружение, украинцы сохранили свои типичные бытовые черты и оказали довольно сильное влияние, главным образом, на белоруссов и мордву, а отчасти на великоруссов и казаков.

Главным занятием украинцев-переселенцев в Казакстане, как равно и у себя на родине, является земледелие, а вспомо-

Таблица 4.

Народности	В О Л О С Т И									
	Свердловская	Пролетарская	Кокпектинская	Красно-Октябрьская	Тимофеевская	Буконьская	Ленинская	Чарская	Колбинская	Мендышевская
Украинцы . . . . .	6 553	6 136	2 423	5 501	5 788	4 107	1 690	1 177	1 235	54
Великоруссы . . . . .	1 407	3 346	3 565	2 534	10 990	1 767	6 005	15	717	277
Белоруссы . . . . .	5	103	135	268	253	725	182	—	40	8
Казачи . . . . .	404	269	414	8 495	157	10 444	801	8 495	9 138	15 085
Немцы . . . . .	4	644	—	13	16	18	80	—	3	—
Поляки . . . . .	9	16	3	—	13	9	19	—	—	6
Мордва . . . . .	9	—	19	—	599	139	28	—	9	—
Татары . . . . .	145	5	14	6	2	330	29	5	—	68
Эстонцы . . . . .	—	21	—	—	38	—	149	—	—	—
Болгары . . . . .	—	5	259	—	—	—	—	—	—	—
Прочие . . . . .	5	21	71	21	78	23	36	—	30	32
Итого . . . . .	8 541	10 566	6 903	16 838	17 934	17 562	9 019	9 692	11 172	15 530

гательным — скотоводство, и совершенно ничтожное значение имеют охота, рыболовство и пчеловодство. Впрочем последнее начинает развиваться, но район его распространения довольно ограниченный — всего несколько сел: Малороссийское, Добролюбовское, Александровское, Пантелеймоновское, Веселое, Натальинское и др.

Довольно слабо развиты занятия ремеслами: кузнечным, гончарным, кожевенным и бондарным. Количественно они до известной степени удовлетворяют местный спрос, но качественно продукция их значительно ниже тех же изделий на Украине.

Как техника так и приемы пользования сельско-хозяйственными орудиями, их терминология во всех перечисленных видах занятий — общеукраинские. Лишь некоторые особенности в области хозяйственного быта сближают переселенцев с южной Украиной.

Жилище переселенцев — украинская хата также сохранила свои типичные особенности, как в плане, материале из которого она сделана, так и в технике постройки и месторасположении в усадьбе. Только в форме крыши хата переселенцев приобрела местные особенности — плоскую крышу. Поэтому наряду с типичной четырехскатной, в украинском стиле, крышей или двухскатной, заимствованной, по словам переселенцев, еще в Таврии у немцев-колонистов, довольно часто встречаются хаты с крышей плоской.

Одежда украинцев-переселенцев подверглась довольно сильному изменению. Одежды старинного украинского типа почти не встречаются. Мужчины заменили свои широкие украинские штаны на *очкурі* брюками городского покроя или шароварами солдатского образца, белую холщевую *сорочку* с вышитым отложным воротником — ситцевой с прямым стоячим воротом рубахою или же косовороткою. Из мужской верхней одежды сохранился только *кожух*, сшитый из овчин. Украинские *свити*, которые еще в 1898 г. наблюдал Коншин,<sup>1</sup> теперь уже не встречаются, но украинские *чоботи*, отмеченные тем же автором, еще быгуют. В несколько меньшей степени, но все же эволюционировала и женская одежда. Женщины уже не носят *запаски* и *намітки*, но изредка, главным образом у старух, встречаются украинские вышитые *сорочки*. Вообще, как мужской

<sup>1</sup> Памятная книжка Семипалатинской губ. на 1889, стр. 33

так и женский костюм подвергся довольно сильному городскому влиянию. Несмотря на то, что переселенцы исследуемого района являются выходцами из разных губерний Украины, по своей одежде они ближе всего к украинцам южной Украины.

Эта близость и, даже больше, культурные связи переселенцев исследуемого района с южной Украиной, отчетливо выявляются, как это будет отмечено в ряде последующих статей, касающихся земледелия, скотоводства, народной техники и пр.

Вместе с тем мы будем иметь случай неоднократно показать, что украинцы-переселенцы, несмотря на короткий сравнительно период пребывания в Казакстане, довольно хорошо приспособились и сжились с местными физико-географическими и культурно-экономическими особенностями занятого ими края.

## ЗЕМЛЕДЕЛИЕ УКРАИНЦЕВ - ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЮЖНОЙ ЧАСТИ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ГУБЕРНИИ

**А. С. Бежкович**

Земледелие является основным занятием украинцев-переселенцев; на нем, главным образом, строится хозяйственное благополучие, разумеется, при основательной поддержке скотоводства, которое, как мы могли убедиться,<sup>1</sup> тоже занимает видное место в хозяйственном быту украинцев.

В предлагаемой статье мы остановимся не только на земледельческих орудиях, но и на процессах труда самого земледельца, дополняющих работу орудий и машин, на полевых растениях, возделываемых в украинском земледелии исследуемого района, на способах отбора семян к посеву, так сказать, на народной селекции, а также на хозяйственном значении полевых культур.

Все эти стороны земледельческого быта мы будем рассматривать с трех точек зрения: приспособления украинцев к новым физико-географическим условиям, заимствований элементов туземной культуры и влияния украинцев на своих новых соседей казаков и великоруссов в области земледелия.

Пахотные орудия. До переселения в Степной край, украинцы занимались у себя на родине земледелием. Одни (тавричане, херсонцы, кубанцы) были уже знакомы с более совершенной фабрично-заводской земледельческой техникой—пахали железными плугами, плужницами фабрики Гена или кустарного изготовления и работы своих *ковалів*, убирали хлеб, наиболее зажиточные, жнейками-лобогрейками, молотили каменными катками, а веяли кустарной работы веялками. Другие (екатеринославцы, полтавцы, харьковцы, киевляне, воронежцы, черниговцы, волынцы, подоляне) пользовались народной земледельческой техникой—пахали старинным украинским

<sup>1</sup> См. статью настоящего сборника: „Скотоводческий быт украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губернии.“

деревянным плугом или ралом, убирали хлеб серпами, молотили цепами, а веяли лопатой на ветру.

Переселяясь на новые земли, очень немногие хозяева могли взять с собою сельско-хозяйственный инвентарь—дальность расстояния и условия перевозки не позволяли этого сделать. Брали только наиболее ценные орудия и машины, обычно фабрично-заводского изготовления, всегда в складчину. Так, тавричане (село Таврическое) на 50 хозяйств взяли 7 железных плугов и 12 плужниц, а георгиевцы (село Георгиевское) в складчину четыре хозяина привезли одну лобогрейку и веялку. В первый же год переселенцы испытали недостаток в инвентаре и вынуждены были покупать его у старожильческого населения, которое обрабатывало свою землю деревянным плугом украинского типа. Вот этим-то плугом, вышедшим в Таврии из употребления еще в 70 годах прошлого столетия, некоторые хозяйства тавричан-переселенцев вынуждены были распахать целинные почвы, вплоть до русско-японской войны, так как в Семипалатинской и других соседних губерниях не было в продаже фабрично-заводских плугов. Отсутствие в то время железной дороги до Омска делало этот район в хозяйственном и культурном отношении совершенно изолированным; переселенцы из Таврии, Херсонщины и Кубани, будучи хорошо знакомы с железными плугами, плужницами, жнейками и веялками, не могли их получить. Только с постройкой Сибирской железной дороги, а главным образом после русско-японской войны, когда дорога была освобождена от военного транспорта, и после открытия по Иртышу пароходной линии Омск—Семипалатинск и Семипалатинск—Усть-Каменогорск, представилась возможность получать из Украины плужницы, плуги, лобогрейки, веялки и брички. С этого времени начинается усиленная механизация земледелия украинцев-переселенцев. Наиболее предприимчивые крестьяне брали на себя инициативу покупки земледельческих орудий и машин—ездили сами на Украину, привозили плуги, плужницы, лобогрейки и брички или же в г. Усть-Каменогорске и Семипалатинске находили поставщиков, гарантировали им сбыт и просили выписывать необходимый для них инвентарь. Вскоре, по примеру украинцев, и местные крестьяне начали покупать фабрично-заводские плуги и заменять ими деревянные. Теперь у старожиллов можно встретить только случайно старый деревянный

плуг уже, конечно, заброшенный. В селе Красноярском у одного крестьянина мы нашли только отдельные разрозненные части, причем одни из них получили в хозяйстве новое назначение, так, лемех находился в бане и служил парником, а градиль и чепиги лежали на соломенной крыше, предохраняя ее от срыва ветром. Характерно, что терминология некоторых частей деревянного плуга, например градилья, чепиг, отвала и отреза — украинская. Как попал украинский плуг к местным великоруссам нам не удалось выяснить, так как сами крестьяне не помнят, когда впервые появился этот плуг и вообще считают его своим орудием — „прадеды наши пахали им“.

Влияние украинцев на распространение фабрично-заводских плугов не ограничилось местным сибирским крестьянством; плуг этот мы находим и у казаков. Под влиянием украинцев, казаки начали покупать железные плуги; иногда эта покупка происходила на складе, но довольно часто покупали у украинцев уже подержанные. Плуг, новое орудие в казакском хозяйственном быту, получил определенное в нем место, и даже его название в казакском произношении, (правда, несколько видоизмененное: вместо плуг — *п/блук*, вместо градиль — *кридиль*, лемех — *лемек*, отвал — *отполка*), вошло в язык соседних казаков-земледельцев. Соха, которую описал Левшин,<sup>1</sup> теперь уже больше не встречается у казаков, живущих по соседству с украинцами; не встречается и взрывания заступом почвы под посев.<sup>2</sup>

В настоящее время украинцы-переселенцы пахут залежи и целинные земли плугами фабричной марки Гена и Сакк; *мякоть* — землю находящуюся в обработке 2—3 года и больше — плужницами и значительно реже двухлемешными буккерами; в некоторых селах (Георгиевское) залежи тоже пахут буккером. Только эти три вида пахотных орудий мы и встретили в исследуемом районе.

Украинского рала переселенцы здесь не знали. Только старики помнят его на своей родине.

Плуг является необходимым инвентарем каждого хозяйства, если оно продолжает распахивать целинные земли, а плужница и буккер в таких случаях служат как бы дополнением к нему,

<sup>1</sup> Описание киргиз-казачьих орд и степей. Ч. III, 1832, стр. 205.

<sup>2</sup> Там же.

и чаще первая, чем последний. Но, если хозяйство имеет дело только с *мякотью*, то главным пахотным орудием для него будет плужница, реже буккер. Следует, однако, заметить, что редко встречаются хозяйства, которые обходились бы только одним плугом, как равно и хозяйства, имеющие все три вида орудий. Наиболее частое сочетание это—плуг и плужница, реже плуг и буккер, совсем редкое — плужница и буккер. Тем не менее, каждый вид вышеперечисленных пахотных орудий для обработки почвы под посев является вполне достаточным и наличие в том или ином хозяйстве двух-трех видов объясняется исключительно тем, что оно ежегодно распахивает, наряду с *мякотью*, залежь и целину.

То же сочетание пахотных орудий имеет место в южной Украине и совсем другое у украинцев на Кубани, в Ставропольской губ. и на Дону; там более или менее состоятельное хозяйство имеет плуг и буккер и скорее последний, чем первый. В центральной, западной, северной и восточной Украине почти единственным пахотным орудием является плуг и изредка встречается рало.

Таким образом, украинцы-переселенцы для вспашки почвы пользуются исключительно фабрично-заводской техникой; орудия домашнего или кустарного изготовления вышли из обихода немедленно после русско-японской войны.

На описании частей этих орудий мы останавливаться не будем, но терминология частей пахотных орудий, хотя бы и фабрично-заводского изготовления, нас будет интересовать, так как исследование этого вопроса проливает свет на устойчивость народной терминологии и на заимствование и изобретение новой.

Современный фабрично-заводский плуг, как конструкцией своих частей, так и количеством их не отличается от старого украинского плуга, изготовлявшегося народными мастерами и потому его терминология перенесена на современные плуги без изменения. Старые названия — *граділь*, *чепіш*, *стовба*, *полоз*, *пятка*, *полуця*—отвал, *лиміш*—лемех, *чересло*—отрез, *колішня*—передок и части его,—*правило*, *підмога*, *подушка*, *вісь*—ось и колеса—употребляются и по сие время. Правда, такие названия, как *підмога*, *правило*, *подушка*, *полоз*, далеко не многие хозяева могли назвать, говорили: *ніяк ни називаця*.

Несколько иначе обстоит дело с терминологией новых орудий, буккера и плужницы, конструирование и изготовление которых неизвестно было народной технике.

Те части буккера, которые по форме и своим функциям тождественны с частями плуга, получили соответствующие наименования, например — *лиміш*, *полиця*, *пятка*, *стовба*, *чепіга*, хотя последнюю иногда называют ручкою, рукояткою. Корпус буккера, соответствующий по своим функциям градилю, но по форме отличающийся от него, в большинстве случаев никакого названия не имеет; только изредка можно встретить хозяев, называющих его *рямой* — рамой. Рычаг буккера, которого нет в плуге, называют *стріла*.

Такое же применение терминологии плуга к буккеру мы наблюдали на Кубани. В плужнице только две части — лемех и отвал — носят название соответствующих частей плуга — *лиміш* и *полиця*, но стойка получила немецкий термин, осмысленный в украинском языке в *штанга*; передние колеса плужницы называют передком; другие же части ее, например корпус, никакого названия не носят.

Отсутствие названий некоторых частей у буккера и плужницы, а так же и то, что многие, особенно молодые хозяева, не знают всей терминологии частей плуга, объясняется тем, во-первых, что эти части ими не изготавливаются; земледелец никогда не говорит, что ему надо подыскать материал для такой-то части и сделать ее; и, во-вторых, тем, что эти части редко ломаются, хозяин их никогда не ремонтирует и вообще в процессе работы орудия, с ними не сталкивается; поэтому они как бы сливаются с главными частями и теряют свое название. Одним словом, название частей носит строго служебный характер; стоит какому-либо предмету сделаться менее требующим внимания к себе со стороны хозяина, как сейчас же его название забывается и, напротив, появление новой части, с которой хозяин в своей работе часто сталкивается, побуждает его к изобретению нового названия или же к перенесению названия с другого, сходного по форме и функциям предмета.

Функции пахотных орудий. Назначение почвообрабатывающих орудий, как известно, одно и то же для всех видов и типов их — вспахивать или разрыхлять верхний слой почвы, делать его более или менее пригодным для посева семян, — но

функции орудий, в зависимости от их конструкции, разные, а отсюда и различное применение их при обработке почвы. Плуг в процессе вспашки—более тщательное орудие, чем буккер или плужница: он своим отрезом разрезает пласт почвы по вертикальной линии, затем лемехом подрезает снизу по горизонтальной и передает, приподнимая левой стороной отрезанный пласт на отвал, где он, скользя назад (по отвалу), делает винтообразный полуоборот и сваливается в ранее проведенную борозду, растительным покровом вниз. Эти функциональные особенности плуга резко отличают его от буккера и плужницы, которые, не имея отреза, подрезают почву снизу по горизонтальной линии, раскалывают, разрывают ее по вертикальной, вследствие чего пласт почвы, рассыпаясь в беспорядке, не опрокидывается растительным покровом вниз, а сваливается в борозду.

По конструкции, пахотные орудия украинцев-переселенцев можно разделить, согласно классификации Д. К. Зеленина,<sup>1</sup> на два типа: „орющие“ (режущие) и „пашущие“. К первому относится плуг, ко второму — плужница. Буккер же занимает срединное положение между этими двумя типами. Это режуще-пашущее орудие.

Конструктивное различие применяемых орудий в исследуемом районе и их функциональные особенности объясняются почвенными и хозяйственными условиями. Распашка нови, сенокоса и старой залежи, как выше было сказано, требует орудия более тщательного, каким в данном случае является плуг. Но, кроме того, плугом пашут и *мякоть* (*шоб достать свіжої землі*), производят более глубокую вспашку, вследствие чего верхний слой почвы попадает вниз, а нижний, еще не тронутый предыдущими вспашками, поднимается наверх, что, при хорошей вспашке, создает такое впечатление, как будто распахана новая земля. Плугом, в среднем, пашут в день  $\frac{3}{4}$  гектара. Если плуг является орудием тщательной вспашки, то плужница может служить образцом небрежной обработки почвы. Кроме того, что это орудие мелко пашет, оно еще и не перерезает корней таких мелких кустарников, как дикий миндаль, шиповник и карагайник. Вспашка

---

<sup>1</sup> Русская соха. Изд. Вятского Губернского Статистического Комитета, 1907, стр. 11.

плужницей одного и того же поля 3—4 года подряд делает его настолько засоренным, что, для повышения плодородия производят глубокую вспашку плугом или оставляют под сенокос. Единственное преимущество этого орудия — скорость вспашки, в среднем два гектара в день, почему на Кубани это орудие и было названо *скоропашкой*. Буккер, как по качеству, так и по количеству и по глубине вспашки, занимает как бы среднее положение: им пашут почву, уже однажды обработанную плугом и давшую урожай, так называемую *мякоть*, кроме того, пашут залежи, незаросшие пыреем и мелким кустарником дикого миндаля, шиповника и карагайника. Вообще к буккеру в обработке *мякоти* прибегают в тех случаях, когда вспашка плужницей считается недостаточной. В среднем, в нормальный рабочий день им вспахивают от 1 до 1<sup>1</sup>/<sub>4</sub> гектара.

Пашут, украинцы-переселенцы, главным образом, на лошадях и реже на волах. При вспашке целины и залежи, впрягают в плуг три, а иногда и четыре пары волов или лошадей, но *мякоть* пашут двумя парами и иногда пятью лошадьми. Одноконных, пароконных и трехконных плугов в исследуемом районе мы не встречали. Минимальная предельная норма рабочего скота для плуга—четыре лошади или вола. В плужницу и буккер впрягают тоже три пары и значительно реже — две.

Несмотря на то, что мы уже более не встречаем старого украинского плуга, так поражавшего своей громоздкостью и неуклюжестью непривычный глаз путешественника, былого времени, другая неотъемлемая и типичная сторона украинского земледельческого быта, а именно запряжка в плуг трех-четырёх пар рабочего скота живет по сие время. Для великорусса лесной и лесостепной полосы многолошадная и многоголовья запряжка украинцев совершенно непонятна. Некоторые исследователи украинских земледельческих орудий и сельского хозяйства (Гильденштедт,<sup>1</sup> Фирстов,<sup>2</sup> Витте<sup>3</sup>), склонны были многопарность запряжки объяснять большими размерами и громоздкостью украинского плуга, тогда как она вызывается особенностями почвы степной полосы—почва плотная, тяжелая,

<sup>1</sup> Технологический журнал. 1804, т. I, ч. II. Из путешествий Гильденштедта.

<sup>2</sup> Земледельческие орудия восточной полосы России. 1854, Казань.

<sup>3</sup> Журнал Минист. Госуд. Имущ. за 1844 г., ч. III. Витте. О сельском хозяйстве в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губ.

сильно задерненная и довольно часто заросшая кустарником дикого терна, орешника, шиповника и травами, с крепким корневищем, что требовало прочного и массивного орудия, а наряду с этим и многопарной запряжки. Поэтому современный усовершенствованный фабрично-заводский плуг, несмотря на свою относительную легкость, все же нуждается в трех-четырех парах рабочего скота.

Вместе с пахотными орудиями эволюционировала и техника запряжки. *Бревенчаки*, описанные Гильденштедтом в середине XVIII столетия, теперь уже не встречаются не только на Украине, но и в украинских колониях Казакстана; их повсюду заменили железное *війце*, или такая же цепь и реже деревянное *війце*, окованное железом.

Рабочий скот запрягают в пахотные орудия по-парно, считая от плуга. Только в тех случаях, когда в плуг, буккер или плужницу впрягают пять лошадей, это правило нарушается — к передней паре с левой стороны (если смотреть от плуга) *припрягають* третью лошадь: впереди пары идет тройка. В переднюю пару запрягают более опытных и спокойных волов или лошадей.

Во время пахоты возле плуга, буккера или плужницы работает один взрослый человек, а возле рабочего скота ходят один-два подростка — *погонича*, которые подгоняют ударами *бичика-кнута* одних и управляют другими. Если в упряжке вола, то для удобства управления, связывают концы *налигачів* одна за другой идущих пар, и *погонич*, идя сбоку на расстоянии двух-трех шагов, держа в руках *налигач* и *бичик*, управляет волами. При этом он подгоняет отстающих и старается, чтобы *борозенні*<sup>1</sup> вола шли по борозде, а *підрушні* — рядом с ними, не вытесняя их вправо и не выходя из борозды влево. Волам, уклоняющимся вправо от борозды, *погоничі* кричат *соб, цоб*, а идущим влево *цабе*, — хорошо обученные животные понимают этот язык *погонича* и слушают его. Если же пахут на лошадях, то *погонич* садится верхом, при двухпарной запряжке на *підрушню* лошадь передней пары, а при трехпарной — тоже на *підрушню*, но средней пары. При помощи вожжей он управляет передней парой, а поводьями уздечки —

---

<sup>1</sup> *Борозеннімі* называют тех волов, которые идут в борозде, а идущих рядом с *борозеннімі* — *підрушнімі*.

средней, задняя же пара идет правильно за двумя передними и ее подгоняет *пугатирь* — рабочий, идущий за плугом.

Подбадривая рабочий скот, *погоничи* и *пугатири*, то посвистывают, то нараспев кричат волам: *гей, гей, гей, сип!* а лошадям: *гей, но-оо, гей но-оо, но-оо; но-оо, кара!* Если на небольшом поле одновременно пашет несколько хозяев, то от ритмичного покрякивания и посвистывания *погоничів* и *пугатирів* получается своеобразная музыка, подбадривающая не только животных, но и самих *орачів* — пахарей.

Работа *пугатиря* заключается в том, что он управляет плугом и чистит его. Он идет по борозде, держась обеими руками за концы *чепіг* и, управляя плугом, не дает ему уклоняться в стороны. *Пугатирь* внимательно следит за плотностью почвы и попадающимися на пути плуга растениями, чтобы во-время заметить кустарники и сорняки и подготовить плуг к перерезыванию корней, т. е. надавить на него и сделать небольшой уклон влево, так как именно такое положение плуга считается наиболее выгодным для подрезания корней крепких растений; если же на пути плуга встречается сплошная заросль кустарника, то *пугатирь*, надавливая на плуг вперед, производит им мелкие, но частые толчки в стороны, как бы старается протолкнуть плуг вперед, что значительно помогает лемеху перерезывать корни.

Такое внимательное отношение *пугатиря* к орудию необходимо в том случае, когда он пользуется плугом фабрики Гена. Плуги фабрики Сакка требуют меньшего к себе внимания, так как конструкция этого орудия настолько хорошо приспособлена к плотным почвам, что может идти в земле без постоянного управления *пугатиря*.

Дойдя до конца нивы, где кончается борозда, *пугатирь* выбрасывает из нее плуг. Делает это, обычно, так: резким, энергичным движением руки давит на правую *чепігу*, наклоняет весь корпус плуга вправо, отрывая этим и отбрасывая пласт почвы к пахоте, после чего плуг выскакивает на поверхность, и *пугатирь* без особого усилия кладет его на левую сторону. В лежащем положении плуг тянут на другую сторону нивы до борозды, где *пугатирь* снова берет *чепіги* в руки, слегка поднимает плуг, ставит его на лемех и, надавливая, начинает новую борозду. Во время работы плуг часто засоряется, особенно, если нива заросла травой или на ней осталась большая

эта боязнь преувеличена, так как переход совершается в короткое время — лошади налегке проходят довольно быстро, а кроме того, такой прогул, после 170 — 250-метровой работы, является необходимым условием, дающим передышку рабочему скоту.

Земледельческие растения. Переселяясь в Казакстан, украинцы не брали с собой семян, так как были осведомлены о том, что их можно приобрести у местного старожильческого населения — русских крестьян. Только некоторые хозяйки, запасаясь огородными семенами *про всякий случай*, брали узелок в 3 — 4 кг семян своей любимой пшеницы — *полтавки*.

Из зерновых злаков сеяли озимую рожь, местную яровую пшеницу и, кое-кто, взятую хозяйками *полтавку*, ячмень, овес и просо. В первый год рожь дала плохой урожай; пробовали сеять в последующие годы, но опыт не удавался, и украинцы убедились, что местная почва непригодна для выращивания ржи, поэтому теперь ее не сеют. Остальные указанные выше злаки возделываются и в настоящее время. Среди всех хлебов первое и исключительное место в хозяйственном быту переселенцев занимает пшеница. Она является основным продуктом питания населения, главным рыночным товаром, одним словом, богатством местного земледелия. Под посев пшеницы отводят наиболее плодородные почвы, и семена на посев отбирают наиболее тщательно.

В настоящее время в исследуемом районе культивируются два ботанических вида пшеницы — твердая, *Triticum durum*, и мягкая, *Triticum vulgare*; они представлены четырьмя разновидностями: *полтавка*, вывезенная из Украины переселенцами, *красненькая* местная, *білотурка*, полученная с юго-востока Союза, и *семиколоска*, вывезенная из Семиречья (Джетысу). Первые две разновидности принадлежат к виду мягких пшениц, а последние к виду твердых. Из всех четырех видов наибольшую площадь занимает *полтавка*, а в некоторых поселках она совершенно вытеснила остальные три разновидности, причем это явление не случайное. Крестьяне, чрезвычайно внимательно относятся к тому или иному виду злаков вообще и пшеницы, в частности. Прежде чем отдать предпочтение определенному виду или сорту, его испытывают и учитывают все его положительные и отрицательные качества. Вид твердых

пшениц, несмотря на то, что зерно их более тяжеловесное, — натура твердых 140—150, а мягких 120—135, и рыночные цены на них выше, чем на мягкие, — все же в исследуемом районе не прививается и по следующим причинам.

а) В размоле твердые пшеницы крепки, и потому мельники неохотно берут их на мельницы; после размолы зерен этих пшениц сильно стирается жернов.

б) Хлеб, выпеченный из муки твердых пшениц, скоро черствеет, что в условиях крестьянского быта, где хлеб выпекается на несколько дней, имеет большое значение. В этом случае против введения в севооборот твердых пшениц обычно протест выражает хозяйка: *визи на млин лучче полтавку, од неї гарне борошно, а то з білотурки хліб черствіє скоро, тай вареника з неї ни звариш, бо з неї кісто як риміняка*. Такие же замечания хозяек нам приходилось слышать и на Кубани по адресу столь прославленной на хлебном рынке кубанки.

в) Твердые пшеницы вызревают позже мягких, что имеет большое значение при сравнительно коротком вегетационном периоде.

г) В более или менее дождливый вегетационный период твердые пшеницы дают буйный рост, при этом стебли растений мягкие, неустойчивые, а *пір'я*—листья широкие и тоже большие, вследствие чего хлеб ложится и затем истекает, не вызрев. *Полтавка* же не так буйно растет, и, если случится, что она поляжет, то все же и в таком положении она вызревает.

д) В молотье твердые пшеницы значительно крепче мягких; во влажную погоду они совершенно не вымолачиваются, что при большом посеве и коротком лете создает большие неудобства для хозяйства переселенцев, которые всю свою молотью заканчивают до октября месяца.

е) У твердых пшениц обычно жесткие остья и довольно грубая чешуя, вследствие чего их *полова*—мякина малопригодна для корма домашних животных, что имеет большое значение, так как главным кормом рабочих лошадей и, частично, рогатого скота является мякина.

Вот те, с точки зрения местной хозяйственной оценки, отрицательные качества твердых пшениц, которые не компенсируются высокой натурой зерна и хорошим спросом на рынке.

*Полтавка*, как представительница мягких пшениц, заняв главное место в севообороте и вообще в хозяйстве украинцев - переселенцев, имеет следующие преимущества перед

ребрик, двурядный ячмень, *Hordeum distichum*. Несмотря на относительную крупнозернистость его, украинцы нашли менее выгодным этот вид и вскоре же (8—10 лет после переселения) вывезли из южной Украины шестирядный *Hordeum vulgare*, как более *наборный*. Площадь последнего теперь уже преобладает. Нужно заметить, что ячмень возделывает небольшое количество хозяйств—30—40%.

Несколько большее значение в хозяйственном быту украинцев имеет просо, *Panicum miliaceum*; его сеют все хозяева-переселенцы. Просо вообще в украинском быту, в виде каши, является необходимым пищевым продуктом. Кроме того, просо в размолотом виде идет в корм лошадям и свиньям для подсыпки в мякину, а наличие целинных земель и ксерофитность этой культуры способствует удержанию ее в севообороте украинцев-переселенцев. В исследуемом районе возделывают две разновидности проса: местное *простое* белое или серое, мелкозернистое, с развесистой рыхлой метелкой (*растрёпой*) и *кубанку*, как говорит само название, заимствованную из Кубани, отличающуюся высоким ростом, густою и плотною метелкою, желтую и крупнозернистую. *Кубанка* имеет тенденцию вытеснить *простое*.

Гречиха, так хорошо известная на Украине и воспетая в ее поэзии, как дающая хорошую белую муку, у украинцев-переселенцев почти совсем выпадает из севооборота. Очень немногие хозяева ее сеют. Переселенцы из южной Украины, где посев гречи сравнительно редкий, незначительную площадь ее у себя объясняют тем, что они к ней не привыкли; но переселенцы из других районов Украины, где эта культура имела большое продовольственное значение, говорят, что урожай ее, в местных климатических условиях, довольно неустойчив; кроме того, она поздно вызревает, боится весенних заморозков и трудно переносит засушливое лето. Это, повидимому, главным образом и отражается на посевной площади гречихи. Вообще надо заметить, что посевная площадь этой культуры за последнее время по всей Европейской части Союза и особенно на юго-востоке довольно сильно сократилась.<sup>1</sup>

Этим небольшим перечислением и исчерпываются хлебные злаки, возделываемые украинцами-переселенцами. Все внимание земледельцев, как можно было убедиться, сосредоточивается

---

<sup>1</sup> Н. И. Вавилов. Полевые культуры юго-востока. Пг., 1922, стр. 116.

на пшенице; некоторым вниманием пользуются овес и просо; остальные же хлеба, ячмень и особенно гречиха, во многих хозяйствах совершенно отсутствуют. Ржи, главного русского хлеба, вовсе не сеют.

Попутно мы выясняли хозяйственное значение каждого злака в отдельности и причины, обуславливающие то или иное его место в севообороте. Но мы не указали основной причины, относящейся ко всем злакам в целом, которая, по нашим наблюдениям, играет доминирующую роль в том, что украинцы-переселенцы строят свое земледелие на трех культурах, с явно выраженным преобладанием пшеницы. Хозяева сознательно избегают большой пестроты злаков на своих полях. Это упрощает работу в поле во время уборки—на току при молотье, а также облегчает задачу хранения зерна. Последнее, по словам крестьян, имеет главное значение, так как зернохранилища в хозяйстве довольно постоянны, но трудно их приспособлять в каждом отдельном случае. Имея три главных закрома, он все их заполняет зерном преобладающей культуры, а для двух второстепенных делает еще два небольших вместилища. Если бы количество второстепенных злаков увеличилось до пяти-шести видов, то это создало бы затруднение для хозяйства, так как в том же амбаре хозяин должен был бы дать место другим трем видам. Кроме того, может случиться, что зернохранилище, предназначенное для данной культуры, заполняется только частично, предположим, наполовину, следовательно другая половина остается не использованной, и чем разнообразнее полевые культуры в хозяйстве, тем чаще возможны такие случаи. Помимо всего вышеуказанного, имеет решающее значение и то обстоятельство, что главными тремя видами удовлетворяются наиболее насущные хозяйственные потребности: пшеница дает муку для хлеба, просо обеспечивает семью крупой, а овес—кормовым продуктом лошадей. Рожь и гречиха не могут конкурировать с пшеницей, более универсальной в отношении приготовления из нее кушаний, и поэтому они выпадают из севооборота.

Из масличных культур первое место занимает подсолнечник; иногда для этой цели используются лен и конопля. Семена подсолнечника первоначально заимствованы у старожилов-крестьян, но вскоре местный сорт заменили, и теперь разводят две разновидности: *гризовое*—с крупными семянками, грубой и тол-

стой кожурой, и *пузанок* с мелкими семячками, тонкой кожурой и ядрами, хорошо выполняющими полость кожуры. Стебли, листья и корзинки первого крупные, а второго, напротив, мелкие. *Гризвое* сеют для *щолканя*, а *пузанок* для масла.

В улучшении культуры подсолнечника население заинтересовано. Мелкозернистая и не масляничная местная разновидность заменена лучшими сортами, удовлетворяющими двум разным потребностям—щелканья и масла. Кроме того, принимают меры к тому, чтобы выращиваемые сорта не вырождались; для этого на посев отбирают лучшие *головки* - корзинки, отдельно их обмолачивают и ими обсеменяют поля.

Из технических растений возделывают два вида *прядыво*—коноплю, *Cannadis sativa*, и лен, *Linum usitatissimum vulgare*, двух групп: долгунец и кудряш. Коноплю, правда, в незначительном количестве, но сеют все. Волокно ее идет для обслуживания таких хозяйственных надобностей, как приготовление веревок, пряжи для ткани на мешки, *рядна* и пр. Сеют обычно в поле, но довольно часто посев конопли встречается и в усадьбах. Семян с собою не привозили, а покупали у местных крестьян разновидность довольно мелкой конопли, которую продолжают разводить и по сие время.

Попыток получить лучшие семена и отбора существующих не было.

Лен тоже сеют в незначительном количестве, и даже не все хозяева; возделывают только для личного потребления—для волокна, идущего на выделку пряжи для бельевой домотканины. Из семян, как выше было сказано, жмут масло. Первые годы сеяли местный лен, так называемый *простой*, принадлежащий к группе кудряшей, отличающийся низким ростом, в среднем—50 см, ветвистостью и многосемянностью. В настоящее время, кроме *простого*, сеют так называемый *ростун*, принадлежащий к группе долгунца, высокорослый, в среднем—71 см, отчего он и получил свое название *ростун*. Первый считается более *наборним*, а второй—волокнуистым.

Из бобовых зерновых растений украинцы-переселенцы возделывают три: горох, фасоль и чечевицу. Сеют небольшими площадями, возле бахчи, лишь бы хватило для продовольствия семьи. Семяна были вывезены из Украины, но вскоре их заменили местными, качественно превосходящими привезенные.

Бахчевые растения возделываются в каждом хозяйстве. Может случиться, что по каким-либо причинам не посеяли чечевицы, гороха или фасоли, хотя надо сказать, это бывает довольно редко, но совершенно нельзя себе представить украинское хозяйство без *баштана*; отсутствие последнего, сочли бы за лень и хозяйственную небрежность. На бахчах сеют, кроме основных бахчевых культур: арбузов—*кавунів*, дынь и тыкв, еще огурцы—*огірки*, и так называемое татарское просо для *віників*, а также столовый сорт кукурузы, которая в виде молодых, недозревших початков употребляется в пищу. Были, между прочим, попытки посева кормовой кукурузы, но она не всегда вызревала: *заморозки хватали*. Но даже при благоприятных климатических условиях, в теплую осень, когда она хорошо вызревала, все же она давала слабый урожай—650—810 кг с гектара, что для этой культуры слишком мало; поэтому население ее не возделывает.

Семена арбузов, дынь, огурцов и столовой кукурузы были вывезены из Украины, но вскоре были заменены местными, хорошо акклиматизировавшимися.

Из клубневых растений, возделываемых в поле, сажают только картофель.

Вот все те полевые культурные злаки, которые выращиваются украинцами-переселенцами. Одни из них имеют продовольственное значение, другие—кормовое, третьи—техническое и, наконец, четвертые—рыночное и одновременно продовольственное: пшеница. Все вышеперечисленные семнадцать видов полевых культур (мы не включаем сюда огородных), возделываемых в настоящее время украинцами-переселенцами, были им хорошо известны еще у себя на родине. Прививая все эти растения в новых почвенно-климатических и хозяйственных условиях, украинцы в одних случаях привезли с собою семена, но потом заменили их местными: бахчевые культуры; а в других—начали обсеменять поля местными, но вскоре пришли к выводу, что они менее выгодны и от них перешли к своим: пшеница - *полтавка* и шестирядный ячмень; совершенно новые разновидности, например: американский или же ввели овес—*рідкосів*, масличный подсолнечник—*пузанок* и т. п.

Если в скотоводческом хозяйстве украинцы позаимствовали породу скота у казаков, то в отношении полевых растений,

напротив, казаки сеют *полтавку*, и площадь ее из года в год расширяется, вытесняя твердую пшеницу. Заимствования других видов полевых растений мы не встречаем; нет у казаков и бахчевых культур, хотя арбузы, дыни и прочие бахчевые плоды они считают вкусными и охотно их едят.

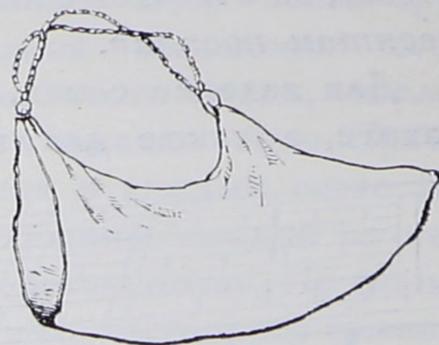
Приготовление семян к посеву. Семена, особенно пшеницу, для посева очищают. Раньше очистку производили веялками, но в последние годы, 1921 — 1925, в некоторых селах (Таврическое, Георгиевское) перешли к очистке круглым решето, сделанным из оцинкованного листового железа и подвешенного на трех веревках, которые с одной стороны прикреплены к решету в трех точках, на равных расстояниях друг от друга, и с другой—своими концами, длина которых 90 — 100 см, связаны в один узел и подвешены к треноге, или, если работа производится в амбаре, то к балке. Работа эта выполняется двумя, иногда одним человеком. Насыпав на решето зерна, примерно, около 16 кг, рабочий берет обеими руками за *обычку*—стенки решета, и производит им слева на право кругообразные вращения, вследствие чего зерно, перекачивается своей массой из стороны в сторону и более мелкие экземпляры зерен просеиваются, а овсюг и *мухирка*—чешуйки, как наиболее легкие частицы, поднимаются на поверхность массы зерна, наполняющего решето, и концентрируются в центре его площади, откуда их собирают пригоршней и выбрасывают вон. Таким образом, с одной стороны, производят отбор более крупных семян, а с другой—очищают их от сорняков. Ячмень и овес очищают только на веялке. Несмотря на ее более сложное устройство она значительно хуже очищает зерно, чем вышеуказанное решето.

Химическим воздействиям семена не подвергают, формалином не протравливают, так как головня, против которой это делается, встречается довольно редко.

Семена бахчевых растений—арбузов, дынь и огурцов—если сея производят поздно, что между прочим, бывает редко,—перед посадкой смачивают и держат в теплом месте, чтобы они *пустили ключки*—дали бы ростки; высаженные в грунт в таком виде, они через 3 — 4 дня дают всходы.

Техника посева и орудия заделки семян. Для посева пользуются, хорошо известным в украинском земледелии и довольно простым приспособлением: берут обыч-

ный мешок, и *завязкой* от него же связывают нижний противоположный угол мешка, как это показано на фиг. 1. Посев из мешка, между прочим, в этнографической литературе не отмечен, тогда как он является типичной бытовой чертой украинского земледелия, отличающей его от великорусского посева из лукошка. Посев из мешка теперь встречается и у великоруссов на Северном Кавказе, на Дону, юго-востоке и в Казакстане, где великоруссы живут чресполосно с украинцами, у которых и позаимствовали этот способ. Преимущество мешка перед лукошком заключается в том, что сеятель берет с собою гораздо большее количество зерна, в среднем 32 кг, вследствие чего при „загонах“ в 250 м, сравнительно очень длинных, сеятель может обойти кругом такую ниву, не возвращаясь за семенами; последнее при больших посевах, имеет значение.



Фиг. 1. Способ завязывания мешка для посева.

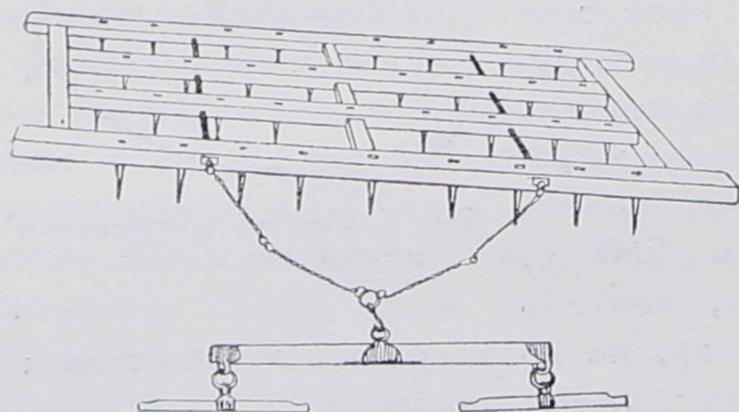
В последнее время народные технические приспособления для посева заменяются фабрично-заводскими машинами-сеялками. На описании сеялок останавливаться не будем, лишь отметим, что их существует в исследуемом районе два вида: первый — сеялка устраивается на плужнице, являясь неотъемлемым придатком этого орудия, одновременно пашущего и сеющего; второй вид, так называемые „конные сеялки“, получившие свое название оттого, что они приводятся в движение лошадьми. Конные сеялки подразделяются на разбросные и рядовые, а последние еще и на сошниковые и дисковые.

Первыми, по времени появления и наиболее употребительными, являются сеялки на плужницах; значительно реже и только у зажиточных хозяев встречаются дисковые, а разбросные и сошниковые являются исключительной редкостью, ибо, хотя по времени они появились несколько раньше дисковых, но на практике не оправдали себя.

Рядовые дисковые сеялки появились с 1922—1923 г.г. Крестьяне сразу же оценили их, как машины, совершенствующие посевную технику, экономящие семена, примерно, 24—32 кг на гектар против плужничных сеялок и ручного посева. Наконец, эти сеялки дают возможность произ-

водить равномерный посев семян в глубину и по площади. Кроме того, надо заметить, что рядовой посев производит хорошее впечатление на земледельцев, и, в отличие от разбросного, они его называют посадкой, а дисковую или вообще рядовую сеялку — *саділкою*. Если у хозяина имеется разбросной и рядовой посев, то на вопрос, сколько у него десятин посева, он отвечает *стілько-то десятин посівав та стілько-то десятин посадив*.

Для заделки семян, если посев производится по *ріллі* — по пахоти, а также для выравнивания вспаханной почвы, раз-



Фиг. 2. Бороны.

рыхления глыб и комьев земли употребляются бороны исключительно одного типа (фиг. 2). Фабрично-заводских борон мы не встречали.

Бороны эти изготовляются самими хозяевами или же местными плотниками. В общем, бороны — единственное почвообрабатывающее орудие, являющееся продуктом народного творчества, хотя во время переселения украинцы не брали с собою борон. Однако, изготовляя их в Казакстане, они делали их уже по знакомому им образцу, поэтому современный тип борон украинцев-переселенцев совершенно одинаков с бороны южной Украины и отличается от местного типа, существующего у крестьян-старожилов.

Рама бороны сделана из четырех деревянных брусьев, длиною 2,15 м, толщиною  $5 \times 7$  см, обтесанных на четыре грани, лежащих параллельно друг к другу и на равном расстоянии — 20 см, скрепленных тремя деревянными *гицями*, длиною 1,03 м и толщиною: две крайние —  $5 \times 7$  см, а средняя —  $3 \times 5$  см. Боковые *гици* запущены в оба крайние брусья и насажены на концы средних двух, а третья — посередине бороны, пропущена через выдолбленные в брусьях четырехгранные отверстия. В местах скрепления *гиць* с брусьями, для прочности, вколачивают железные гвозди; для прикрепления запряжки и для прочности бороны между *гицями*, на равных расстояниях, сквозь брусья пропущены железные болты, к которым прикре-

плено приспособление для запряжки, состоящее из четырех железных звеньев, сцепленных путем загиба их концов, и большого кольца с железным крючком, на который надевают *барки*. *Барки*—совершенно отдельная часть, и придается к бороне только на время работы. Брусья, *лиці* и железные болты, скрепленные между собою, составляют трапецеобразный корпус бороны, в который снизу насажены главные части этого орудия — железные *зубья*. *Зубьями* борона выполняет свои функции разрыхления, сглаживания поверхности почвы, извлечения из нее корневищ сорных растений и заделки семян. *Зубья* вколочены в брусья в количестве 9 штук в каждый, всего 36, и в таком порядке, что при движении бороны каждый из них делает новый след, бороздит еще не тронутую почву. По форме *зубья* представляют собою четырехгранные, постепенно суживающиеся книзу и оканчивающиеся острием гвозди; длина их 15 см.

Борона старожилов великоруссов отличается тем, что *зубья* у нее длиннее, рама квадратной формы, со сторонами в 1,42 м и крючок для запряжки прикрепляется в переднем правом углу этого квадрата.

Функции бороны, как известно, заключаются в том, что она, вследствие собственной тяжести и заостренности зубьев, вонзается в почву, и чем рыхлее почва, тем глубже борона погружается в нее; при волочении бороны по пахоти, она своими зубьями как бы расчесывает рыхлую почву, разрушает глыбы и комья почвы, выравнивает ниву, очищает ее от корневищ и вообще растений, вместе с этим производит свою главную работу — смешивает высеянные семена с почвой и заваливает их рыхлой землей, создавая этим благоприятные условия для прорастания.

Посев и посадка полевых растений. Мы будем различать посев полевых земледельческих растений по времени — осенний и весенний, по технике — машинный и ручной, по расположению семян на посевной площади — рядовой и разбросной, по отношению посева к обработке почвы — посев по *ріллі* — по вспаханной почве, посев под запашку и одновременный посев с обработкой почвы и, наконец, порядок посева полевых растений.

Первое подразделение посева, на осенний и весенний, основано исключительно, на почвенно-климатических условиях, с одной стороны, и на чувствительности к температуре возделываемого растения — с другой.

Понятие осенний посев, может быть, не совсем точное, так как во многих районах Союза его производят в конце лета— в августе месяце. Но мы условно будем пользоваться этим термином, так как наиболее земледельческая часть Союза—юг, сеет в сентябре, октябре и ноябре. Кроме того, понятие осенний посев мы отождествляем с понятием озимый, как равно весенний—с яровым.

В первом случае высеивают полевые растения, переносящие в данном районе зимние морозы. К таким растениям относятся озимая рожь, озимая пшеница и озимый ячмень. Эти растения, будучи своевременно высеянными, успевают к зиме хорошо укрепиться—*укориница* в почве и иногда кустятся. С наступлением весны, озимые хлеба начинают быстро расти. Весною же сеют все растения, не переносящие зимы.

В исследуемом районе украинцы производят только весенний посев, так как возделываемые ими полевые растения—яровые; были попытки осеннего посева—сеяли озимую рожь, но она давала плохие урожаи, поэтому ее перестали сеять.

Интересующихся техникой машинного посева, которая довольно распространена у украинцев-переселенцев, мы отсылаем к специальной сельско-хозяйственной литературе, а здесь остановимся лишь на ручном посеве, так как он, с одной стороны, является древним способом, а с другой—преобладающим. Украинцы-переселенцы руками высеивают решительно все полевые культуры как мелкозернистые, так крупнозернистые и крупноплодные, как, например, фасоль, горох и картофель. Если сеют пшеницу, рожь, овес, ячмень и гречиху, то сеятель, насыпав в перевязанный мешок, как выше было сказано, около 32 кг зерна, взяв его на левый бок на уровень бедра, перекинув через правое плечо *завязку*, которой связаны нижний и верхний углы мешка, и поддерживая левой рукой, приступает к посеву. Берет в правую руку *жменью*—горсть семян и, чтобы размахнуть рукою, он откидывает ее в вытянутом положении назад и слегка сам отклоняется за ней, затем энергично выбрасывает ее вперед, раскрывая в это время пальцы и как дождем рассеивает зерно, находившееся в горсти, и падающее на почву более или менее равномерно.

Высеив горсть, сеятель делает с правой ноги шаг вперед и, переступая с ноги на ногу, медленно продвигается, в это же

время снова достает из мешка горсть зерна и рассеивает его впереди высеянного.

Сеют в один и в два сева. Одним севом называется такой посев, когда сеятель, продвигаясь по прямой линии, засеивает впереди себя один за другим участки пахоти, как выше описано. В два сева — когда сеятель в своем движении вперед, делает мелкие зигзаги и рассеивает зерно не прямо перед собой, а бросает его попеременно, то несколько влево, то несколько вправо, в результате чего площадь засева шире в два раза.

В один сев обычно сеют в тех случаях, когда необходимо как можно скорее обойти севом ниву, чтобы дать возможность бороне заделывать семена. Если этой необходимости нет, то сеют в два сева, так как это несколько легче для сеятеля — с большой ношей зерна он идет тише.

Нечего и говорить, что при ручном посеве частоту его регулировать довольно трудно, но все же не невозможно. Прежде всего, это достигается тем, что сеятель берет меньшую горсть зерна, если он желает сделать посев реже и наоборот. Кроме того, чтобы сделать посев реже, он выбрасывает руку с большей силой и держит ее несколько выше, чем достигает того, что горсть зерна, рассеиваясь, занимает большую площадь и реже размещается на ней. Напротив, если необходимо посев сделать гуще, то сеятель опускает руку ниже и как бы стелет по земле зерно, вследствие чего расстояние между рукою и почвою по линии падения семян уменьшается, а вместе с этим уменьшается и засеянная площадь.

Лен, коноплю, просо, чечевицу, горох, фасоль и пр. сеют, как и другие зерновые растения, но чаще в один сев.

Редкосевные растения: подсолнечник, тыкву, арбузы, дыни и пр., обычно, сеют в один, но широкий сев. Картофель сеют под плуг; вслед за плугом идет сеятель и бросает в борозду по одному клубню на расстоянии 25—35 см друг от друга по борозде и с междурядьем в 35—45 см, для чего посев делают через одну борозду.

Таким же способом некоторые хозяева сеют и подсолнечник, с той лишь разницей, что сеятель бросает не по одному зерну, как в предыдущем случае, а, взяв полную горсть и опустив руку вниз, сквозь пальцы выпускает по 2—3 зерна в борозду, при этом старается, чтоб семена ложились не особенно

часто, тем более, если производится посев *гризового* подсолнечника. Сеют через одну борозду, если посев производят под буккер или плужницу, и через две, если под плуг.

Во всех случаях сеятель начинает посев, обычно, с одного из углов нивы, чаще всего из того угла, с которого начали пахать, и идет по ниве кругом подобно тому, как пашут.

По расположению семян на посевной площади, существует два вида посева: рядовой и разбросной; последний, несомненно, древнее первого, он близок к естественному, т. е. к самосеву растений. При таком посеве сеятель, разбрасывая семена, старается соблюсти нормальную частоту для данного вида растения, почвы и площади, и, чтобы этим посевом была использована вся площадь равномерно, чтобы не было *плішив*—незасеянных клочков и, наоборот,—площадей слишком густо засеянных. Идея рядового посева очевидно, возникла и нашла себе применение при посадке огородных растений, так как вследствие своей сложности и при отсутствии специальных машин, она мыслима только в тех случаях, когда человек имеет дело с редкосевными растениями, как например, огородные, с небольшой, сравнительно, площадью, где посев носит характер посадки. Из огорода рядовой посев был перенесен в поле и в первую очередь, как нам удалось выяснить на Кубани, начато было с редкосевных растений—арбузов, огурцов, дынь, тыкв, а несколько позднее подсолнечника и кукурузы. При этом сев выполняется без особых приспособлений, а просто вручную.

Рядовой посев вводится вследствие практических целей, значительно ускоряющих работу по окучиванию картофеля, пропалыванию бахчей, подсолнечника и кукурузы. Рядовой посев этих растений дает возможность применения специальных орудий, так называемых *стругачек* в исследуемом нами районе и *полінок*—на Кубани,—окучники-полонники или пропашники кустарного изготовления, — при использовании конской силы. Этими орудиями пропахивают междурядия, чем на 60—70% сокращают ручную полку.

Ручной рядовой посев пшеницы, ржи, овса, ячменя и прочих мелкосемянных и частосевных полевых растений технически невыполним; по крайней мере, на практике он не встречается. Применение его в современной земледелии обязано сельско-хозяйственному машиностроительному производству: только с появлением рядовых сеялок сделался возможным

рядовой посев этих культур. В исследуемом нами районе применяются разбросной ручной и машинный посев; первый решительно для всех полевых растений, а второй только для хлебных. Наряду с этим, введен ручной рядовой для подсолнечника, картофеля, а в некоторых местах и бахчевых растений, машинный же рядовой посев применяется для пшеницы, репе ячменя и овса.

Посев, как мы выше заметили, по отношению к обработке почвы, производят по *ріллі* — пахоти—обычно в тех случаях, когда поднята целина, вспаханы залеж, сенокос или произведена вспашка под зябь; вообще, в тех случаях сеют по *ріллі* когда почва *взорана* плугом, хотя иногда так засевают и буккерную вспашку. Значительно реже сеют *під пукарь*, рассеивая семена, а потом неглубоко *приорюють*—припахивают. Наиболее же распространенным следует считать посев, производимый одновременно с обработкой почвы; это достигается только при машинном посеве, когда в одном пахотном орудии, например плужнице, совмещается приспособление для посева — сеялка. Сеялка, укрепленная на переднем корпусе плужницы, высевает семена, которые сейчас же запахиваются этим орудием, но это, как известно, возможно лишь на *мякоті*. Посева наволоком у переселенцев мы не встречали, хотя этот способ в свое время был известен на Украине.<sup>1</sup>

В отношении порядка посева полевых растений, на первом месте стоят бахчи; затем сеют пшеницу, овес, ячмень, лен, подсолнечник, коноплю и последним просо. Нормально посев начинается во второй половине апреля, между 15—20 числами; посевной сезон, в среднем, длится до половины мая.

Во всех случаях посева украинцы-переселенцы боронят почву. Если ручной или разбросной машинный посев был произведен по *ріллі*, то боронят для того, чтобы заделать семена, *заборонить*, *заволочить* их в землю. Посев на целинных землях, вследствие их плотности, обычно, боронят в 10—12 следов, на залежи в 3—4 следа, а на *мякоті* в 2—3; иногда достаточно одного следа. Если посев производится дисковой сеялкой, то пахоть сначала боронят, как замечено выше, а затем уже сеют. В данном случае боронят для того, чтобы разрыхлить почву, подготовить ее к более удобной работе дисковой сеялки,

---

<sup>1</sup> Булацель. Земледелие в Славяносербском у., Екатеринослав. губ. Тр. Вольн. Эконом. О-ва. 1866, т. 1, стр. 339.

и чтобы сгладить неровности *рілля*, сделать ниву более гладкой; это необходимое условие и для машинной уборки хлеба, так как неровности почвы дают сотрясения жнейки и отражаются на ее механизме и работе.

Если посев произведен одновременно с обработкой почвы, когда семена покрываются землей в достаточной мере для того, чтобы дать более или менее дружные всходы, то в этом случае боронят для выравнивания нивы и разрыхления почвы, — чтобы этим устранить неудобства, могущие быть при уборке хлеба жнейкой и, кроме того, улучшить условия всхода семян. Бороньба может быть одновременна с посевом и вспашкой и спустя несколько дней, смотря по средствам и времени, которыми располагает земледелец. В первом случае запрягают пару лошадей в борону, привязывают их с правой стороны к плужнице и во все время вспашки борона ходит вслед. Таким образом происходит одновременно посев, вспашка и бороньба. В смысле успешности выполнения посевных полевых работ это наиболее совершенный способ по времени, сочетающий в себе три разнородные земледельческие функции, но он под силу только более зажиточным земледельцам, располагающим лишней парой лошадей. Одновременный процесс посева-вспашки-бороньбы — распространен не только в Казакстане, но, по нашим наблюдениям на Северном Кавказе, в частности на Кубани, а также встречается на Дону и на юге Украины, в общем, в наиболее механизированных земледельческих районах.

При недостаточном количестве рабочего скота боронят после, когда закончат посев-вспашку загона, а иногда двух-трех загонов и потом уже все вместе боронят. Если в хозяйстве 2—3 бороны, то их и пускают в работу одновременно. При достаточном количестве рабочих, у каждой бороны находится один человек, который правит лошадьми; взрослый обычно ведет их в руках, идя с левого боку, а подростки садятся верхом на лошадей. Иногда, в целях экономии рабочих рук *погоничів*, 2—3 бороны объединяют под управлением одного человека, и в таком случае к раме передней бороны привязывают лошадей, волокущих вторую борону, а к этой последней, лошадей, волокущих третью, и таким образом бороны идут в один след.

Ходят боронами по ниве кругом, с поворотами на углах, подобно тому, как плужницей или буккером, с той лишь раз-

ницей, что бороной идут в противоположную сторону, т. е. по солнцу, а пахут, как мы выше видели, против солнца. Правда, это сопряжено с некоторым неудобством для животных, которые, привыкнув во время вспашки делать, почти механически, поворот налево, — при бороньбе вынуждены переучиваться, так как в данном случае повороты будут направо. Для человека-погонщика такое движение удобнее; находясь с левой стороны рабочих лошадей, он идет уже по заборонованной, а следовательно гладкой части нивы и, таким образом, при ходьбе, не испытывает тех неудобств, какие неизбежно испытал бы идя по пахоти, еще не заборонованной. Углы боронят после того, как закончат всю ниву.

Борона во время работы собирает на зубьях довольно много корневищ, особенно пырея, карагайника и остатков жнивья—*стерні*, а при влажности почвы на зубья налипает земля и все это не только ухудшает работу орудия, но иногда делает ее совершенно невозможной—борона *горне* землю. Для устранения этого, борону время от времени чистят. Выполняет эту работу взрослый *погонич*. Остановив лошадей, он берет руками за заднюю часть рамы и, поднимая борону, ставит ее на *ребро*, придавая этим бороне положение, близкое к вертикальному, вследствие чего собравшийся мусор, если нива сухая, частично падает на землю, а остальной, рабочий снимает руками. Очистив борону, он движением ноги отбрасывает в сторону весь мусор и опускает борону. Для очистки борон останавливаются в одном и том же или двух-трех местах, в зависимости от размеров нивы и ее засоренности. Очистка в одном определенном месте облегчает собирание мусора, который идет на топливо, если это корни и стебли карагайника; если же *стерня* и прочие малогорючие растения, то их сжигают на месте.

Система полеводства в исследуемом районе носит ясно выраженный характер залежного земледелия. Распахав *зало*—целину, сеют, главным образом, пшеницу. Под эту полевою культуру идет наибольшая площадь целинных земель. Значительно в меньшем количестве целина используется под бахчи, просо и подсолнечник. В зависимости от этого, местный севооборот имеет четыре разновидности.

Первый случай: на вспаханной целине первый год сеют пшеницу, второй год тоже пшеницу, третий—пшеницу, четвертый—пшеницу, пятый—пшеницу и некоторая площадь идет под

посев овса, ячменя и прочих зерновых растений. К этому времени земля достаточно истощается и вместо  $1\frac{1}{2}$ —2 т пшеницы первого года, дает  $\frac{1}{2}$ —1 т. Чтобы она набралась сил, восстановила бы свойственную ей биохимическую среду, баланс своего плодородия, землю оставляют необработанной на 3 года, делают залежь, на которой, в тамашних почвенно-климатических условиях, произрастает полынь—растение непригодное для корма. Полынь иногда достигает 90—110 см высоты и оставаясь на зиму неубранной, способствует накоплению снега на залежи, а, следовательно, и влаги. На 3 и 4 год ее снова пахут и повторяют посев той же пшеницы до следующего истощения.

Второй случай: по целине первый год сеют бахчи, на второй год пшеницу, на третий—пшеницу, четвертый—пшеницу, пятый—пшеницу, иногда и на шестой пшеницу; на седьмой год, как в предыдущем случае, оставляют под залежь. После двух-трех лет перерыва снова пахут и сеют пшеницу.

Третий случай: по целине первый год сеют подсолнечник, на второй год—пшеницу, на третий—пшеницу, на четвертый—пшеницу, на пятый—пшеницу, а на шестой—овес, ячмень, лен, гречиху, на седьмой—оставляют под залежь и, как в предыдущем случае, через 3—4 года снова пахут и сеют пшеницу.

Четвертый случай: по целине первый год сеют просо, на второй год—пшеницу, на третий—пшеницу, на четвертый—пшеницу, на пятый—пшеницу, на шестой, как в предыдущем случае, сеют ячмень или овес и прочие злаки, на седьмой—оставляют под залежь и через 3 года снова пахут и сеют пшеницу.

Преобладание или, вернее, исключительное господство пшеницы в местном севообороте объясняется продовольственным и хозяйственным значением этого злака и рыночной ценностью его, а залежная система—земельным простором. Местный земледелец может не заботиться о поддержании плодородия почвы, и, использовав ее до известной возможности, предоставляет это естественному процессу накопления биохимических веществ, оставляет на 3—4 года и затем снова эксплуатирует ее. С точки зрения культурного использования природных богатств почвы, залежная система считается экстенсивной, но в местных условиях, условиях, позволяющих при минимальной затрате труда

на поддержание плодородия почвы извлечь максимум пользы, она является наиболее рациональной. Только с увеличением населения и вообще расширением хозяйственной деятельности человека, уменьшается площадь свободных земель, а способ восстановления плодородия почвы естественным путем затрудняется. Сначала это выражается в том, что 3—4-летний период отдыха залежи сокращается до 2—3 лет и, наконец, до одного года, что в настоящее время в некоторых местах исследуемого района мы уже наблюдаем. Недостаток еще неиспользованных земельных угодий побуждает земледельца вовлекать все чаще и чаще земли, уже однажды бывшие в обработке, чем значительно сокращается период естественного накопления плодородия почвы, вследствие чего земледелец вынужден внимательнее относиться к ним, сам заботиться об экономном расходовании производительной способности их, вводить в севооборот новые виды растений; таким образом совершается переход от залежной системы полеводства к трехпольной. С повышением земледельческой культуры, трехпольная система сменяется многопольной, позволяющей ввести в севооборот целый ряд других полевых растений, разносторонне использующих природные свойства почвы. Разумеется, эти этнографические особенности земледелия меньше всего зависят от географической среды и больше всего от системы народного хозяйства, культурного уровня населения и, главным образом, от той или иной плотности его по отношению к эксплуатируемой почве. Украинское население в свое время пережило залежную систему полеводства на Украине, на Дону и на Кубани; в последних двух районах, в некоторых местах, она еще встречается и по сие время, а для исследуемого района залежная система является типичной; таким образом, украинцы ее переживают повторно.

Уход за полевыми растениями у украинцев-переселенцев выражается в наблюдении, заглаживании и укатывании нивы, защите культурных злаков от дикорастущих трав — пропалывание, окучивание — в поливке растений и охране посевов.

В более или менее культурном земледелии недостаточно вспахать и засеять поле: за ним необходимо наблюдать, следить за всходами, если они почему-либо неудовлетворительны, например, вымерзли, вымокли, или же погибли от вредителей, то земледелец снова засеивает, если не упущено время, тем же

видом семян. Если же гибель посева зависела от качества семян, что редко случается, так как земледелец еще до посева знает их качество, то иногда засевают другим, более поздним видом растения, например, просом.

Более старательные земледельцы не ограничиваются хорошей вспашкой почвы, правильным посевом и тщательной бороньбой нивы, они прилагают усилия к тому, чтобы создать более благоприятные условия для произрастания посева: они заглаживают нивы или укатывают специальными катками. Заглаживание производили после посева, но до всходов семян. Для этой цели употребляли специальный плетень, состоящий из 6—7-метровых кольев, сплетенных лозой. Размер такого плетня непостоянный—в среднем, он колебался от 200 до 250 см длиной и 100—120 см шириной. Чтобы запречь лошадей в такое орудие, к поперечнику плетня веревкой привязывали *барки* и затем волокли по ниве, подобно тому, как боронят. Такое же орудие, только употребляемое для другой цели—заделывания семян проса, было известно до середины прошлого столетия на Кубани под именем *митли* или *драпачки*; по словам стариков-переселенцев, оно было известно и на Украине, в частности—в Таврии, Екатеринославщине, Херсонщине и других районах, откуда украинцы-переселенцы взяли идею его изготовления и употребления.

Весьма вероятно, что это орудие в украинском земледелии предшествовало бороне и употреблялось для заделывания семян, но у переселенцев нашло другое применение. Этим, очевидно, объясняется существование на украинском языке двух параллельных терминов—*боронить* (*боронувать*) и *волочить*. Последний, видимо, относится к *драпачке* (плетню), а первый—к бороне; в настоящее время они сделались синонимами и употребляются по отношению к бороне.

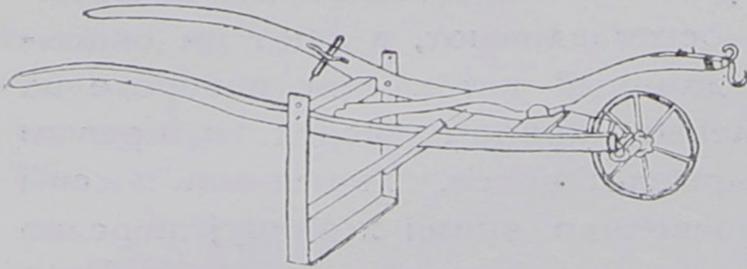
Другой вид ухода за посевами—укатывание, применяется с целью сделать ниву ровной, удобной для низкого покоса жаткой, а также для уплотнения мягкой почвы и облегчения капиллярного притока подпочвенной воды в верхние слои почвы. Укатывают специальным деревянным катком, сделанным из округленного пихтового бревна, длиной 240—260 см, в диаметре 30—35 см. По обоим концам в центре обреза просверливают неглубокие, около 15—20 см, отверстия, в которые вставляют железные *чели*—оси; на них надевают деревянный

станок, состоящий из поперечных брусьев и продольных *глиц*. К станку прикрепляется дышло для запряжки лошадей, а по середине станка, над катком, устраивают сидение для *погонича*. В каток запрягают пару лошадей и ходят им по ниве, как и бороною, но повороты на углах отличаются своей округленностью, так как лошадей не останавливают, а дают им описывать полукруг, потому что длинный каток при повороте на месте *гальмуэ* — скользит левым концом вперед, а правым назад и вместе с землей вырывает посев. Укатывали посевы до и после всходов, как позволяло время хозяину; нередко укатку производили, когда посевы уже начинают куститься. Этот способ ухода за полевыми растениями появился после 1910 года и заимствован переселенцами из южной Украины, но просуществовал он недолго. В начале европейской войны его уже забросили, так как молодые земледельцы, инициаторы всяких новшеств, ушли на войну, а оставшиеся старики и женщины старались как можно проще справляться со своими хозяйственными обязанностями; укатывание же усложняло их труд.

В настоящее время украинцы-переселенцы своих посевов не заглаживают и не укатывают.

Другой способ ухода за полевыми растениями — пропалывание, направлен на ограждение культурных злаков от засиления дикорастущих трав, так называемых, сорняков. Такие полевые растения, как подсолнечник, кукуруза, фасоль, горох, чечевица и особенно картофель и бахчевые: арбузы, дыни, огурцы, тыква, будучи предоставлены самим себе, погибают от засиления дикими травами. Значительно устойчивее в этом отношении зерновые злаки — пшеница, ячмень, овес, гречиха, а также лен, конопля и просо. Вследствие частоты посева и, обычно, дружного их всхода, эти растения довольно успешно сами борются с сорняками. Бывают годы неблагоприятные для культурных растений и, напротив, урожайные для некоторых видов сорняков, например, для овсюга (полетая) — *Avena fatua*, осота — *Cirsium arvense*, сурепка и прочих, с которыми не в состоянии справиться и зерновые растения. Поэтому земледелец ухаживает за своими посевами, уничтожает сорняки и этим дает возможность правильно развиваться культурным растениям. Полют в одних случаях руками, в других — косою, в третьих — *сапами* и, наконец, так называемыми, *стругачками*. Последние представляют собою орудие более усовершенствованное и приводимое в движение рабочим скотом.

*Стругачки*—сравнительно новое изобретение народной техники, поэтому конструкция их еще не установившаяся. В исследуемом районе мы наблюдаем два типа. Более простой— (фиг. 3) с одним небольшим колесом впереди, диаметром в 30 см,

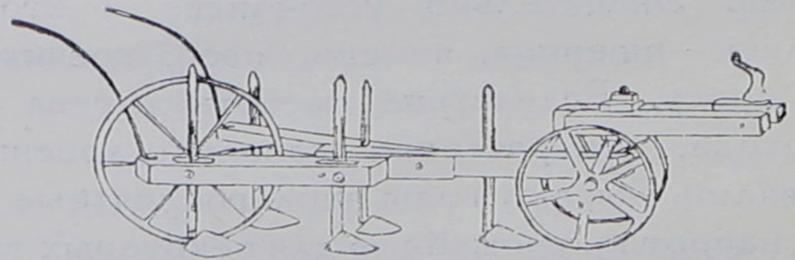


Фиг. 3. Стругачка.

от оси идут деревянные *чепи*, длиной 1,78 м, за которые рабочий держится руками и правит *стругачкой*; *чепи* скреплены между собой одним поперечным брусом посередине и другим возле колеса. Кроме того, *чепи* служат осно-

ванием для прикрепления запряжки размером 1,10 м с железным крючком. К *чепям* посередине, перпендикулярно к ним, снизу прикреплена железная трехсторонняя рама— собственно *стругачка*, которая своей средней стороной, находящейся внизу, так называемой *стругачкой*, спереди заостренной наподобие лемеха, во время работы углубляется в почву и перерезает корни сорной растительности; длина ее 65 см, ширина 5 см. Для прочности рама еще скреплена железной *упориной*. Этим довольно простым и дешевым орудием, стоящим 6—8 руб., земледельцы облегчают свой труд во время полки подсолнечника и бахчей.

Другая *стругачка* (фиг. 4) — орудие более сложное и по конструкции резко отличающееся от предыдущего. Если первая своим *стругом* подрезает почву, то вторая бороздит ее лапчатыми лемехами.



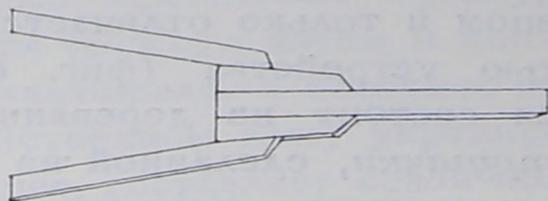
Фиг. 4. Стругачка.

Первая является подлинным народным изобретением, вторую надо рассматривать как конструктивное подражание пропашникам и культиваторам фабрично- заводского изготовления; этим и объясняется ее сложность. Состоит она из следующих основных частей: деревянный корпус, железные *чепи*, большое колесо, передок и пять лемехов. Корпус состоит из пяти, между собою скрепленных, четырехгранных брусьев, общей длиной 1,20 м;

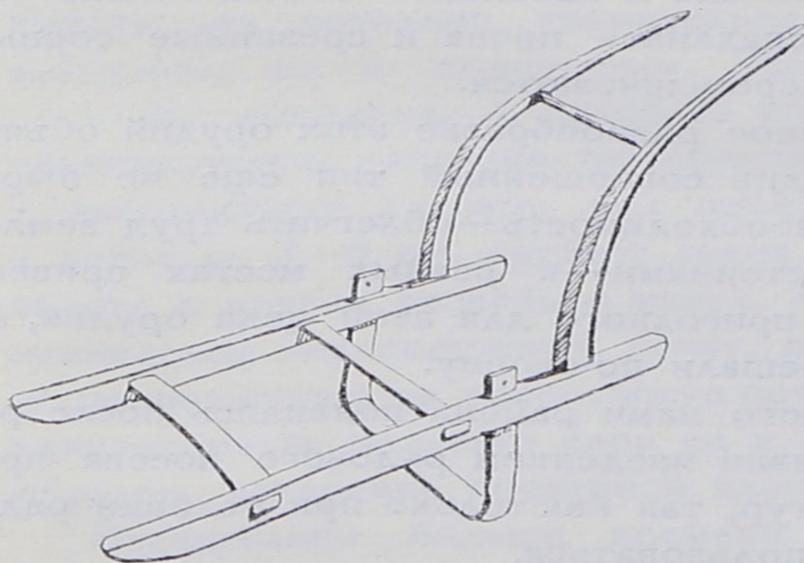
к переднему брусу прилажены два задние, расходящиеся в стороны на 70 см у задних концов и образующих треугольник (фиг. 5). К корпусу у задних раздвоенных брусьев в выдолбленных отверстиях прикреплены железные *чепи* и вертикально вставленные железные *штанги* (в количестве пяти). Термин заимствован от плужниц, где, как мы видели, эти части носят такое же название.

К *штангам* прикреплены лемехи треугольной формы, выпуклой стороной кверху, размером 20 см у основания и 10 см — стороны; стороны и вершина треугольника — *нісок* лемеха несколько закруглены и довольно остры; спереди

к корпусу прилажены передок, взятый на время работ от жнейки, а сзади большое колесо, диаметром в 60 см. На этих колесах корпус покоится неподвижно, не опускается вниз и не поднимается вверх. Чтобы пустить *стругачку* в работу, опускают вниз *штанги*, которые удерживаются в том или ином положении винтами. Этим же способом регулируют и глубину работы лемехов; ширина пропалываемой площади постоянна и зависит от степени расхождения задних брусьев корпуса.



Фиг. 5. Деревянный корпус стругачки.



Фиг. 6. Стругачка села Рыбушки.

Первый тип *стругачки* изготавливается самим хозяином; кузнец лишь оковывает и скрепляет железные части с деревянными, а второй целиком делает кузнец. В первую *стругачку*, обычно, запрягают одну лошадь, а во вторую — пару. Первый тип более распространен, хотя встречается далеко не во всех селах, а второй появился только в послед-

ние пять лет и встречается довольно редко. Как эти орудия распространены в других районах Казакстана — нам неизвестно, а также не знаем, есть ли они на Украине. На Кубани

изредка встречается применение фабрично-заводских *пололников* — *окучников*, *пропашников*, но *стругачек* мы не наблюдали. В поволжских же украинских колониях они имеются. Там, в украинском селе Рыбушке, их видел В. А. Михновский. По принципу устройства *стругачки*, лемеха и конструкции всего орудия она сходна с первым вышеописанным типом и только отличается значительно большею примитивностью устройства (фиг. 6). Так, например, она без колес; вся состоит из деревянной рамы, *чепіг* и режущей части — *стругачки*, сделанной из куска старой шины самим хозяином; только часть, лежащая на земле, подверглась незначительной обработке кузнеца: он сделал ее острой, чтобы она перерезала корни сорных трав.

*Стругачка* первого типа по своим функциям резко отличается от второго. Она, врезавшись в почву на 4—5 см, перерезает корни сорных растений, оставляет верхний слой почвы не перемешанным, а слегка разрушенным. Даже сами растения, если они небольшие, будучи подрезаны, продолжают стоять, только спустя некоторое время засыхают и валятся на землю.

Второй же тип своими лемехами роет почву, делает одновременно пять узких борозд; при этом вспаханная почва сыплется по обе стороны лемеха и заполняет собою только что проведенные борозды. Вспаханная почва и срезанные сорные растения этим орудием перемешиваются.

Типовое и конструктивное разнообразие этих орудий объясняется новизной дела. Один совершенный тип еще не выработался. Одна и та же необходимость — облегчить труд земледельца по уходу за растениями — в разных местах привела к идее конструирования пригодного для этой цели орудия, но в каждом случае ее разрешали по-своему.

*Стругачки* исследуемого нами района появились после революции и вызваны к жизни введением рядового посева пропашных и бахчевых культур, так как только при условии рядового посева ими можно пользоваться.

Другим и наиболее распространенным орудием, служащим для полки сорных трав, является ручная мотыга — *сапа*, *сапка*, *тяпка* состоящая из двух частей: железной *сапки* в форме полудиска, обращенной диаметром вниз, длина которого равна 18—20 см; нижняя, собственно, рубящая часть оканчивается

лезвием, а сверху прикреплена *рулька* для вставки второй части мотыги—*сапильна*. *Сапильно* — деревянный, гладко обтесанный шест, длиной 1,1—1,2 м и диаметром 3 см, вставленный в *рульку* мотыги.

Кроме этих орудий, изредка еще применяется коса.

Выше мы уже отметили, что наибольшего внимания земледельца, по части полки, требуют пропашные культуры. Ради них в его инвентаре появляется *сапка*, а затем и конная „полка“—*стругачка*. Полка бахчи, картофеля, а особенно подсолнечника, если его много, в хозяйственном быту украинцев-переселенцев, как и вообще у украинцев, составляет сезон полевых работ, известных под именем *поліття*, *полінки*. Едва успели появиться всходы этих растений, как сорняки уже начинают их *глушить*; тогда земледелец приступает к полке. Если у него имеется *стругачка*, а следовательно и рядовой посев этих растений, он довольно легко справляется с этой задачей. Запрягает одну-две лошади в *стругачку*, сажает мальчика верхом, и, взявшись за *чепіги*, пропалывает междурядья. В течение одного рабочего дня он легко справляется с десятиной полки. Но одной *стругачки* недостаточно, так как после ее работы в рядах между культурными растениями остаются сорные травы. Чтобы уничтожить их, по рядам идут рабочие—*полілники*, вооруженные *сапками* и осторожно пропалывают. Работа эта довольно утомительна, хотя под силу не только женщинам, но и подросткам. Рабочий, взяв правой рукой за конец *сапильна*, а левой за его середину, или, наоборот, равномерными, довольно ритмичными поднятиями *сапки* вверх и энергичными ударами под корни сорных трав вонзает ее в почву на 3—5 см, срубает дикое растение и сбрасывает его вместе с почвой несколько назад. Уничтожая сорные растения, земледелец *пересапивает* почву, разрыхляет ее и взламывает образовавшуюся на поверхности почвы корку; этим он нарушает капиллярность верхнего слоя ее в 3—4 см, затрудняя, таким образом, испарение почвенной влаги.

Значительно больше времени требует сплошная ручная *сапка*—полка тех же культур. Посеяны они, обычно, разбросанным севом и поэтому полют их не по рядам и междурядьям, а начав с одной стороны постепенно *пересапывают* всю площадь, разрыхляя почву и освобождая от сорняка культурные растения. Полет обычно вся семья.

Приступают к полке после того, когда все сорные травы взошли. В этом случае сорной считается решительно вся растительность, кроме того вида, который высеян на этой площади. Если посев пропашных растений произведен на истощенной почве, обычно богатой сорными травами, то полку производят 2—3 раза в сезон для бахчевых культур и 1 — 2 для подсолнечников. Последние менее требовательны в отношении ухода, так как для них, высокорослых, опасны сорняки только в первый период их роста, когда они еще не окрепли, не взяли тени и верха; бахчевые же растения, как низкорослые, стелющиеся, более чувствительны к сорнякам, обычно растущим выше и создающим своими стеблями тень для бахчевых растений и плодов, что вредно отражается на их развитии и вызревании.

Полка хлебных злаков, вследствие особенностей этих растений и посева, носит другой характер и технически менее сложна, а, кроме того, в полке эти растения нуждаются довольно редко. Пропалывают пшеницу, овес и ячмень только от таких сорняков, как осот, сурепка, <sup>1</sup>полынь, горошек, куколь, что же касается овсюга и *березки*—повилики, то это почти неосуществимо и в практике не встречается. Единственное средство борьбы против овсюга, изредка применяемое украинцами-переселенцами, носит предупредительный характер — рано весной ниву мелко, на 2 — 3 см, пашут плужницей, или же только боронят, вследствие чего семена овсюга, оставшиеся от самосева, скоро прорастают, земледелец же снова пашет и сеет эту площадь, уничтожая этим всходы овсюга.

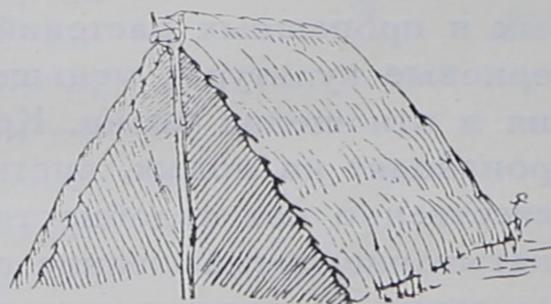
Полынь и осот выкашивают. Обычно эти растения по высоте превосходят пшеницу, овес и ячмень; поэтому земледелец, выбирая меры борьбы с ними, учитывает эти особенности и как только осот и полынь поднимутся выше хлебных растений на 15—25 см, он скашивает их верхушки. Разумеется, это не уничтожает совсем сорняков, а только приостанавливает их рост; они „прибаливают“, а хлеб тем временем „берет верх над ними“. Оправившись потом от скашивания, сорняки ко времени уборки хлеба не успевают вырасти и высеяться.

Сурепку, горошек и куколь, если они встречаются в пшеничном, овсяном, ячменном, гороховом, чечевичном и других полях—рвут руками с корнем и увозят домой на корм скоту, а скошенные верхушки полыни и осота оставляют на месте.

Таким образом, в технике полки, мы наблюдаем первый самый простой способ — вырывание сорняков руками, применяемый только к таким растениям, корневища которых позволяют это; второй способ — скашивание, так же примитивный, так как земледелец не изобретает для этой цели специального орудия, а пользуется имеющеюся в его хозяйстве косою; третий — ручной — мотыжный, наиболее распространенный (земледелец пользуется специальным орудием — *сапкой*) и четвертый способ, только в последнее время появившийся, технически более сложный и совершенный — земледелец имеет особое орудие — *стругачку*, которой пропалывает междурядья.

Из всех полевых работ только при *політте* сохранилась пение песен, правда, не земледельческих, а общебытовых. Поют для того, чтобы веселее было работать. Иногда из-за хлеба не видно самих работников, но слышно хоровую песню, весело оглашающую степь.

В исследуемом районе мы встретили новый для украинского земледелия способ ухода за полевыми растениями — орошение. Правда, поливное дело имеет далеко не повсеместное распространение в этом районе, но все же играет видную роль в местном земледелии. Есть целый ряд сел и поселков, благосостояние которых зиждется на оросительном деле. Поливное земледелие больше всего распространено по р. р. Чар, Кокпекты и их притокам. На истории возникновения поливного земледелия у украинцев — переселенцев, а также на технике сооружения оросительной системы и организации пользования ею, мы остановимся ниже. Здесь лишь заметим, что, несмотря на то, что поливное хозяйство довольно новое дело для украинского земледелия, оно уже сделалось центром внимания.



Фиг. 7. Курінь — шалаш для сторожа бахчи.

Последний вид ухода за полевыми растениями — охрана их. Охрана от потравы скотом, как известно, возлагается, согласно истари сложившимся правилам, на пастухов в одних случаях и на хозяев скота — в других. Сам земледелец играет при этом пассивную роль. Достаточно того, чтобы известная площадь посева принадлежала такому-то лицу, чтобы пастух или вла-

делец скота берегли бы ее от потравы. Некоторые полевые виды растений, как например, бахчевые, страдают не только от скота, но и от птиц, собак и воров. Грачи довольно часто уничтожают беспризорные бахчи, не давая вырасти и созреть арбузам, а собаки, посещая бахчи ночью, поедают дыни, но больше всего бахчи надо беречь от людей, особенно расположенные у больших проезжих дорог.

От птиц всегда ставят на бахче чучела—две палки сложенные и скрепленные на крест, на них надевают старую, достаточно изношенную одежду—тужурку, пиджак и шапку или фуражку. Для охраны от собак и воров нанимают старика, *діда*, который поселяется там в специально выстроенном для него *куріні*—шалаше (фиг. 7). Бахча и сторож ее, *дід*, — характерное украинское бытовое явление, отмеченное народной поговоркой: слова—*та цей дід годиця ще на баштан сторожем*,—сказанные по адресу того или иного старика, свидетельствуют, что он еще не утратил трудоспособности. Караулить бахчи—*стиригти баштан* в украинском понимании значит завершить свой трудовой путь последним этапом.

У казаков — соседей украинцев — уход за полевыми растениями довольно сильно отличается от украинского. Прежде всего, отсутствует полка, а вместе с этим отсутствуют и орудия ее, хотя это отчасти объясняется тем, что казаки не сеют бахчевых и пропашных растений; они возделывают исключительно зерновые культуры, меньше, как известно, требующие внимания в отношении полки. Кроме того, посев этих злаков казаки производят на новых, чистых, еще не засоренных почвах, где естественно нет надобности прибегать к полке. Не применяется укатывание, заглаживание посевов и, наконец, охрана их, а наблюдение сокращено до минимума, особенно у тех казаков, которые на лето выходят на „жайляу“. Казак оставляет свой посев и, уходя со скотом, иногда за несколько десятков километров в горы, возвращается только ко времени жатвы. Что же касается орошения полей, то там, где это возможно, казаки поливают их. Этот последний способ ухода прочно привился в казакском земледелии.

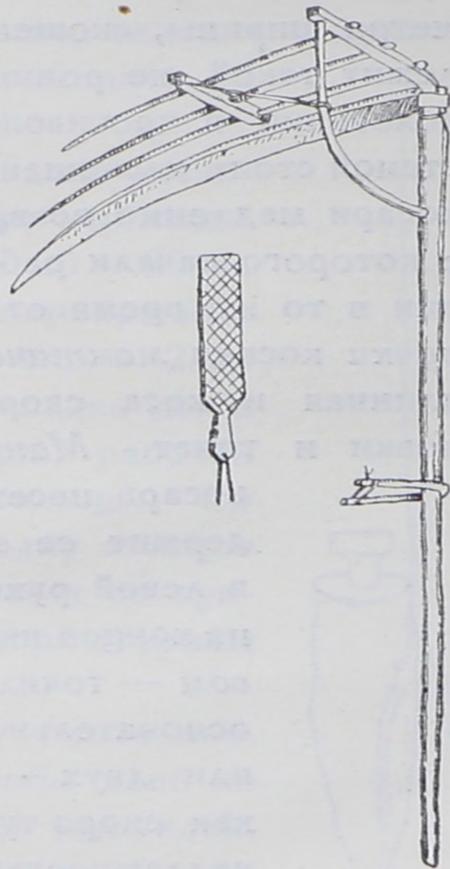
Уборка хлеба у украинцев в исследуемом районе исключительно машинная. Серп и коса уже вышли из употребления и лишь частично применяются в некоторых случаях, например, серп при уборке подсолнечника, а коса при уборке чече-

вицы, да и то тогда лишь, когда руками *брать*—рвать ее трудно.

С машинной уборкой хлеба некоторые переселенцы, например, тавричане, херсонцы и кубанцы, были знакомы еще у себя на родине. Однако, в первые годы после переселения преобладала уборка косами, так как очень немногие хозяева могли взять с собой жнейки. Хлеб косили той же косой, что и траву. Состоит она, как везде, из трех основных частей, собственно—косы, режущей железной части, *кисся*—деревянного шеста, длиной 1,55 м (может быть короче или длиннее в зависимости от роста косаря) и деревянной ручки, округленной формы, общей длиной в 40 см, с выемкой по середине, изогнутой так, что обхватывает *кисся*, а концы ручки стянуты тонкой веревкой (фиг. 8). Кроме того, две части вспомогательные, служащие для скрепления косы с *киссям*—деревянный *клин*—*пасклин*—*пятка*—небольшая, 10—12 см длины, и *рифа*—*наперсток*—железное кольцо.

Для удобства работы к косе приделывают особое приспособление—*грабки*, состоящие из трех тонких, 1 см в диаметре, палочек длиной: одна—40 см, другая—30, третья—20, и четвертая более толстая—длиною 30 см. В последней просверлены три отверстия на равном расстоянии друг от друга, в которые запущены своими концами вышеотмеченные три палочки в следующем порядке: снизу наиболее длинная, а сверху самая короткая; противоположные концы палочек перевязаны веревкой или скреплены деревом, в результате чего получаются *грабки*, которые прикрепляются до *кисся* особой дугообразной палочкой.

Коса с *грабками* является более удобным орудием, и чем выше хлеб, тем труднее косить без *грабків*, так как он путается, и часть его, будучи срезана, остается на месте, тогда как коса с *грабками* эту работу выполняет аккуратно.

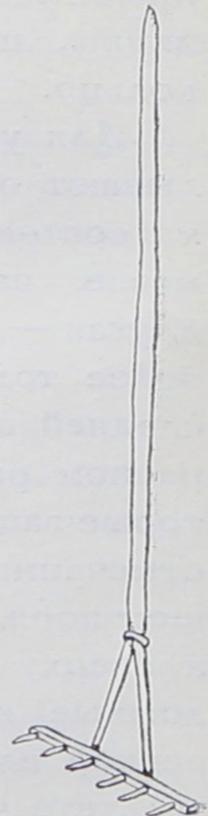


Фиг. 8. Коса и оселок.

Косьба косарей заключается в следующем: взяв снизу левой рукой *кисся* на 10—15 см ниже верхнего конца, а правой сверху за ручку и приняв устойчивое положение, т. е. выдвинув несколько вперед левую ногу, переместив на нее тяжесть своего корпуса и немного наклонясь вперед, косарь делает взмах косою назад и затем плавным, но энергичным движением выбрасывая косу вперед и справа налево, совершая таким образом полукруговое движение, он скашивает перед собою серпообразную полоску хлеба. Срезанный хлеб ложится на *грабки* и отбрасывается влево в покос. Плавными и ритмичными взмахами косы, следуемыми один за другим косарь постепенно продвигается вперед, скашивая одну за другой полоски хлеба — *косе ручку*. Пройдя ниву от одного конца до другого, косарь оставляет после себя ровную, около полутора метра ширины, скошенную полосу, по левой стороне которой лежит такой же ровный покос скошенного хлеба, обращенного колосьями в противоположную сторону, а направо стеной стоит нескошенный хлеб. Пройдя одну *ручку*, косари медленно возвращаются к тому концу нивы, с которого начали работу. Совершая такой переход, они в то же время отдыхают. Перед началом новой *ручки* косари *мантачат* — точат косы. Если нива длинная и коса скоро тупится, то делают остановки и точат. *Мантачку* или *оселок* (фиг. 8) косарь несет с собою и во время работы держит ее за голенищем сапога или же в левой руке, вместе с *киссям*. У одного из концов нивы стоит ведро с водою и *брусом* — точильным камнем, которым более основательно точат косу после каждой или двух — трех ручек, смотря потому, как скоро тупится коса. Необходимой принадлежностью всякого косаря является *бабка* (фиг. 9) и молоток, при помощи которых он *отпліскуэ*, *клипаэ* — отбивает косу. Держа косу в левой руке



Фиг. 9.  
Бабка.



Фиг. 10.  
Грабли.

и приложив ее лезвием к *бабке*, ударом молотка по лезвию, косарь делает его более тонким и острым.

Скошенный хлеб сгребают граблями (фиг. 10) в *валки* — небольшие кучки. Грабли переселенцев совершенно идентичны

украинским, они состоят из *граблища* — шеста длиною около полутора метра, нижний конец которого расколот сантиметров на 15—20; *валка* — бруса, обтесанного на четыре грани, с двумя отверстиями для укрепления в нем *граблища* с шестью или восемью деревянными зубьями. Косят только мужчины, а сгребают женщины. Работу эту выполняют взяв *граблище* левой рукой снизу у верхнего конца, а правой сверху посередине, опустив грабли зубьями вниз на землю, таким образом держат их под углом около  $60^\circ$  и спереди себя; сама же работница стоит лицом к *покосу*, с левой его стороны, и энергичным движением рук скатывает *покос* граблями в кучу — *валок*. По мере продвижения гребца по *покосу*, *валок* все растет и растет; прокатив 10—15 м, оставляет его и, возвратясь к следующему *покосу*, повторяет с ним то же самое. Убрыв таким образом с одной стороны 10—20 *покосов*, заходит с другой и начинает на расстоянии 10—15 м от *валків* те же *покоси*, сгребая их к первым *валкам*.

Все *покоси* сгребаются в *валки*; последние располагаются по ниве правильными рядами, перпендикулярно к *покосам*, с промежутками в 20—30 м. *Валки* затем складывают в *копиці* — куполообразные кучи, высотой в 1,7 м, диаметром около 2 м. Кладут деревянными вилами (фиг. 11). Укладка хлеба в *копиці* мужское дело. Начиная класть, рабочий прежде всего выбирает место для *копиці*, что делается весьма просто. Зная, что на одну *копицю* идет 15—20 *валків*, он берет и закладывает ее приблизительно посредине, чтобы с той и другой стороны недалеко было бы сносить.

Укладка производится довольно тщательно. Прежде всего, стараются так класть, чтобы хлеб не расползался, и середина *копиці* была бы выпуклой, что в случае дождя предохраняет хлеб от глубокого промокания. Для этого обычно кладут *нави́льники* — хлеб, взятый на ви́лы, по периферии *копиці* и так, что они наполовину перекрывают один другого, вследствие чего *копиця* как бы винтообразно растет вверх, а для выполнения середины, время от времени, кладут один *нави́льник* хлеба. Оставшийся хлеб на месте *валків* гребцы сгребают и *підвіршують* им *копиці* — делают верхушку более выпуклой.



Фиг. 11.  
Деревянные  
вилы.

В настоящее время вся эта работа по уборке хлеба значительно сокращена. Убирают жнейками, складывают в небольшие *копици* и затем сгребают ручными или же конными граблями, чаще первыми. Косят жнейками-лобогрейками пшеницу, овес, ячмень, просо и лен. Скашивают довольно низко—8—15 см от корня, и вообще, чем ниже хлеб, тем ниже его косят. Лен стараются косить ниже, например, проса, последнее ниже, чем пшеницу, овес и ячмень. Косою же все хлеба косили ниже, чем машиной.

К уборке хлебных культур приступают, как только созреет зерно и побелеет солома. Первым созревает ячмень—в первых числах августа, второй—пшеница, затем овес, вслед за овсом лен. К 10 августа созревают все эти злаки. В конце августа или начале сентября созревает просо. Ранний подсолнечник созревает после 20 чисел сентября, а поздний и кукуруза стоят до октябрьских заморозков; конопля созревает в последних числах сентября. Картофель—в начале октября. Горох, чечевица и фасоль созревают между Преображением и Успением. Бахча созревает раньше всех полевых культур: к 1 августа уже есть спелые арбузы, к 6—много, а к 1 сентября их убирают. Дыни созревают на 5—7 дней раньше. Огурцы появляются в средних числах июля.

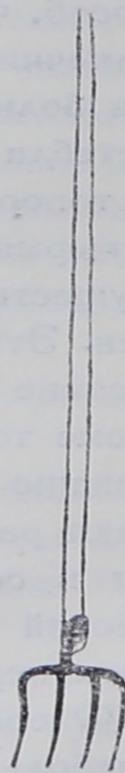
Для работы в *косарку*, жнейку-лобогрейку, запрягают 2 или 3 лошади и скашивают ею в рабочий день от 4 до 5 га. В этой работе принимают участие два человека: один управляет лошадьми, другой вилами снимает с платформы жнейки скошенный хлеб. Правит лошадьми обычно подросток, а снимает хлеб взрослый рабочий. Начав косить с одного из углов, *ходят косаркой* кругом, поворачивая на углах подобно тому, как пахут плужницей, с той лишь разницей, что *косаркой* идут в обратном направлении—по солнцу. На описании частей и функций жатвенной машины мы останавливаться не будем; интересующихся этим отсылаем к специальной литературе, а здесь дадим лишь краткую характеристику трудовых процессов рабочего, так как они являются необходимым дополнением тех жатвенных машин, которые получили народное название *лобогреек*. Так их называют в отличие от жнеек-крылаток, или *самоскидок*, *самосбросок* и сноповязалок—*самовязок*. В последних двух типах жнеек, как известно, один человек, сидя на машине правит лошадьми и сбрасывает снопы, если работает на снопо-

вязалке, и валки, если косит *самоскидкой*, выполняет это легко, без особого напряжения — легким нажатием ноги на рычаг — *скидку*. На *лобогрейке* же эта работа выполняется энергичным и постоянным физическим напряжением, довольно сильно утомляющим рабочего, он, как говорят, *лоб гриз* на этой работе. Отсюда и название *лобогрейка*.

Сидя на специальном сидении, рабочий, если жнейка обходит ниву в первый раз, следит за накапливающимся на платформе хлебом, и как только она достаточно наполнится, он быстрым движением вил сбрасывает *валок* на землю, при этом старается соблюдать более или менее одинаковое расстояние между *валками* — в 10—20 м в среднем; оно, между прочим, сильно варьирует в зависимости от густоты и роста хлеба. Во второй, третий и последующие *обороты* (один круговой обход нивы жнейкой) рабочий снимает хлеб с платформы на том же месте, что и в предыдущий раз, вследствие чего *валки* образуют правильные ряды, которые, начинаясь на периферии нивы, после каждого оборота жнейки, со всех четырех сторон, приближаются к середине нивы. Ближайшие к углам ряды *валков*, по мере приближения машины к центру, как бы обрываются и не доходят до середины.

Скошенный ячмень и пшеницу сейчас же вслед, если есть рабочие руки, кладут в *копицы*. Овес, если он сырой, и тем более просо, кладут спустя некоторое время; полдня или день дают им посохнуть. Техника кладки *копиць* ничем не отличается от ранее существовавшей и выше нами уже описанной, лишь размерами они несколько меньше и довольно часто небрежно сложены, что объясняется большой спешкой работы. Начав уборку хлебов в первых числах августа, к 20 числам уже кончают ее. Следует заметить, что деревянные вилы вышли из употребления и заменены железными (фиг. 12).

Подсолнечник — *маслянку*, жнут серпами, а *гризове*, если стебли толстые, рубят топором. В первом случае работница или рабочий, — чаще первая выполняет это дело, — берет левой рукой *стебло* одного растения или, если вместе растут, двух и, наклоняясь, подхватывает серпом растение выше корня на 15—20, а иногда 30 см, и резким движе-



Фиг. 12.  
Вилы четверики.

нием серпа к себе срезает подсолнечник и кладет его в сноп. Снопы, или, как их называют, *оберемки*, сравнительно невелики: 20 — 30 стеблей. *Оберемки* не связывают и не складывают в *копи* — они лежат на ниве, где положил их жнец, до молотьбы. Во втором случае рабочий так же берет левой рукой подсолнечник, а правой рубит его топором немного выше корня и затем кладет в сноп. В данном случае, обычный плотничий топор, который имеется у каждого хозяина, является вполне земледельческим орудием. Такое же применение топора мы встречаем и на Кубани. Летописные упоминания, говорящие о топоре, как о древнерусском земледельческом инвентаре: „Куды топор, коса и соха ходили по старине“<sup>1</sup> или „Куды ходила коса и секира“<sup>2</sup> — не утратили еще и теперь своего смысла. Только в те времена топор имел, очевидно, иное назначение; надо полагать, что им расчищали из-под леса пашню.

При этих двух способах уборки подсолнечника земледелец убирает одновременно урожай и стеблей, и корзинок — *шапочек*, *головок*, содержащих семена подсолнечника. Но есть еще третий способ, часто применяемый при уборке только *гризового* подсолнечника и заключающийся в том, что земледелец серпом или большим столовым ножом срезает одни только корзинки, а стебли убирает отдельно, в более свободное время, срубая их топором, или оставляет в поле до весны; потом, собирая их, он вырывает с корнем. Последний способ имеет большие преимущества особенно в таком засушливом районе, как Казакстан. Этим путем земледелец накапливает влагу на поле, так как высокие стебли подсолнечника зимой собирают много снега. Кроме того, он чисто и довольно легко убирает стебли, подгнившие корни легко выдергиваются руками. Срезанные корзинки рабочий складывает в мешок, который имеет при себе, или в *сапетку* — плетенную из лозы корзинку. Наполнив ее, рабочий высыпает в ящик брички, стоящей тут же на ниве, затем перевозит домой для молотьбы.

Фасоль и горох *берут* руками с корнем и складывают в небольшие кучки; после того, как кучки просохнут, их перевозят домой для молотьбы. Чечевицу же чаще косят косою и только если в хозяйстве нет косы, *берут* руками.

<sup>1</sup> Акты юридические, стр. 29.

<sup>2</sup> Акты юридические, стр. 144.

Коноплю—*прядиво*, срывают руками. Если конопля хорошая, то сначала берут *плоскинъ* — мужские экземпляры, так как они раньше созревают, а затем уже *матірку*. В засушливую осень коноплю довольно трудно рвать. Жесткая кожица ранит руки, почему ладонь повязывают тряпками. Однако, это средство не в полной мере предохраняет руки, поэтому после двух-трех дней иногда делают перерыв, *шоб руки оддихнули*. Собирают коноплю женщины и только иногда помогают им мужчины и подростки.

Трудовые процессы работников, рвущих коноплю, несложны, но имеют свои особенности и требуют навыков. Взяв обеими руками *жмѣню*—несколько штук стеблей конопли (3—10), в зависимости от твердости почвы и толщины конопли, подставив правую ногу, слегка согнутую в колене, изо всех сил тянут стебли вверх и, сгибая еще более ногу, как рычагом помогают вырвать. Выдернутую коноплю ударяют 1—2 раза о правую ногу, чтобы с корней осыпалась земля, и кладут в *горстку* — сноп. В конце рабочего дня или перед обедом *горстки* связывают точно таким же образом, как снопы хлеба, и затем ставят в *кучки*. Ставят вертикально 2—3 *горстки*, к ним кругом приставляют под уклоном в 70—80° 12—13 *горсток* — если *куча* состоит из четверти копы, и 27—28 — если из *полукіпка*. Составленные таким образом *горстки* представляют собою конусообразное сооружение—*кучу*. Счет *горсткам* ведут подобно тому, как раньше считали снопы хлеба: 60 *горсток*—*копа*, а 30—*полукіпок*. Связывают *горстки* *перевеслом*—жгутом, свитым из мелкой конопли.

Картофель копают лопатами, собирая в мешки.

Что касается бахчевых плодов, то сбор их — дело простое и останавливаться на этом не будем.

Определение степени зрелости арбузов—дело более сложное и без особого навыка почти невозможное. Существует несколько способов. Наиболее правильный—метка, *таврениэ* молодых плодов размером в кулак. Но это применяется только к так называемым *первакам*—первой завязи. Метки делают ногтем большого пальца; сдирая верхнюю кожицу, чертят крестики, буквы или цифры. В практике установилось, что меченые арбузы через две недели созревают. Другие способы требуют большого навыка отличать по некоторым внешним признакам зрелый арбуз от *зеленого*. Нам удалось зарегистрировать три таких признака: первый—усыхание плодоножки и усиков на побегах; второй — постукивание средним пальцем по коре арбуза—зрелый издает

характерный для него глухой и мягкий звук, *зеленый* напротив—звонкий, хотя толстокожие *зеленые* арбузы тоже издают подобно спелым глухой звук; третий—гладкая и блестящая поверхность коры арбуза. При выборе арбузов принимают во внимание все три признака.

Зрелость дынь определять значительно легче, так как при созревании кожа их желтеет, а кроме того, они становятся душистыми. Последним свойством дынь хорошо пользуются собаки, когда, попав на бахчу, они безошибочно выбирают наиболее зрелые, даже в ночное время.

Таким образом, по технике и способам уборки полевых растений, исследуемый район отличается довольно большим разнообразием. Наряду с современной фабрично-заводской техникой— жнейками, удержались коса, серп и даже топор и нож, а, кроме того, сохранился еще первобытный способ уборки— срывание руками. Такое разнообразие и совмещение совершенной и примитивной техники уборки полевых растений у одного народа и на сравнительно небольшой территории объясняется количеством площади, занимаемой тем или другим растением, затратой времени на уборку его и хозяйственной выгодой применения более совершенной техники. Так, для уборки хлебных культур: пшеницы, овса, ячменя, гречи, проса и масличных—льна, составляющих у средних хозяйств 85—90% всей посевной площади, у более мощных 95—97% с большой выгодой применяется более совершенная, хотя и дорогая фабрично-заводская техника, тогда как для небольшой площади подсолнечника это невыгодно и, напротив, в этом случае с большим хозяйственным расчетом применяются серп, топор и нож, а для крохотного посева чечевицы—коса. Уборка же конопли, фасоли и гороха путем вырывания с корнем является наиболее рациональным способом, так как убирать их косою совершенно невозможно: срезая горох или фасоль, земледелец рискует обрезать стручки, которые обычно висят до земли, особенно у фасоли. Поэтому вырывание руками этих растений гарантирует аккуратный сбор, а незначительная посевная площадь, занимаемая ими, дает возможность земледельцу справиться голыми руками, не вооружившись специальными орудиями.

Такое же явление в отношении уборки полевых растений мы наблюдали у украинцев на Дону и на Кубани, в ее степ-

ной части, в Ставропольской и бывшей Астраханской губерниях, но в горной полосе на Кубани еще применяются для уборки хлеба серп и коса. Что же касается Украины, то по Волкову—пшеницу, рожь и ячмень жнут серпами, и только в таких исключительных случаях, как неурожай, убирают косами, а овес и гречиху всегда косят на *грабки*, и срезанные тем или иным способом стебли собираются в снопы и перевязываются *перевеслами*. Снопы затем складываются в *полукіпки* и *копиці*.<sup>1</sup> Следовательно, техника и способы уборки хлеба украинцев-переселенцев более прогрессивные и культурные, чем на Украине. Однако, здесь следует внести поправку в цитируемую работу и оговориться, что не вся Украина жнет серпами, например, южная (бывшая Таврическая и Херсонская губ.) точно так же, как в Казакстане, на Кубани, на Дону, в Ставропольской и Астраханской губ., убирает хлеб машинами. Процесс замены серпа и косы жнейкой идет с юга на север; например, в бывшей Екатеринославской губ.: „с каждым годом растет число крестьянских хозяйств, в которых уборка хлеба производится лобогрейкой“.<sup>2</sup>

Замена одних уборочных средств другими в украинском земледелии происходит с точной, экономически и культурно обоснованной закономерностью. Эта закономерность наиболее ярко выражена в таких районах, как Кубань, Дон, Херсонщина, Таврия и отчасти Екатеринославщина. Серп — древнее орудие, которым жали хлеб и продолжают еще жать не только украинцы, но и другие народы. В этих районах он еще в 70 — 90 годах прошлого столетия был вытеснен косою, а в 90 годах и в начале текущего столетия косу заменила жнейка. Большинство переселенцев выходцев из южной Украины замену серпа косою, а также начавшийся процесс вытеснения косы жнейкой пережили еще у себя на родине. В Казакстане же в первые годы после переселения, замена косы жнейкой на время задержалась, но, с повышением экономического благосостояния, переселенцы довольно быстро перешли от косы к жнейке.

Под влиянием украинцев-переселенцев и старожилов крестьяне великоруссы, до того времени жавшие хлеб серпами и вязавшие его в снопы, перешли к машинной уборке и укладке хлеба

<sup>1</sup> Ф. К. Волков. Этнографические особенности украинского народа. Украинский народ. Пг., 1916.

<sup>2</sup> Журнал „Южное Хозяйство“ за 1915 г. № 9, стр. 266.

в *копиці*. Влияние это частично распространилось, и особенно в последнее десятилетие, на казаков, ближайших соседей украинцев. Многие казакские хозяйства перешли от серпа к жнейке. Одни приобрели на складах земледельческих машин и орудий совершенно новые, а другие покупали за небольшие деньги у украинцев-переселенцев, уже подержанные жнейки. Наряду с покупкой жнеек, казаки, преимущественно бедняки, нанимают украинцев убирать хлеб лобогрейкой. Чаще всего такие сделки носят характер обоюдной отработки: бедняк-казак делает *саман* украинцу, а последний за это ему косит хлеб.

Рядом с лобогрейкой в казакском земледелии применяется серп и пожалуй, в большей степени, чем жнейка, а кроме того, до сих пор существует наиболее примитивный способ уборки хлеба, отмеченный еще около ста лет тому назад Левшиным<sup>1</sup> — вырывание руками с корнем. Правда, к этому способу уборки прибегают теперь очень редко и исключительно неимущие хозяйства.

Молотьба хлеба и других полевых культур по своей технике носит более народный характер, чем уборка. Орудия, применяемые для обмолота хлеба, просты, дешевы и не многочисленны. Так, для обмолота хлеба применяется только каток. Более древнее и широко распространенное на Украине<sup>2</sup> молотильное орудие *цiп* — молотило (фиг. 13) встречается редко и далеко не во всех селах, к тому же имеет другое применение — им молотят горох, чечевицу, фасоль и коноплю.

Молотильные орудия. Переселенцы северной и средней Украины были знакомы только с *цiпом*, а переселенцы южной Украины хотя и знали *цiп*, который уже выходил из употребления, но пользовались, главным образом, каменным или деревянным катком. Переселяясь

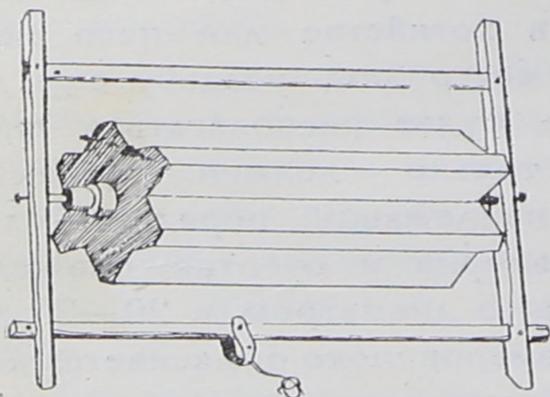


Фиг. 13.  
Цiп.

<sup>1</sup> Левшин. Описание Киргиз-Казачьих орд и степей. Ч. III, 1832, стр. 205.

<sup>2</sup> Ф. К. Волков. Этнографические особенности украинского народа. Украинский народ. Т. II, стр. 172.

в Казакстан, украинцы-южане не взяли с собою *котка*—катка, а северяне *ціпа*—все это делали на месте, сами. Деревянные катки делали из пихты. Брали круглое бревно, длиною 90—110 см и диаметром 45—50 см, набивали на него *бичі*—четырёхгранные брусья с несколько суженной и закругленной верхней стороной, всего от 8—10 штук. По обеим сторонам, в центре обреза, в отверстия вставляли *чіпи*—железные болты, на которые надевали станок катка. Теперь деревянных катков нет, молотят исключительно каменными (фиг. 14), повсюду довольно однообразными, с шестью *бичами*, длиной 70 см, диаметром 45 см. Станок—четырёхугольная рама, состоящая из двух *поперечин*—деревянных



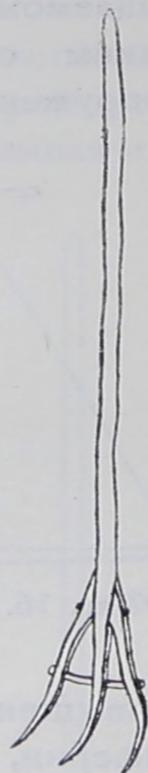
Фиг. 14. Каменный каток.

брусьев длиной 60 см, и двух *глиць*, в 90 см, концы которых запущены в отверстия *поперечин* и закреплены деревянными *тиблями* или железными гвоздями. Станок надевают на каток, чтобы риладить к нему *запряжку*—*барки* и

иметь возможность приводить каток в движение. К передней *глиці* прикрепляют крючек. Станок делают сами хозяева, а катки в настоящее время изготовляют казаки, которые технику изготовления позаимствовали у украинцев и поставляют их теперь в большом количестве соседнему украинскому и великорусскому населению. Производство это сосредоточено, главным образом, в ауле Бед-кудук.

*Ціп* состоит из двух основных частей—*ціпильна*, деревянного полутораметрового шеста и такого же *бича*, в 90 см. *Ціпильно* и *бич* скрепляются двумя *мочками*, и *каблучкою*, кольцом, сделанным из сыромятного ремня.

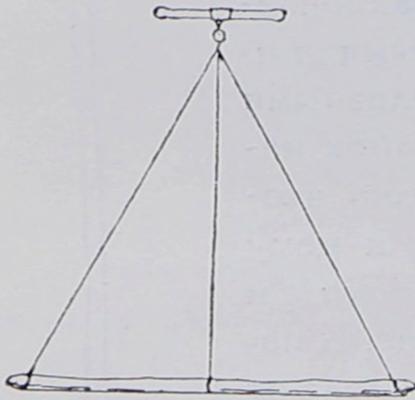
Необходимым молотильным инвентарем считаются грабли, железные вилы и деревянные вилы, так называемые *паштармаки* (фиг. 15), а для уборки соломы *волок*—круглое, трехметровое бревно, за края которого привязываются концы шестиметровой *бічови*, вытянутой вперед и образующей вместе



Фиг. 15.  
Вилы паштармаки.

с бревном правильный треугольник, основанием которого является бревно, а сторонами вытянутая *бичова*. К *бичове*, у вершины треугольника привязывают для запряжки лошадей *барки*, а к ним веревку, в  $2\frac{1}{2}$ —3 м, и протягивают ее по прямой линии к бревну, как бы разделяя этим треугольник на две равные части (фиг. 16).

*Тік, гарман* — место, на котором производится молотьба. Он пользуется большим вниманием; однажды приготовив его, хозяин затем ежегодно обновляет его. Место *тока* в хозяйственном быту переселенцев строго установившееся. Земледелец, выбирая это место, действует согласно установившейся традиции; делает *тік* во второй части усадьбы, в так называемом *городі*. Другого места в хозяйстве для него нет. Таким образом, хозяин, заняв место под усадьбу еще до сооружения построек, знает, где будет располагаться *тік*.



Фиг. 16. Волок.

Земледелец только должен привести это место в надлежащий порядок — сделать *тік*, измерив и очертив площадь в форме круга, с диаметром в 20—25 м. Колебание размеров *тока* объясняется количеством молотильного инвентаря и размерами посева. Вся площадь, предназначенная под *тік*, тщательно лопатой перекапывается, при этом во время вскапывания части земли подбрасывают к середине *тока*, чтобы таким путем сделать центр *тока*, где обычно стоит *ворох*, более

возвышенным и, следовательно, настолько покатым к периферии, что дождевая вода, не задерживаясь, быстро бы с него стекала.

После вскапывания площадь *тока* тщательно боронят, разрушают комья земли и выравнивают. Если после этой подготовки все же окажутся неровности, то их устраняют подсыпкой земли, которую приносят в ведре или привозят на бричке. Ровную и гладкую площадь *тока*, если нет дождя, поливают водою, принесенной или привезенной с колодца, чаще последнее, затем в натруску покрывают мелкой, иногда даже перегнившей, в хозяйстве ненужной соломой, толщиной в 3—5 см, и затем укатывают. Поливанием достигается увлажнение поверхности *тока*, без

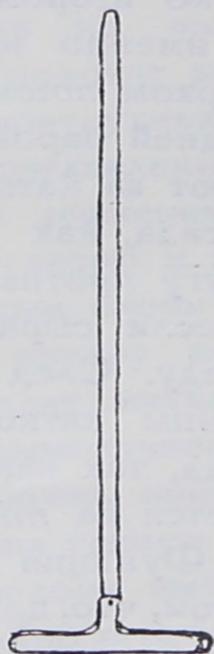
которого невозможно укатывание и уплотнение ее, а при-труска соломою предохраняет поверхность *тока* от резких колесных следов. Укатку обычно производят всем колесным инвентарем — бричками, плужницами и лобогрейками, хотя предпочитают пользоваться в этих целях последними, так как тяжесть машины и широкий обод ее большого колеса плотно, равномерно и гладко укатывают *тік*. Ездят по кругу против солнца, начиная с периферии, постепенно приближаясь к центру. После укатки *тока*, сметают с него солому и просушивают его, если в тот же день собираются молотить, но обычно эта подготовка производится до уборки хлеба, и поэтому *накочений тік* оставляют с соломою до начала молотьбы.

Такую тщательную работу по подготовке *тока* производят однажды, а в последующие годы только делают ремонт — *висипають* впадины, если они образовались, и не вскапывая и не бороня, слегка поливают и укатывают. Если на *току* была растительность, то, смотря по виду, срывают руками или состругивают *стругачкой* (фиг. 17).

Так же делают *тік* украинцы и на Кубани, если молотят хлеб во дворах, и значительно проще, если в степи. Вместо вскапывания, площадь *тока* перепахивают, или, если это на пашне, то боронят, поливают, застилают соломою и *накачують* — укатывают.

Процесс молотьбы состоит из трех основных стадий: доставки хлеба на *тік*, молотьбы его и уборки *тока*, т. е. вымолоченного зерна, мякины и соломы. Веяние будем рассматривать как отдельный процесс.

Доставка хлеба у переселенцев на *тік* производится подобно тому, как и на юге Украины на длинных 4 — 5-метровых *бричках*, *разводах* — телегах на железном ходу с верхними *драбинами*. Нагружают хлеб таким же точно способом, как и сено.<sup>1</sup> Кладут на одну *бричку* от 8 до 12 *копиць*. Доставленный на *тік* хлеб молотят в тот же день.



Фиг. 17.  
Стругачка.

<sup>1</sup> См. статью „Скотоводческий быт украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губернии.“

Работа эта, обычно, протекает в следующем порядке: на рассвете двумя-тремя *бричками*, в общем сколько их имеется в хозяйстве, выезжают за хлебом и к завтраку возвращаются. Привезенный хлеб сваливают прямо на *тік* и *настилают* его—разбрасывают по всему *току*, равномерным слоем, толщиной, примерно, до колен, вилами тщательно раструсивая его пласты, если хлеб слежался, чтобы этим облегчить молотьбу. Предварительной сушки хлеба здесь не производят, так как он и без того достаточно высыхает в поле.

Если в хозяйстве нет лишнего рабочего скота, то молотьбу производят теми же лошадьми, что и перевозку. Пока *настилают тік* и завтракают сами рабочие, лошади кормятся и отдыхают, затем их запрягают в катки. Хозяйство, располагающее лишней парой лошадей, выделяет ее для подвозки хлеба. В большие катки запрягают пару лошадей, а в меньшие — по одной. Если в хозяйстве 2—3 катка, то к переднему катку к задней *глиці* станка привязывают лошадь второго катка, а ко второму — лошадь третьего и т. д. На переднюю пару, а именно на *підрушню* лошадь, идущую слева, садится верхом *погонич*, обычно подросток, который правит только передней парой лошадей, а остальные, будучи привязанными, следуют за катками и молотят в один след. Начинают молотьбу посада, как и укатку *тока*, с периферии. Идут катками по кругу против солнца и делают таким образом 10—15 оборотов, а если сырая погода, то и больше, по одному и тому же следу. След этот бывает обычно шире в полтора-два раза длины катков. Рабочие в это время подгребают края посада, так как катки и лошади *разбивают* хлеб и он расплзается за *тік*.

Функция катка, как молотильного орудия, заключается в том, что, при своей тяжести и не гладкой цилиндрической форме, а с *бичами*, он во время движения, вращаясь вокруг собственной оси, перекачивается с одного *бича* на другой и ударами их по хлебу разбивает солому, разминает колос и вымолачивает этим зерно. При этом в первый след он лишь слегка мнет солому, но с каждым оборотом по кругу действия катка все больше и больше сказываются, стебли хлеба расплющиваются и перебиваются на три-четыре части, а колосья растираются. Зерно в это время осыпается и с каждым ударом катка проникает все глубже и глубже под солому, как бы пря-

часть от его ударов. В результате такого процесса вымолоченное зерно и наиболее мелкая мякина—*полова*—собирается на *току* под соломой, что предохраняет зерно от расплющивания. Разумеется, более сильному воздействию катка подвергается верхний слой хлеба, поэтому чем толще посад, тем труднее вымолотить нижележащие колосья. Достигается это двумя способами: или делают большее число оборотов или, вымолотив верхний слой, перетрушивают весь хлеб, переворачивают его и затем снова молотят.

Первый способ менее удобен, так как прежде, чем вымолотится нижний слой, солома верхнего слоя сильно перетрется, и станет очень мелкой и малопригодной для хозяйственных целей.

Второй способ считается более практичным, но требующим большего труда со стороны рабочих: они должны перетрусить и перевернуть полуизмолоченный хлеб. Перемолотив наполовину первый кольцевой круг, начинают молотить второй, а за ним третий и т. д. Таким образом, постепенно, кругами, приближаются к центру *тока*. Количество кругов на *току* колеблется от 5 до 8. В то время, как катки молотят второй круг, рабочие вилами, *паштармаками*, перетрушивают первый, вонзив вилы в примолоченный и плотно придавленный катками хлеб, поднимают его, быстрыми и частыми движениями вил вниз—влево, вверх—вправо, разрушают пласт; зерно и мякина просеивается на *тик*, а солома равномерным слоем на том же месте расстилается. Так приближаются к центру круг за кругом. Перемолотив последний круг, переходят катками на первый и снова его молотят и на этот раз вымолачивают до конца; за первым следует второй и т. д. Рабочие, кончив перетруску, также возвращаются к первому и снова такими же действиями вил перетрушивают и вымолоченную солому выбрасывают за *тик*, а остатки мелкой соломы тщательно сгребают граблями и затем уже приступают к уборке.

Зерно и мякину *зюртають* граблями к центру *тока*. Начиная с края, рабочий, взяв грабли зубьями вверх, положив на *тик*, держится левой рукой за конец *граблища*, приставив его к животу, а правой держит посередине *граблища* и, надавливая ею грабли вниз, наклонившись корпусом несколько вперед, плавно толкает грабли и *горне*—собирает перед собой мякину и зерно в *валок*. Дойдя до центра, рабочий снова возвращается

к краю и проделывает то же. Иногда эту работу выполняет каждый рабочий отдельно, но чаще несколько рабочих становятся рядом и, взяв грабли, как выше было описано, соединив валки в одну общую линию, *горнуть* вместе широкой полосой. После такого *сгортания* на *току* остается еще много зерен, которые тщательно *подгортают*, как бы соскабливают теми же граблями.

Собранную массу по середине *тока* скидают специальными вилами (фиг. 18) в *ворох* — конусообразную кучу, увеличивающуюся после каждого посада. Размеры *вороха* часто достигают высоты до 3 м по вертикальной оси, с диаметром основания до 8—10 м. Иногда в один *ворох* молотят 11—13 гектаров. В день молотят 2—3 посада, реже—4. Убрыв первый посад, настилают второй и т. д. Молотят обычно до захода солнца и поэтому уборка последнего посада и особенно уборка соломы часто производится в сумерках при фонаре, который ставят на вершину *вороха* или же укрепляют на специальном столбе.

Как бы граблями *тік* хорошо ни *згортали*, все же на нем остается зерно, поэтому остатки эти еще подметают, что делается только при уборке последнего посада, чтобы ночью, на случай дождя, зерно на *току* не мокло. Если земледелец уверен, что дождя ночью не будет, то оставляет *тік* не метеным.

Перемолоченную солому, выбрасываемую в течение дня за *тік* и, образовавшую там кольцевой вал, убирают чаще всего вечером или ночью, складывая в скирду. В хозяйственной практике переселенцев установилось несколько способов уборки.

а) Рабочий переносит вилами, взяв *навильник* соломы, подняв его над собою выше головы на вытянутую вверх правую руку, которой он, главным образом, и держит *навильник*, а левой, опущенной вниз, держит за вертикально стоящий *держак* вил—это наиболее удобный прием для рабочего. б) Солому несут два рабочих вместе,

для чего берут два нетолстых шеста, кладут кучу соломы от 50 до 80 кг, пропускают под нее эти шесты с таким расчетом, чтобы они лежали параллельно, концы их торчали бы



Фиг. 18.  
Вилы для  
сбрасывания  
вороха.

по обе стороны кучи и с расстоянием между ними, дающим возможность встать рабочему и взять эти концы, подобно носилкам. Таким образом, рабочие, один спереди, другой сзади, взяв за шести, несут солому к скирде. Этот способ дает возможность скорее справиться с переноской. в) Третий способ отличается от предыдущих тем, что для выполнения его привлекается рабочая сила животных, главным образом, лошадей. Для применения рабочих животных существует два вида технических приспособлений.

Первый—вышеописанный *волок*, в который запрягают одну-две лошади; разрывают вилами кольцевой вал соломы на звенья от 3 до 6 м, делают проходы в нем, куда кладут бревно *волока*, на него становится рабочий, держась за веревку; рабочий давит на *волок* своей тяжестью, вследствие чего солома собирается впереди бревна и, спрессовавшись, держится в треугольнике *волока*. В таком положении ее можно тянуть на любое расстояние, не рискуя растерять. Чтобы оставить солому в нужном месте, рабочий, остановив лошадей, сбивает их назад, ослабляет веревки, оттягивает назад *волок* и затем, подняв несколько вверх, перебрасывает его через кучу. Рабочие затем кладут солому в скирду. Этот способ широко распространен на Кубани, особенно в тех случаях, когда соломы собирается много и, в частности, во время молотьбы паровой молотилкой.

Другой вид технического приспособления заключается в том, что солому складывают в кучи, обхватывают их с трех сторон бечевой, концы которой привязывают к постромкам, и волокут.

Кроме вышеуказанных способов, существует еще один — солому складывают на *бричку* и отвозят к скирде. Этот последний применяется больше всего в тех случаях, когда солому надо подавать высоко на скирду, а из *брички* это удобнее делать.

Укладка соломы в скирду производится таким же способом как и укладка сена.<sup>1</sup>

Описанная техника молотьбы у украинцев-переселенцев во всех деталях сходна с таковой же на Кубани, на Дону, в Ставропольской губ. и на юге Украины. Лишь доставка хлеба на

<sup>1</sup> См. статью „Скотоводческий быт украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губернии“.

*тік* на Кубани более разнообразна — наряду с *бричкой* в некоторых местах для этой цели употребляется *тягалка* — особый род волокуши, которой не возят, а *тягают копиці*. Таким образом, по технике молотьбы, как и следовало ожидать, украинцы исследуемого района ближе стоят к южной Украине.

Как ни просты техника молотьбы украинцев-переселенцев и ее главное орудие, каток, она все же значительно совершеннее молотьбы *ціпом* или ногами животных, а, главное, дает возможность скорее справиться с этой работой. При достаточном количестве рабочих рук и лошадей, катками можно скорее перемолотить урожай, чем, например, конной молотилкой завода Эльворти. Накануне войны, в селе Таврическом, четыре наиболее зажиточных земледельца приобрели эти молотилки, но вскоре убедились, что они менее выгодны, чем простые катки, так как конная молотилка требует около 12 человек рабочих и приблизительно такого же количества лошадей, а при наличии этого количества рабочей силы и соответствующего числа катков, можно перемолотить хлеба значительно больше. Поэтому, конные молотилки были проданы и крестьяне снова перешли к молотьбе катками.

Таким образом, современная техника молотьбы украинцев-переселенцев экономически выгодна, и в местном земледелии останется, очевидно, надолго, характеризуя собою вторую стадию украинской техники молотьбы, пришедшей на смену гервой — молотьбы *ціпом*.

Преимущества молотьбы катками учтены местным великорусским населением и отчасти казаками. Те и другие, до переселения украинцев, знали один способ молотьбы — ногами животных. Расстилали на *току* хлеб, связывали попарно или по тройке и четверке лошадей и гоняли их по хлебу. Но в настоящее время большинство великоруссов, соседей украинцев, и часть казаков-земледельцев молотят хлеб катками.

Молотьба подсолнечника, если это *маслянка*, производится катками, как и хлеба, но *гризовой* подсолнечник молотят — *оббивают* палочками, так называемыми *оббивачами*, длина которых колеблется от 35 до 50 см, а толщина — от 2 до 3 см. Молотьбу производят на обычном *току* или же делают специально небольшой *тічѣк*, куда доставляют срезанные корзинки подсолнечника и вымолачивают их — держа в левой руке корзинку семенами вниз, а правой *оббивачем* ударяя по ней,

вследствие чего семена высыпаются. Этот ручной и довольно примитивный способ молотбы обычно выполняется женщинами и подростками от 10—12 лет.

Горох, фасоль, чечевицу и коноплю молотят *цїлом* там, где еще он сохранился, но в большинстве случаев их молотят палками или катком и смотря по количеству урожая; — небольшой вымолачивают палками, а большой — катками.

Веяние — процесс, непосредственно связанный с молотбой. Выполняется он в одних случаях в тот же день, в других молотят несколько дней, собирая хлеб в *ворох* и только после того, когда закончат молотбу одного вида хлеба, например, пшеницы, приступают к веянию. Веют исключительно веялками, которые в первые годы в некоторых селах делали сами крестьяне, а теперь приобретают их на складах сельскохозяйственных машин и орудий.

Однако, в первые годы после переселения многие земледельцы еще веяли лопатами. Надо сказать, что лопата, как орудие веяния, широко известна не только в украинском и вообще в восточно-славянском земледелии, но и у других народов мы встречаем ее в этом применении, например, у черкесов, крымских татар, казаков и пр. В украинском земледелии лопату вытеснила веялка. Этот процесс совершился также на Кубани, на Дону, на юге Украины и в Казакстане в 90 годах, а в других районах Украины несколько позже.

Лопата бытовавшая в исследуемом районе, состояла из двух нераздельных частей — *диржака* — 1,1 м и собственно лопаты — 20×40 см.

Веяние лопатою представляет собой простой процесс подбрасывания вымолоченной массы вверх на ветер. Рабочий, став возле *вороха*, зачерпнув лопатою, примерно, около 800 г зерна и мякины, подбрасывает его вверх на ветер метра на 2—3, в общем, в зависимости от силы ветра. Зерно, под влиянием собственной тяжести, падает по отвесной линии на *тік*, а мякина ветром уносится несколько в сторону. Если *ворох* велик, то работа эта занимает довольно много времени и требует от рабочего большого навыка. В результате черпания лопатою, *ворох* постепенно уменьшается, а рядом с ним растут две кучи: меньшая — зерна и большая — мякины. Первая принимает шаровидную форму, с которой другой рабочий время от времени сметает метлою соломинки и более тяжелые чешуйки

колосьев, упавшие вместе с зерном. Перебросав *ворох* один раз, веятель повторяет эту работу, так как одного раза обычно недостаточно. Чтобы получить чистое зерно, *віють два, а то и три рази*. Эту работу приурочивают к такому времени, когда дует ровный и достаточной силы ветер.

Таким веяньем земледелец обычно достигал хорошей чистоты зерна, но этот труд довольно утомителен, а главное, зависел от внешних условий — ветра, который иногда меняет свое направление или же совсем затихает и вносит этим досадные перебои в работу или прерывает ее на сутки-двое. У стариков поэтому остались иронические воспоминания о веянии лопатою: *було кишиш лопатою разів два, або три, а вітур візьми тай притихни, то хлібороб сидить и жде у моря погоди или було нискілки молотиш як вієш*, т. е. больше времени уходит на веяние, чем на молотьбу, тогда как обычное соотношение этих процессов обратное: для веяния требуется значительно меньше времени.

Веялка не только облегчает, но и ускоряет работу земледельца по отделению семян от мякины. Кроме того, она дает возможность собрать большой *ворох*, иными словами, перемолотить всю, например, пшеницу, а затем уже ее веять, что более удобно для концентрации работы. Веялку ставят к *вороху* левой стороной, *барабаном* к ветру, и затем один рабочий приводит в движение механизм веялки круговым вращением ручки большого колеса. Это между прочим самая тяжелая работа. Другой *кидає* — подает вилами из *вороха* в *кіш* веялки — это более легкая работа и, обычно, первый рабочий меняется работою со вторым. Третий, чаще подросток, *отгортає* зерно от решета, а четвертый убирает мякину и *озадки* — смесь мякины, и легковесного зерна и пр. Это необходимый минимум рабочих у веялки. Веялкой тоже веют дважды. Первый раз *гонят с полови*, а второй веют *на чисто*.

Чистое зерно насыпают в *ящик брички*, предварительно застлав его рядом или брезентом, и в таком виде перевозят в амбар. Насыпают *пудовками* — мерами цилиндрической формы, сделанными из кровельного железа. На одну бричку сыплют 50 таких *пудовок*, что составляет, в среднем, 800 кг. Мешки при перевозке зерна с *тока* в амбар не употребляют.

Хранят зерно в деревянных или сложенных из самана *закрамах*, помещающихся в специальных постройках — *винба-*

рях. Очень редко и только у зажиточных хозяев встречается хранение хлеба в деревянных амбарах, так как постройка последних, за недостатком леса, очень дорога. К тому же саманные постройки и *закрама*, несмотря на свою дешевизну, удовлетворяют всем требованиям зернохранения — сухи, прочны и не содержат в себе вредителей. Зерно лежит более 2—4 лет и не портится.

Первые годы после переселения зерно хранили в таких же саманных *закрамах*, но только маленьких, на 330—490 кг, находившихся обычно в сенах. Кроме того, были случаи хранения в бочках. *Сапетів, соломьяників* — зернохранилищ, плетеных из соломы или лозы и обмазанных внутри глиною, хорошо известных на Кубани и на юге Украины,<sup>1</sup> — переселенцы не знают. Казаки, соседи украинцев, в большинстве случаев хранят свое зерно в небольших и неглубоких (около метра) ямах удлиненной формы, вместимостью, в среднем, 80 кг. Располагаются такие ямы возле *тока* иногда в большом количестве, 10—20 штук. Этот способ хранения зерна казаками был в свое время отмечен еще Левшиным;<sup>2</sup> в 1926 году С. И. Руденко нашел этот способ хранения в западном Казакстане;<sup>3</sup> но Глухов,<sup>4</sup> наряду с ямами, подробно описанными им, в плане усадьбы — зимника Жалгыс-агач, под значком N показывает кладовую-амбар и дает подробное описание сусек („сусёк“ — саманное зернохранилище). Хранение в такого рода зернохранилищах встречается и у казаков исследуемого нами района, но только довольно редко. Влияние ли это украинского земледелия или, быть может, мы имеем дело с самостоятельным развитием казакской техники хранения зерна — пока трудно сказать.

Молотьба у украинцев-переселенцев самая тяжелая работа. Говоря о своем трудовом календаре, они прежде всего отмечают молотьбу. В этот сезон земледельцы настолько заняты работою, что им *ніколи поісти и поспать*. Вся семья встает на рассвете, одни (женщины) доят коров, а мужчины обычно едут в степь за хлебом. Таким образом, земледелец, начав свой

---

<sup>1</sup> Ф. К. Волков. Украинский народ. Т. II, стр. 473.

<sup>2</sup> Описание Киргиз-Казачьих орд и степей. Ч. III, стр. 199—200.

<sup>3</sup> Казаки. Антропол. очерки. С. Ф. Баронов, А. Н. Букейхан, С. И. Руденко Сбор. I. Мат. ОКИСАР. Лг., 1927, стр. 12.

<sup>4</sup> Казаки. Антропол. очерки. Сбор. II. Мат. ОКИСАР. Лг. 1927, стр. 131.

трудоу день еще ночью, без отдыха работает до глубокой ночи, спят не больше 4—5 часов в сутки.

Поэтому замечания Кош и на, что „тавричане (переселенцы) с гордостью указывали на свою не только привычку к труду, но и умение работать интенсивно“<sup>1</sup>—можно повторить дословно. При этом следует добавить, что труд раньше принимал характер



Фиг. 19. Водяной-млин. Село Мариногорское.

спорта, кто больше смолотит. В после-революционные годы труд стал более умеренный.

Мелют зерно на водяных мельницах, млинах, которых в исследуемом районе довольно много, хотя все они по своему устройству очень просты (фиг. 19), и помол производят медленно. Иногда помол производится настолько медленно, что мельник, засыпав зерно

в *кіш* и пустив жернов, закрывает мельницу и уходит домой или на работу, оставляя помол без надзора на несколько часов, будучи уверен, что 65—80 кг зерна хватит на это время. Впрочем, так медленно работают *млини* только в летний сезон, когда речки пересыхают.

Терминология частей мельницы: *камінь*, *жорно* вместо жернов, *кіш* вместо кош, *кулаки*, *барaban*, *корито*, *корице*, *рукав* и т. п. (сравни ст. Волкова. Этнографические особенности украинского народа, стр. 474).<sup>2</sup>

Ветряных мельниц, так пышно окружающих околицы украинского села, у переселенцев нет, не встречаем и *паровиків*—паровых вальцовых мельниц, совершенно вытеснивших на Кубани *вітряки* и отчасти *водяні млини*. Эта более дорогая

<sup>1</sup> Памятная книжка Семипалат. обл. на 1899 г. Пересел. поселки в Усть-Каменог. уезде, стр. 33.

<sup>2</sup> Украинский народ. Т. II.

мукомольная техника еще не вошла в быт местного украинского земледелия, как не вошла она и вообще в казакстанское земледелие. Как это ни парадоксально, но Казакстан, страна бедная водою и богатая, так называемым, голубым углем, все же использует в мукомольных целях только водяную энергию, оставляя неиспользованной рабочую силу ветра. В этом случае мы наблюдаем перевес этнографо-экономического фактора над географическим.

В украинском земледельческом быту водяная мельница— явление более старое, чем ветряная, а кроме того, по своему устройству она более проста и, быть может, поэтому переселенцы повторили на новом месте то, что было раньше на Украине хорошо известно, более привычно и материально доступно, хотя и менее совершенно.

Такое же явление имело место на Кубани, где до 80 годов прошлого столетия мололи только на водяных мельницах, но с культурно-экономическим развитием края появились и довольно быстро распространились *вітряки*, успешно конкурируя с водяными. Но уже в начале текущего столетия на смену ветряным мельницам пришли паровые. Весьма возможно, что этот процесс, замена одних видов мельниц другими, с течением времени и в такой же последовательности произойдет и в исследуемом районе. Однако не исключена и другая возможность, на смену водяным мельницам придут паровые.

Не останавливаясь подробно на описании водяной мельницы украинцев-переселенцев, мы все же отметим особенности, отличающие ее от украинских, а также кубанских водяных мельниц. Наиболее характерным ее отличием надо считать место ее расположения у речки и способ проведения воды на колеса. На Кубани *водяной млин*, а также на Украине, исключая только „наплавные“ мельницы, строятся не только на берегу речки, но довольно часто в ее русле, на середине или же у одного из берегов, причем пол мельницы обычно ниже уровня не только весеннего половодья речки, но и минимального летнего уровня, для чего русло речки выше мельницы перегораживают, делают плотину *греблю*—мост, переезд, или же *гатку* — пешеходный мост, которым удерживают воду на более высоком уровне и по возможности экономят ее на лето, когда вода обычно сильно *спадає*. Затем уже строят мельницу. В русло вколачивают так называемые *паллі*—толстые и длин-

ные столбы, на которых устраивают помост и корпус мельницы, где размещаются все необходимые приспособления. Для пропуска воды на колеса и вообще для регулирования использования водной энергии в *греблі* или *гатке* устраивают *лотоки*, по которым пускают нужное количество воды. Как *лотоки*, так и *гребля* представляют собою довольно капитальное сооружение. Первые делают исключительно из досок и бревен, а вторые из лозы, соломы, земли и бревен — *паллів*. Разумеется, эти сооружения мыслимы только на тихих степных речках.

Напротив, мельницы исследуемого района располагаются по горным речкам, более или менее быстро текущим, запруживание которых совершенно невозможно, и поэтому естественно мельница должна располагаться в другом месте, вне русла речки. Ее мы находим в безопасном от разлива месте реки и в доступном для подъезда, в 2—6 м от берега. При таком расстоянии пользоваться водою непосредственно из речки нельзя. Воду проводят к мельнице по специальному каналу — *ривчаку*, выведенному из речки на 50—100 м выше мельницы. Такой способ проведения воды к мельнице вообще встречается в горных районах, а в степных лишь по быстро текущим речкам.

Наряду с вышеотмеченными двумя особенностями, следует указать на малый размер и вообще техническое убожество их, по сравнению с мельницами Украины, в частности Кубани, где сама постройка более капитальная и количество жерновов иногда доходит до 5—6, тогда как в исследуемом районе всегда один.\*

Народная сельско-хозяйственная метеорология или приметы о погоде, составляют неотъемлемую часть земледельческого быта. Зависимость полевых растений от атмосферных осадков, неизбежная гибель их от засухи, градобития, заморозков и порча ветром — побуждает земледельца внимательно следить за всеми явлениями окружающей природы, губительно или благотворно действующими на его надежду — хлеб. Пока научная метеорология не придет на помощь земледельцу, до тех пор он будет пытаться сам разгадывать тайны природы и давать им те или иные объяснения, иногда основанные на многолетних или многовековых наблюдениях

целого народа. Знания эти обычно концентрируются у наиболее активной части земледельцев.

Некоторые данные о таких народных наблюдениях над погодою нам удалось собрать среди украинцев-переселенцев. Их можно классифицировать по объектам наблюдения на четыре отдельные группы: а) наблюдения над самим человеком, вернее, над поведением его организма при тех или иных атмосферных изменениях; б) наблюдения над животными, главным образом, домашними, ближе стоящими к человеку и, быть может, сильнее реагирующими, вследствие своей одомашненности, на перемену температуры, барометрического давления, влажности воздуха, чем дикие животные; в) наблюдения над небесными светилами, и г) наблюдения над теми или иными явлениями атмосферы.

По наблюдениям украинцев-переселенцев, человек испытывает боль в костях, поврежденных ушибами, ранениями или пораженных ревматизмом; болят также кости у стариков к перемене погоды — к дождю, снегу, буре. Кроме того, сонливость и вялость организма — признаки скорого дождя или сильного ветра.

Наблюдения над животными носят чисто внешний характер. Так, например, рогатый скот перед дождем игриво и повышено настроен, бегаёт, *чмише* — фыркает; несколько спокойнее ведут себя лошади, но все же и они фыркают, и настроение их заметно повышенное. Свиньи перед дождем беспокойно кричат, а перед холодом собирают солому и несут на свой ночлег, выражая своим поведением и криком большое беспокойство. Гуси и утки перед дождем усиленно купаются, ныряют, поднимаются над водою и весело взмахивают крыльями, а накануне сильных морозов прячут *ніс* — клюв под крылья и стоят на одной ноге, меняя ее время от времени, спрятав другую в перья. Куры зимою, перед бураном невеселы — *ёжаця* и преждевременно идут на *сідало* в курятник.

Наблюдение над небесными планетами — солнцем и луною немногочисленны: 1) если солнце перед заходом садится в тучу, то на следующий день будет дождь; 2) на новолуние ждуть дождя — *молодик обмиваэця*; 3) если *рожки* — концы новорожденной луны стоят в *гору*, то будет хорошая погода в течение месяца, а если вниз, то дождливая, и 4) кольцеобразный круг, обрамляющий луну, обещает ветер.

Из наблюдений над атмосферою нам удалось зарегистрировать только одну приметку: если весною или летом утром росы нет, то днем быть дождю.

Следует заметить, что наблюдения украинцев-переселенцев над погодою немногочисленны по сравнению с тем, что нам пришлось встретить по этому же вопросу на Кубани. Объясняется ли это скептическим отношением некоторых сельчан к своим наблюдениям: *тепер ни всі вірять в приміти*, говорят старики, *забуваэця старовина*, или же новыми

физико-географическими, а вместе с этим и климатическими условиями: старый запас примет, принесенный украинцами в новый край, не нашел полного оправдания и применения, поэтому он частично забыт, а новых примет, отвечающих местным условиям, население еще не выработало.

В какой степени народные наблюдения научны, т. е. на основании одного явления, например, поведения животных, следует ожидать другого — дождя, в данном случае нас мало интересует; для нас важен факт существования этих народных знаний и их этнографическая особенность. Что касается последней, то все перечисленные приметы мы встречали у украинцев на Кубани, бытуют они и на Украине, но только в несколько иных вариациях.

Если луна *настане рогами в гору*,<sup>1</sup> то будет хорошая погода, если вниз — дождь, а зимою мороз (Проскуровский уезд); „кольца вокруг луны — к дождю“,<sup>2</sup> а у переселенцев — к ветру; „в конце месяца ожидают дождя“ (Винницкий уезд), а переселенцы — в начале и т. д. Точно так же по солнцу определяют погоду: например, Чубинский говорит: „во многих случаях солнце служит для народа указателем погоды“ — „если при восходе солнца верхняя часть его окружена облаками — в этот же день будет непременно дождь“,<sup>4</sup> а у переселенцев эти признаки относятся к заходу солнца и т. п.

К сожалению, народной метеорологии до сих пор уделялось мало внимания — этот вопрос народных знаний недостаточно исследован. Работа А. Ермолова — „Народная сельско-хозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах“ — почти не касается определения погоды по небесным светилам, животным и другим явлениям природы.

Земледельческие культы в возделывании полевых растений у многих народов примитивной культуры имеют большое психологическое и социальное значение по сие время. Первобытный земледелец не столько полагается на свой собственный труд, сколько верит в зависимость этого дела от сверхъестественных сил — от специально покровительствующего божества. У так называемых культурных народов эта сторона земледельческого быта почти утратила свое первоначальное значение, сделалась пережитком. Современный земледелец,

<sup>1</sup> П. П. Чубинский. Труды экспедиции в юго-зап. край. Т. I, стр. 11.

<sup>2</sup> Там же, стр. 11.

<sup>3</sup> Там же, стр. 10.

<sup>4</sup> Там же, стр. 7.

в нашем примере украинец, вооруженный знанием природы, почвы, климата, растений и знакомый с более совершенными техническими средствами, менее зависим в своем труде от тех или иных влияний природы. Но все же и он не свободен от мысли, что стихийные бедствия — засуха, градобития и пр., „посылает бог в наказание народу за его грехи“, поэтому принимаются соответствующие, культового или магического порядка, меры.

В исследуемом районе украинцы, в Юрьев день (23 апреля ст. ст.) *святят зерно*, предназначенное для посева — *утром коли зазвонять в церкву, то люди нисуть в вузелках пшеницю, овес, подсолнухи, диняче и кавуняче насіння*; затем все эти семена раскладывают на определенный столик в раскрытых узелках, после чего священник святит их. Освященные семена высыпают в заком, из которого берут зерно на посев.

Однако, начало посева к этому времени не приурочивается. Сев начинают обычно, сообразуясь с состоянием погоды, что случается то раньше Юрьева дня, то позже. Освящение зерна перед посевом — явление довольно распространенное в украинском земледелии, только в одних районах это производится в Юрьев день, а в других (Кубань), где посевы начинаются с осени, — 1 сентября, в день Симеона. Тот и другой день приурочен, с одной стороны, к сезону посева, а с другой — эти дни в прошлой жизни восточных славян были особо отмечены — 1 сентября был новый год, с которым и в настоящее время связан обряд „посевания“, а Юрьев день связан с представлением народа о св. Юрие, покровителе скота и земледелия. Кроме того, следует отметить еще один случай земледельческого культа, обычно совершаемого при участии духовенства — молебен в поле: *крестний ход в царину*.

Сговариваются со священником и рано утром собираются у церкви, берут иконы и *охристи* (хоругви); идут один день в одну сторону полей, а на другой в другую, совершая по полям крестный ход. Определенного дня для крестного хода нет, обычно делается это после окончания посевов. Крестный ход по полям — явление довольно распространенное не только в украинском земледелии, но и вообще в восточно-славянском.

Как первый, так и второй вышеприведенные культовые обряды совершаются не только с согласия церковной иерархии, но и при участии служителей церкви, что говорит за сравнительно позднее и быть может христианское происхождение этих культов. До революции они совершались регулярно, ежегодно, но в настоящее время почти во всех селах крестных ходов больше не совершают, хотя зерно некоторые еще святят.

Вследствие своей обыденности и сравнительно недавнего происхождения, крестный ход по полям и освящение семян для этнографа представляют второстепенный интерес, если только при этом не наблюдаются обряды более древние, ведущие нас вглубь дохристианской эры, например, катание священника по ниве (см. по этому вопросу статью Д. К. Зеленина „Східнословянські обряды качання й перекидання по зимлі“). Этнографічний вісник, кн. 5).

Обряда *катания* в исследуемом районе не удалось наблюдать, населению он как будто неизвестен. Хотя в то же время мы зарегистрировали

обряды обливания водою, вырывание „заложных“ покойников из могил, поливание могилы и покушение населения на колдунью.

Последние обряды имели место в трех соседних селах — Белом, Преображенском, Черноярковском и были вызваны одним и тем же явлением — засухой.

Эти села тщетно ждали втечение весны дождя на свои посевы. В горах, в 10—15 км, дожди проходили довольно часто, население слышало раскаты грома, видело дождевые тучи, которые, по выражению крестьян, *ходили кругом, а на их поля нешли*. У крестьян поэтому возникла мысль, что это не случайное явление, что это *божье наказание* и что в этом повинны в одном селе заложный покойник, в другом — колдунья, а в третьем ведьма и вспомнили старые обряды, которыми можно вызвать дождь.

Так, в первом случае в селе Преображенском, населенном великоруссами и украинцами, приблизительно в одинаковой пропорции, в день Ивана Купала, женщины отрыли „нечистого покойника“, повесившегося самоубийцу, выбросили труп в канаву, у кладбища, а в могилу лили ведрами воду.

Второй случай имел место в селе Черноярковском, населенном преимущественно татарами. Жители обвинили одну старуху в колдовстве, якобы, она, колдуя, „отводит“ от их посевов дождевые тучи; заявляли об этом в милицию и убеждали последнюю, что колдунью надо убить, так как она виновница отсутствия дождя. Убедившись в том, что милиция не только не желает убивать „колдунью“, но взяла ее под свою защиту, население, в лице отдельных граждан, являвшихся в волостной исполнительный комитет, требовало разрешения убить „колдунью“.

Третий случай был в селе Белом, населенном преимущественно украинцами с незначительной примесью великоруссов; жители этого села, чтобы вызвать дождь, в день Ивана Купала обливали друг друга из ведер водою и, кроме того, вынули крест из могилы умершей женщины, которую считали ведьмой; снесли его в речку, а на могилу носили ведрами воду из речки и вбивали колья в могилу для того, чтобы вода просочилась до трупа.

Вынули крест и вообще начали этот обряд три женщины с участием нескольких подростков-девочек, а затем уже носили воду почти все женщины, так, как того требует обряд, в противном случае, т. е. если не все женщины примут участие, дождя не будет.

Между прочим, ведьмой покойницу сочли за то, что она, будучи тяжело больной, накануне смерти бегала полураздетой по селу, что то бессвязно бормотала, а, умирая, в агонии, *щелкала* зубами; кроме того, она находилась довольно продолжительное время в состоянии агонии и, чтобы облегчить ее смерть, раскрыли потолок и земляную крышу.

Приведенный нами первый факт не является чем-то необычным в системе народных поверий — он относится к тому порядку случаев вырывания из могилы „нечистых“ заложных покойников и поливания их во время постигшей засухи, которые довольно распространены у восточных славян, и географически совпадают с районами, периодически страдающими от засухи, каковы в частности, юго-восток и южная Украина. Целый ряд этих фактов приведен Д. К. Зелениным.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Очерки русской мифологии. Вып. 1. Пг., 1916, стр. 67—76.

По народному убеждению такое бедствие, как засуха, в одних случаях посылает бог за грехи народа и, в частности, за закапывание заложных покойников — людей, умерших неестественной смертью, скончавшихся, часто в молодости, скоропостижною, несчастною или насильственной смертью.<sup>1</sup> Сюда же относятся „наложившие на себя руки“—самоубийцы, давленники, утопившиеся, а также и опойцы, колдуны, ведьмы, упыри. В общем „все люди, близко знавшие с нечистой силой и пользовавшиеся услугами этой нечистой силы... Эти покойники не чистые, недостойные уважения и обычного поминовения, а часто даже вредные и опасные“.<sup>2</sup>

На Украине, в Переяславском уезде Полтавской губ: „народ считает даже грехом упоминать их (самоубийц) в заупокойной молитве, не записывает их имен в „граматки“ (поминальницы), в уверенности, что душа самоубийцы уже погибла навеки, и сколько ни молились о ней, молитва не только не умоливает бога, а напротив прогневает его“.<sup>3</sup> Народ считает таких покойников нечистыми, земля их не принимает, они, будучи погребены, не гниют в ней.<sup>4</sup>

„Мать сыра земля“ по народному понятию, „чиста“ и ничего нечистого в себе не держит и не принимает. М а к с и м о в говорит: „По всеобщему верованию, самая стихия эта (земля) настолько свята и чиста, что не держит в себе ничего нечистого и в особенности враждебного людям“.<sup>5</sup>

Поэтому вырывание нечистых покойников и выбрасывание их вон из земли, как в приведенном нами случае, и затем обильное поливание могилы делается для того, чтобы вызвать дождь.

В других случаях виновниками засухи являются колдуны и ведьмы, которые по народному убеждению обладают силой „отводить, прогонять дождевые тучи“. Чтобы пресечь эти зловредные действия колдуньи, татары решили убить ее, а украинцы поливали могилу ведьмы, как „нечистого покойника“, желая тем вызвать дождь.

Это поливание могил,—говорит З е л е н и н,—тем естественнее и понятнее, что древнейшие магические вызывания дождя состоят именно в обливании водою всех людей, по основному закону первобытной магии:<sup>6</sup> „схожими действиями вызывать схожие явления“ (F r a s e r).

Законом первобытной магии объясняется приведенный нами случай обливания друг друга, имевший место в селе Белом и вообще довольно распространенный, по нашим наблюдениям, на юге Украины, на Кубани, в Ставропольской губ. и на Дону.

Характерно, что обливание друг друга, как равно и выкапывание „нечистых“ покойников и поливание их могил водой у украинцев и великоруссов

<sup>1</sup> Очерки русской мифологии, Вып. I. Пг., 1916, стр. 1.

<sup>2</sup> Там же, стр. 1—2.

<sup>3</sup> П. П. Ч у б и н с к и й. Труды экспед. в юго-зап. край. Т. IV, стр. 712.

<sup>4</sup> „В русском народе донныне удерживается суеверное убеждение, что колдуны, ведьмы, опойцы и вообще люди, предавшиеся злему духу, проклятые и отлученные от церкви, по смерти своей не гниют, что мать сыра земля не принимает их“. А. Н. А ф а н а с ь е в. Поэтическое воззрение славян на природу. Т. III, стр. 565.

<sup>5</sup> Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб, 1903, стр. 251.

<sup>6</sup> Очерки русской мифологии. Пг., 1916, стр. 81.

исследуемого района выполнялось женщинами; мужчины не принимали участия в этом обряде, тогда как у татар эта сторона быта прочно живет в мужской психологии. Это, между прочим, говорит за то, что у украинцев и великоруссов этот обряд угасает и что только в исключительных случаях его воскрешают женщины, а у татар он еще, очевидно, является живым, тесно связанным с бытом.

Наряду с древними, а также более поздними христианскими земледельческими культами, указывающими на беспомощность земледельца, на его психологическую зависимость от природы, прививаются новые взгляды, а вместе с ними культурное явление последних лет—праздник урожая, день урожая. Последний в исследуемом районе нам удалось встретить в селе Георгиевском, где день урожая праздновали в 1925 и 1926 г. первого октября. Праздник этот выразился в устройстве выставки. Земледельцы демонстрировали свои лучшие семена и скот. Весьма возможно, что это культурное явление прочно привьется в хозяйственном быту переселенцев и принесет хорошие результаты—создаст соревнование между земледельцами в получении со своих полей лучших продуктов, а также выращивание в хозяйствах породистого скота.

---

Поливное земледелие. Украина, родина переселенцев, поливного земледелия не знает. Почвенные и климатические условия этой страны обеспечивают произрастание полевых растений без искусственного их полива, но в Казакстане, в некоторых его районах, при незначительном количестве атмосферных осадков, довольно часто полевые растения страдают от недостатка влаги, вследствие чего земледелец вынужден прибегать к орошению. Для украинцев-переселенцев поливное земледелие было совершенно незнакомо, и только жестокая необходимость побудила некоторые поселки усвоить технику орошения.

Ниже будем говорить о поливном земледелии села Георгиевского, где мы исследовали этот вопрос.

Терминология и функциональное значение отдельных оросительных сооружений. Главную магистраль—канал оросительной системы, по которой из реки выводят воду и проводят ее по орошаемой территории, украинцы, как и великоруссы, татары и казаки, называют арыком,

а ту его часть, которая начинается у реки,—*головой*. В оросительной системе, кроме главного канала, существует целый ряд подсобных, так называемых *отног*, отводящих воду из арыка к полям, и *борозн*—борозд, выводящих ее из *отног* на посевы.

Таким образом, вся ирригационная система, как по терминологии, так и по своему функциональному значению состоит из трех типов: арыка, *отноги* и *борозни*.

История вопроса. Георгиевцы (село Георгиевское), испытав в 1899—1901 г. недород и побывав на заработках в районах Кокпекты и Семиречья (Джетысу), познакомились там с поливным делом у своих же земляков украинцев, которые, по их словам, хорошо его усвоили.

Семиреченские украинцы спрашивали у георгиевцев: *чого це ви приїхали за п'ятьсот верст купувати хліба.*

— *Та в нас голод—хліб ни роде.*

— *А річка у вас є.*

— *Та є.*

— *Так це ви хлопці нивміїти хліба робить. Поїдимо до нас (на поле) та ми вам покажем як хліб роблять.*

Семиреченцы показали георгиевцам свои нивы, устройство оросительной системы и рассказали, как они пользуются водой и т. п.

В результате, георгиевцы ознакомились с поливным земледелием. Одни узнали это в Семиречьи, другие в Кокпекты. После этого идея сооружения оросительной системы в селе Георгиевском вполне оформилась. На другой же год (1902) после посещения Семиречья, население решило провести арык и ассигновало для этой работы 1.200 руб. общественных денег.

Сооружение канала носило спешный характер. Чтобы ускорить работу, георгиевцы часть ее сдали подрядчику, предоставив ему возможность нанимать рабочих для этой цели, обязав его закончить постройку в течение полутора месяца; другую же часть—проведение *отног*—вспомогательных каналов и *борозн*, они путем общественной повинности выполнили сами. Работы начались 1 апреля и к 15 мая были закончены. Главный канал построен длиной около 14 км. Вода проведена из речки Чар. *Отноги* имеют длину от 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> до 2 км и *борозни* до 240 м.

Сооружением этой системы георгиевцы оросили до 330 га пашни и, кроме того, провели воду в село на огороды, которые

раньше георгиевцы поливали руками. Поливка огородов из ведер, обычное явление в украинском хозяйстве, была облегчена поливной системой.

Однако, начатки поливного дела недолго удержались в хозяйстве георгиевцев. Они поливали свои поля только три года, а затем забросили орошение, так как наступил период более дождливых лет, обеспечивших урожай хлеба и без него. Но в 1918 г. георгиевцы снова были вынуждены вернуться к поливному земледелию; их побудил к этому неурожай 1917 г. Восстановили старый канал и, кроме того, собственными силами провели еще три небольших, так называемых, групповых арыка, т. е. сооруженных отдельными группами хозяев,—один длиной в 2,5 км, другой в 3 км, третий в 4,5 км.

В 1924 г. общество решило расширить площадь орошения и прорыло новый большой канал длиной в 20 км. Этим дополнительным сооружением георгиевцы обеспечили орошение всех своих земельных угодий. Таким образом, в настоящее время село Георгиевское имеет 44 км главной ирригационной магистрали.

Организация и техника сооружения оросительной системы. Проведение первого арыка, как мы заметили выше, было поручено подрядчику казаку (сибирского казачьего войска), жителю Кокпекты, который практически овладел техникой сооружения оросительной системы у себя на полях. Но сооружение трех небольших арыков и затем последнего большого георгиевцы произвели сами под руководством своего односельчанина, который довольно примитивным способом измерял рельеф местности и давал направление арыку.

Инструментом для определения уклона местности служил обычный плотничий *уровень*, устроенный на двухаршинной линейке, укрепленной на специальной треноге. Несмотря на примитивность прибора, нивелировка орошаемой местности была настолько удачно произведена, что вода по всему арыку на протяжении 20 км шла равномерно. В вознаграждение за его труды, крестьянин-гидротехник был освобожден от работы по рытью арыка.

Работы по сооружению большого арыка производились путем общей трудовой повинности всех сельчан, занимающихся земледелием, причем работа распределялась по едокам: на каждого едока приходилось 30 м длины арыка. Весь арык был

распределен между хозяевами и каждый из них знал, где и сколько он должен сработать.

Рытье *отног* производили сами хозяева; каждый из них рыл ту часть, которая идет мимо его поля. Если ширина поля равнялась 40 м, то владелец его рыл *отногу* на протяжении этих 40 м.

Проводка *борозн* по полям—личное дело каждого хозяина. Он роет их, сколько найдет необходимым. Но *борозну*, идущую по меже двух соседних полей, принадлежащих разным хозяевам, считают коллективной, и поэтому соседи роют ее сообща, или делят пополам; тогда каждый роет свою половину.

Техника выемки земли упрощается и облегчается применением плуга и лошадиной рабочей силы. Место, по которому намечена проводка арыка, вспахивается плугом глубиной до 18 см, затем рабочие лопатами выбрасывают вспаханную землю на обе стороны и снова то же место пашут и также выбрасывают землю, в результате чего образуется углубление от 35 до 40 см. Если есть возможность и необходимость еще углубить русло арыка, то пашут третий раз. Для *отног* достаточно двух вспашек. После работы плугом дно и стенки арыка или *отноги* подчищают лопатами, придают лучший вид углублению и где нужно подкапывают.

Работа по проведению *борозн* выполняется несколько иначе, так как поливная техника требует, чтобы русло *борозни* было на одном уровне с поверхностью нивы, вследствие чего *борозни* не углубляют, как арык и *отногу*, а при помощи того же плуга делают гребень—пропахивают одну *борозну*, а затем с противоположной стороны обратным движением пашут другие. В результате, из выброшенной плугом земли образуется гребень с желобком посередине. Этот желобок и представляет собою *борозну*.

Глубина арыка довольно значительно колеблется. В одних местах она не превышает 35 см, в других же достигает до 70 см, но ширина постоянная—около двух метров. *Отнога*, естественно, несколько меньше по своим размерам: ширина ее около полутора метра, а глубина в среднем 30—35 см. Что же касается *борозн*, то они меньше *отног*: так, глубина их колеблется в пределах 15—20 см, а ширина равна 30—40 см.

Наиболее сложной частью работы по сооружению оросительной системы население считает выбор того места реки,

откуда нужно взять воду и умение дать правильное направление арыку. Второстепенным делом является проведение *отног*. *Отноги* расположены правильными полосами на одном и том же расстоянии, которое, между прочим, определяется порядком и техникой распределения земель между населением. Еще более простым делом считается проведение *борозн*. Последние выполняет, как мы уже сказали, сам хозяин. Направление *борозн* хорошо известно каждому хозяину — они лежат вдоль нивы, строго параллельно одна другой. Единственным затруднением, могущим возникнуть перед каждым земледельцем, является вопрос, какое количество *борозн* следует сделать на том или ином поле, чтобы равномерно и в кратчайший срок залить посев. В этом случае владелец поля должен учесть рельеф своих нив. Если он ровный и слегка покатый в одну сторону, то на площадке в  $40 \times 240$  м проводят три *борозни* — этого достаточно для того, чтобы равномерно залить посев. Но при отсутствии покатости и наличии хотя бы незначительной неровности рельефа нивы, их проводят большее количество. Иногда их проводят через каждые 6—8 м.

Техника выведения воды из реки и затем распространения ее по полям основана на принципе устремления водной массы по наклонной поверхности и ее напора. Последнее имеет значение при проведении воды из арыка в более мелкие *отноги*, а из последних в *борозни* и на посев. Вследствие напора массы воды, идущей по арыку, она попадает в *отноги*, уровень русла которых несколько выше русла арыка. Под влиянием того же действия, вода из *отног* идет в *борозни*, русло которых находится на уровне поверхности почвы. Таким образом, вода, идущая по руслу арыка, ниже поверхности почвы примерно на 36—70 см, в *отногах* уже подымается ближе к поверхности, а именно до 30—35 см, при переходе в *борозни* она еще поднимается и этим постепенным поднятием достигает поверхности нивы, где по инерции вода продолжает течь в сторону уклона почвы, разливаясь по ниве довольно равномерной волной и просачиваясь в почву.

По арыку вода идет постоянно, даже в том случае, если ею не пользуются, не берут на посевы. Она, выйдя из реки в *голове* арыка, совершив двадцатикилометровый путь, снова попадает через его конец в реку. Чтобы взять воду из арыка, открывают *гатку отноги*, разрывают лопатой временно на-

сыпанную землю в русло *отноги* у самой стенки арыка, после чего вода устремляется по *отноге*. Если воды в арыке много, то открывают 2—4 *отноги* одновременно и, чтобы взять всю воду, у последней по течению *отноги*, перегораживают русло арыка. Для этого существуют довольно простые приспособления. По обеим сторонам русла вкапывают два столба, к которым прикладывают доски—*плахи*—и к ним со стороны течения бросают солому на землю, создавая таким образом плотину. Иногда вместо досок употребляют плетень. Кроме вышеуказанного способа перегораживания арыка, довольно часто применяют другой—въезжают телегой в арык, перегораживают его поперек, к колесам кладут доски или плетень, засыпают землей и соломой, как в предыдущем случае. Это способы полного перегораживания, но иногда делают частичное. К последнему прибегают в тех случаях, когда в *отногу* идет мало воды; чтобы усилить ее приток, искусственно задерживают течение в арыке, перегораживают его одной доской, поставив ее ребром с таким расчетом, чтобы она погрузилась в воду, а концы ее упирались в стенки арыка.

Чтобы провести воду из *отноги* в борозну, открывают *гатку*, т. е. выбрасывают землю из русла *борозни*, которой оно было завалено у *отноги*. Одновременно открывают несколько *борозн*. Из *борозни* воду пускают на посев, для этого открывают *кромку*—раскапывают стенку *борозни* и делают *кулак*—ниже *кромки* кладут в русло *борозни* сноп соломы и засыпают его землей, преграждая этим течение воды по *борозни* и направляют через *кромку* на посев.

Открыв *кромку* и сделав *кулак* у начала *борозни*, поливают часть нивы, прилегающую к *отноге*. Если уклон нивы незначительный, то, залив ее на протяжении 20—25 м, открывают *кулак*, закрывают *кромку* и пускают воду дальше по *борозни*, примерно до того места, куда дошла вода по ниве, и снова открывают *кромку* и делают *кулак*, пропускают воду на посев. Если нива имеет более покатый уклон и вода, пущенная через первую *кромку*, зальет, вместо 20—25, метров 40—50, то вторую *кромку* открывают дальше от первой, чем в предыдущем случае. Если расстояние между бороздами равно 10 м, то в первом случае заливают площадь в 10×20 или 10×25 м, а во втором в 10×40 или 10×50 м. Таким образом, рабочий, пропуская воду по *борозни*, открывая *кромки* и делая *кулаки*,

заливает площадь за площадью, пока не дойдет до конца нивы затем он закрывает *борозну*, делает *гатку* и переходит к следующей *борозні*, повторяя то же самое.

В целях полного использования водных запасов, поливку производят круглые сутки. Ночью, вследствие темноты, техника поливки несколько упрощается. Открывают только одну *кромку* в начале *борозни* и через нее заливают всю нису на протяжении 240 м. На это иногда уходит несколько часов ночного времени. Рабочий, свободный в это время, ложится отдыхать или спать, выбирая обычно для отдыха противоположный конец нивы. Чтобы во время проснуться, рабочий снимает обувь и ложится ногами по направлению к воде, занимая такое положение, что докатившаяся вода смачивает ему прежде всего ноги, отчего он просыпается и осматривает ниву. Если вода дошла до конца, то рабочий идет к *голове борозни*, делает *гатку* и переводит воду в следующую *борозну*.

Такой способ заливания нивы через одну *кромку* применяется лишь в тех случаях, когда нива имеет один постепенный покат. В случае же неровности рельефа, этот способ приведет к нежелательному скоплению воды в более низменных местах и, напротив, к недостаточному увлажнению почвы в возвышенных. Поэтому, в таких случаях рабочий, открыв первую *кромку*, ложится, как выше было сказано, в таком месте, куда вода дойдет без особых задержек. Затем, рабочий просыпается и делает вторую *кромку*, поступая так до тех пор, пока не зальет всю ниву.

В вопросе насыщения почвы водою у георгиевцев уже более или менее установилась пропорция и, по отношению к различным полевым культурам, разная. Лен и овес из всех полевых злаков считаются самими водолюбивыми, не боящимися большого количества воды. Но остальные полевые культуры—пшеница, ячмень, подсолнечник и особенно просо, требуют осторожной поливки, так как обильно смоченная почва оседает, уплотняется, затем быстро высыхает и растрескивается отчего посевы сильно страдают. Поэтому, такие щепетильные посевы стараются залить одним покатом воды— как только вода докатилась до противоположной *борозни*, *кромку* закрывают и через 10—15 м делают другую, поступая так же, как и в предыдущем случае.

По времени у георгиевцев установилось четыре лучших периода поливки: первая ранняя весенняя, когда перед посевом

хорошо поливают ниву, дают ей немного *протряхнуть*, просохнуть и затем пашут и сеют; вторая—когда хлеб начинает куститься; третья—накануне колошения, когда колоски уже *завязались*, но еще не вышли из стеблей и четвертая— в период цветения—*красування* полевых растений.

Пользование водою. Первые годы пользовались водою согласно постановления сельского общества, по которому на каждую казенную десятину поливаемой земли полагалось два часа пользоваться *отногой*—брать из нее воду. Особых лиц для регулирования пользования арыком не было. Крестьяне сами сговаривались и устанавливали очередь, строго ее соблюдая. С введением советской власти, нормирование или, вернее, наблюдение за пользованием водою было возложено на председателя сельского совета, хотя фактически порядок оставался тот же, что и раньше. Но с расширением ирригационной сети, усложнилось пользование водою, и существовавший порядок самообслуживания уже не удовлетворял требованиям поливного хозяйства, поэтому в 1927 г. население избрало *арычного* старосту на весь сезон с содержанием 40 рублей в месяц; он обязан следить за исправностью оросительной системы, вести очередь пользования водою и т. п. Для содержания старосты, георгиевцы ввели обложение; взимают с каждой поливной десятины 17 коп.

Обязанности *арычного* старосты, порядок их выполнения и меры взыскания за упущения, георгиевское сельское общество формулировало в нижеприводимой инструкции.

#### Инструкция арычному старосте.

- § 1. Следить за целостью и исправностью арыков и отног.
- § 2. Правильно распределять воду согласно постановления общего собрания.
- § 3. Воду давать только уполномоченным группы.

Примечание 1. Арычный староста должен предупредить уполномоченного группы дня за 2—3 о том, что он может получить очередную воду.

Примечание 2. В случае неявки уполномоченного очередной группы за водой, арычный староста ее может передать другой группе и отодвинуть (перенести) группу неявившегося уполномоченного в последнюю очередь.

§ 4. Следить за исправностью шлюзов (гатов), предупреждать уполномоченных группы о том, чтобы они своевременно закрывали и исправляли шлюзы. На уполномоченного, не обращающего внимания на предупреждения старосты, налагать штраф в пользу общества в сумме 10 рублей.

§ 5. За неправильное распределение воды: по дружбе, родству или другим случаям, налагать на старосту штраф в размере 25 рублей за первый случай, а за повторное нарушение сумму штрафа увеличивать в два раза.

§ 6. Следить за арыками весь сезон полива и находиться на месте работ ежедневно.

§ 7. Следить за хищением воды и во что бы то ни стало находить виновного. Иначе за хищение отвечает староста.

§ 8. За ненадобностью воды для полива, пускать ее по арыку в спуск.

§ 9. На неподчиняющихся распоряжениям старосты он должен доносить в сельский совет.

Документ сам по себе довольно краткий, но в достаточной мере определяющий обязанности, права и ответственность *арычного* старосты.

Кроме старосты, ведающего распределением воды, общество ввело институт уполномоченных групп или, как их чаще называют, *старших отноги*. Уполномоченный группы обычно избирается на сезон группой хозяев, которые пользуются водою из одной *отноги*. Таких уполномоченных во всем селе около 90 человек, число, равное количеству *отног*. Таким образом, *арычный* староста в своей работе имеет дело только со старшими *отноги*, как говорит инструкция, что значительно облегчает и упрощает его работу.

Уполномоченные несут свои обязанности безвозмездно. В будущем эта выборная должность, по всей вероятности, примет характер повинности, которую будут нести хозяева групп по очереди. Все группы таких хозяев, объединенных *отногой*, носят свою нумерацию, которая тождественна порядковой нумерации *отног*.

Существовавший раньше принцип пользования водой, выражавшийся в формуле: 2 часа на 1 гектар, теперь, в целях более справедливого распределения воды, заменен новым—воду получают не по числу гектаров, а по количеству едоков. Нормально на едока причитается 15 минут, но по отношению к некоторым группам эта норма повышается до 30 минут. Объясняется это тем, что угодия этих групп располагаются в таком месте, куда вода идет значительно медленнее, и поэтому такое медленное течение воды компенсируется временем.

Замена существовавшего принципа новым — распределения воды по едокам, объясняется системой землепользования, заключающейся в том, что вся земля в селе Георгиевском разделена по качеству на три категории и что население наделяется по едокам. В результате, одни получают меньшее коли-

чество гектаров земли, но лучшей по качеству; таким образом домохозяева, имеющие равное количество едоков, наделенные землей разных категорий, будут иметь неодинаковое количество гектаров. Вследствие этого, по старому принципу пользования водой, эти домохозяева получали бы воду не в одинаковом количестве, что с точки зрения георгиевцев недопустимо. Получение воды по едокам население считает более целесообразным.

Новая норма воды (15 минут на едока) значительно меньше существовавшей ранее (2 часа на 1 гектар), так как земли причитается на едока I категории — 1 гектар, II категории —  $1\frac{1}{4}$  гектара и III категории —  $1\frac{1}{2}$  гектара. Следовательно, прежняя норма воды уменьшена минимум в 4 раза. Такое понижение нормы воды вызвано исключительно повышением спроса на нее. Наряду с нормированным пользованием водою существует и свободное, но оно ограничивается коротким временем — свободно пользуются водою только до окончания посева. Обусловливается это тем, что спрос на воду в это время невелик, а воды ранней весной обычно бывает много, и она все равно без всякой пользы уходит. Но, как только закончатся посева, на получение воды устанавливается очередь которая весь сезон строго соблюдается.

Начинают давать воду группам, расположенным в конце арыка. Пускают воду по последним *отногам*. Удовлетворив группу хозяев одной *отноги*, пускают воду в следующую по порядку, постепенно подвигаясь к *голове* арыка. Точно также поступают и в группах — воду ведут до конца *отноги* и дают ее крайнему хозяину, затем его соседу и так подвигаются по *отноге* назад. Удовлетворив последнего, земля которого находится у самого арыка, *отногу* закрывают, и воду берет следующая *отнога*. Уполномоченный этой *отноги* предупреждается *арычным* старостой, как говорится в инструкции, дня за 2—3, чтобы он, в свою очередь, мог оповестить свою группу и выяснить, кто будет поливать в эту очередь, и на сколько едоков он берет воду. Подсчитав общее количество времени в часах, потребное для группы, уполномоченный сообщает эти сведения старосте, который точно указывает час начала и конца поливки. Иногда это время определяется сутками, двумя.

Хозяева группы, изъявившие желание поливать, выезжают к *отноге* в установленный час и сообща проводят воду в самый

ее конец. Старший *относи* говорит, что сейчас воду берет такой-то и в течение стольких-то часов; затем открывает *борзни* его сосед, внимательно следящий за временем, чтобы не упустить лишних даже 5—10 минут своей воды соседу. При таком ограничении пользования водой, бывают довольно частые случаи, когда тот или иной хозяин не успевает еще залить свою ниву, как у него отбирают воду. Поэтому каждый хозяин должен строго учесть время, предоставленное ему на поливку, и соразмерить его с той площадью, которую он предполагал залить.

В сезон 1927 года успели пропустить семь очередей, но каждый хозяин успел полить свой посев не более двух раз. Хозяева, почему-либо пропустившие очередь, теряют право на получение этого пайка воды в следующую очередь. Таким образом, в каждую очередь хозяин поливает только часть своего посева. В первую очередь он поливает наиболее ценные для него посевы—пшеницы, а затем уже овес и прочее. Некоторые хозяева поливают залежи, чтобы хорошо росли съедобные для скота сорняки, например, овсюг. Одним словом, хозяин распоряжается водою по своему личному усмотрению, сообразуясь с состоянием того или иного посева и его хозяйственной ценностью.

Несмотря на сравнительно большую ирригационную сеть, георгиевцы ощущают недостаток воды и особенно в тот период сезона (июль месяц), когда посевы больше всего нуждаются в поливке. Причина этого — недостаток воды в реке Чар, воду из которой, между прочим, берут не только георгиевцы, но и другие населенные пункты.

Увеличение спроса на воду повысило хозяйственную ее ценность в глазах населения, а невозможность удовлетворить повышенную потребность законным порядком привела, как всегда в таких случаях, к хищению ее. Вследствие чего общество принимает те или иные меры против нарушителей порядка. При отсутствии специального государственного законодательства по этому вопросу, оно естественно само устанавливает те или иные меры борьбы с этим преступлением.

В таких случаях наблюдается наиболее примитивная форма народного суда — самосуд. До прошлого года георгиевцы с лицами, самовольно бравшими воду, расправлялись путем самосуда: установив факт кражи воды, брали виновника

вели к арыку, клали его на землю, затем брали одни за ноги, другие за голову и в одежде опускали в воду, а, вынув из арыка, всего вымазывали грязью. Этим самосуд кончался.

В 1927 году георгиевцы решают привлекать виновных к ответственности через суд. По этому поводу мы читаем в протоколе сельского совета от 8 мая 1927 года, за № 10: „Граждан, кои учинят хищение воды, привлечь к судебной ответственности; поручить председателю сельского совета составлять материал и направлять дело в суд“. Однако, в том же протоколе говорится: „Граждане, которые учинили хищение воды, в первую очередь их лишить пользования водою, хотя бы они и не залили своей пашни во время хищения“. Как из последнего, так и из нижеследующего видно, что георгиевцы, передавая дело о хищении воды суду, в то же время принимают свои меры, вплоть до наложения взыскания. Так, например, в протоколе того же совета от 22 мая 1927 года, за № 11 имеется решение о наложении штрафа на виновников хищения воды в размере 25 руб.

В сезон 1927 года было пять случаев привлечения к судебной ответственности за хищение воды. Дела разбирались в народном суде, и все привлекавшиеся к ответственности приговорены к принудительным работам на сроки от 7 до 10 суток. Меры, предлагаемые обществом, наложение штрафа, не нашли практического применения, так как совершившие кражу все были бедняки, следовательно, взимать денежный штраф с них было невозможно.

Как ни ново в хозяйственном быту поливное земледелие, украинцы-переселенцы усвоили не только технику сооружения оросительной системы, но выработали нормы, создали правила и организацию, регулирующие пользование водою, а также установили меры взыскания за хищение воды и, наконец, приобрели навык в насыщении водою почвы.

Поливное земледелие у украинцев-переселенцев исследуемого района распространено далеко не повсеместно. Оно имеется лишь в селах и поселках, расположенных по реке Чар. В других же местах, имеющих мелководные, летом почти высыхающие, реки, поливное дело не развилось, хотя население на примере георгиевцев и других убедилось в большом хозяйственном значении орошения. Недостаток речной воды, очевидно, надолго затормозит это дело. Хотя во многих селах

и поселках есть возможность сооружения больших запруд, при помощи которых сравнительно легко можно собрать и удержать весною воду и затем в нужное время использовать ее для орошения полей, но это дело требует вложения больших средств и привлечения высоко квалифицированных работников ирригационного дела. Как первое, так и второе местному населению пока не по силам. Но идея сооружения таких запруд наиболее передовой частью населения уже усвоена. Об этом говорят, как о вполне возможном деле, были бы только средства. Поэтому вопрос использования водных богатств края для орошения полей, по нашему мнению, становится очередным делом не только самого населения, но и хозяйственных органов Семипалатинской губ. Чтобы этот вопрос сделать вполне жизненным, следует заинтересовать и привлечь к делу крестьян путем организации мелиоративных товариществ и снабдить их долгосрочными кредитами.

Подводя итог земледелию украинцев-переселенцев, следует отметить, что в процессе приспособления к новым физико-географическим и культурно-экономическим условиям, они заменили старую земледельческую технику более совершенной фабрично-заводской. Почву, как мы выше сказали, пахут только железными плугами, плужницами и буккерами; сеют в большинстве случаев сеялками, но заделку семян производят боронами кустарного приготовления; убирают хлеб исключительно жнейками, но молотят каменными катками кустарного изготовления; веют веялками фабричного или кустарного изготовления. Такое чередование фабрично-заводской техники с кустарной объясняется, как мы уже отмечали выше, дешевизной крестьянских борон и катков и, в то же время, сравнительно высокой пригодностью их в земледельческом деле. При этом следует сказать, как в подборе земледельческих орудий и машин, так и в приемах пользования ими, украинцы-переселенцы почти ничем не отличаются от своих одноплеменников тавричан, херсонцев, донцов (юго-западная часть бывшей Донской обл.) и кубанцев, но сильно рознятся от других районов Украины, где еще жнут хлеб серпом или косят косою, вяжут в снопы и молотят, в большинстве случаев, цепями. В общем, по отношению к земледелию украинцев-переселенцев приме-

нима характеристика *Постникова*, данная им сельскому хозяйству тавричан: „Вместе с распространением машин... сложились и те особенности в приемах местного крестьянского земледелия, которые придают хозяйству тавричанина особую физиономию: большое употребление улучшенного инвентаря; преобладание буккерной вспашки; отсутствие сноповой вязки хлеба, который скашивается в большинстве случаев машиной, и одновременная возка и молотба хлеба без кладки его в скирды“.<sup>1</sup>

Одинаковому ходу развития земледельческой техники на юге Украины и у переселенцев способствовали не только аналогичные экономические условия, но и связь переселенцев со своей родиной, куда многие из них, время от времени, приезжают к своим близким и знакомым погостить. Но так как в исследуемом районе преобладают южане, главным образом тавричане, которые, по выражению *Коншина*, „задают тон жизни (в поселке Георгиевском), а типичные хохлы в белых свитах и громадных сапогах, полтавцы и харьковцы, перед ними пасуют“,<sup>2</sup> то станет более понятным влияние южной Украины на свои колонии.

Залежная система полеводства, отличная от господствующего на Украине трехполья, естественно возникшая в казак-станских условиях при наличии свободных земель дает возможность оставлять землю под залежь.

Что касается видов и сортов полевых растений, то украинцы-переселенцы в первые годы приобретали семена у местного старожильческого населения и лишь немногие привезли с собой по несколько килограммов своей пшеницы—*полтавки*, которая, как мы выше видели, преобладает теперь не только на полях украинцев, но встречается и у великоруссов и казаков. Заменины местные сорта ячменя, овса, подсолнечника и т. п. Переселенцы прилагают все меры к улучшению видов полевых растений: отбирают лучшие семена и т. д.

Ухаживая за полевыми растениями и особенно за пропашными, переселенцы изобрели *стругачку* — орудие для пропалывания междурядий подсолнечника и бахчи, что значительно облегчило труд земледельца, и, наконец, усвоили технику орошения.

<sup>1</sup> Южно-русское крестьянское хозяйство, стр. 6.

<sup>2</sup> Памятная книжка Семипалат. обл. на 1899 г. Пересел. поселки в Усть-Каменог. у., стр. 33.

Несмотря на сравнительно короткий период пребывания в Казакстане, украинцы-переселенцы оказали влияние на своих соседей, великоруссов и казаков, в отношении повышения техники земледелия. Старожилы-великоруссы теперь переходят к машинной уборке хлеба, к молотье катками и посеву *полтавки*. Казаки заменили свою соху плугом; кроме того, за последние годы в некоторых хозяйствах появились сенокосилки, конные грабли, лобогрейки, молотильные катки и веялки. Наличие этих культурно-хозяйственных взаимоотношений между украинским населением, с одной стороны, и коренным великорусским и казакским — с другой, внушает уверенность в дальнейшем культурном сотрудничестве этих народов и в создании единой, наиболее приспособленной для этого района земледельческой техники.

---

## СКОТОВОДЧЕСКИЙ БЫТ УКРАИНЦЕВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЮЖНОЙ ЧАСТИ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ГУБЕРНИИ

**А. С. Бежкович**

Источником для предлагаемой работы послужили, главным образом, материалы, собранные нами летом 1927 года в южной части Семипалатинской губернии во время работ в составе Казакстанской экспедиции Академии Наук СССР. Литературные источники были использованы лишь частично. О последних следует заметить, что по интересующему нас вопросу для исследованного нами района они отсутствуют. Что же касается украинского скотоводства вообще, то в этнографической литературе ему также мало уделялось внимания. У Ф. К. Волкова,<sup>1</sup> давшего общую сводку всему украинскому этнографическому материалу в своей статье „Этнографические особенности украинского народа“ из 193 страниц, скотоводству уделено всего 4 с лишним страницы и то преимущественно гуцульскому. Подробно этот вопрос в этнографической литературе не разработан, и тем труднее проведение параллелей между скотоводческим бытом украинцев на Украине, с одной стороны, и украинцев-переселенцев в Казакстане—с другой.

Как это ни странно, но этнография уделяла больше внимания сказкам, пословицам, песням, свадебным, похоронным и прочим обрядам, совершенно оставляя в стороне наиболее важный вопрос быта—занятия. Между тем, занятия являются способами добывания пищи, древнейшими элементами культуры, и изучение их может раскрыть много интересного, проливающего свет на далекое прошлое народа; в то же время оно может дать много поучительного для понимания настоящего и перспектив будущего.

---

<sup>1</sup> Украинский народ. Т. II, 1916, стр. 463—467.

Скотоводческий быт украинцев, как равно и других народов, слагался под влиянием следующих факторов: физико-географических условий—климата, почвы, растительного и животного мира; наличных (свободных) земельных угодий, пригодных для лугов и выпаса скота; культурной традиции, воспринятой от предыдущих поколений в виде скотоводческого хозяйства и навыков ведения его; народного творчества, направленного на улучшение скотоводческого хозяйства; экономических условий — форм хозяйства, условий сбыта, и культурно-экономического влияния соседей. Трудно сказать, какой из вышеперечисленных факторов имеет решающее значение в развитии украинского скотоводства; вероятнее всего, что участие их более или менее равноценно. Вне этого комплекса скотоводческая культура немыслима; выпадение одного из них нарушает естественный ход ее развития.

Под словами скотоводческий быт мы условимся понимать сложный комплекс народного скотоводческого хозяйства: виды и породы разводимых домашних животных, замену одних другими, народные способы улучшения породы, выбор производителя, случку, метизацию и степень оценки тех или иных качеств домашних животных; уход и выращивание домашних животных, кастрацию, лечение; технику летнего и зимнего содержания скота—наем пастуха, выпас и кормление; способ заготовки корма на зиму; хозяйственное использование домашних животных—рабочий скот, его обучение и использование, молочное хозяйство, собирание шерсти и т. п.; распределение труда между членами семьи по уходу за животными; терминологию возрастных, половых и иных групп скота; скотоводческие культы; знаки собственности—клейма и тавра.

## Глава I.

Виды и породы домашних животных.— Цель разведения домашних животных.— Метизация.— Выбор и содержание производителя.— Уход за матками и молодью.— Кастрация.— Клички домашнего скота.— Терминология.— Знаки собственности — клейма и тавра.

Украинцы вообще по роду занятий прежде всего земледельцы, а потом уже скотоводы; но в условиях казакстанского земельного простора и при отсутствии в первые годы после переселения хорошего сбыта земледельческих продуктов,

переселенцы-украинцы уделяли большое внимание скотоводству: рогатый скот и овцы являлись главным рыночным продуктом, который они сбывали.

Переселившись без своего любимого серого украинского скота, украинцы сейчас же обзавелись местными породами домашних животных; более состоятельные хозяева приобретали скот целыми партиями в 10—20 голов у казаков и реже у местных крестьян-великоруссов (последние дороже продавали). Большие пастбищные и сенокосные угодия благоприятствовали широкому размаху скотоводческого хозяйства, а стремление колонистов к наживе стимулировало его. Один из таких скотоводов рассказывал, как, осмотревшись кругом и учтя местные рыночные и природные условия, он пришел к выводу, что *хлібом тут ниразбогатієш, а треба скотину плодити*. Закупив скот у казаков, начав разводить его, он вскоре пришел к другому выводу: *коли скотину плодити, то треба на неї сіно дбати, а косяю, та косарями багато нисобрієш*. Он отправился в г. Семипалатинск и приобрел (в кредит) сенокосилку, которая обеспечила ему быструю, своевременную и в то же время недорогую заготовку сена. Теперь сенокосилка и конные грабли являются наиболее ценным инвентарем в хозяйстве переселенцев.

В настоящее время украинцы исследуемого нами района разводят те же виды домашнего скота, что и на Украине: лошадей, крупный рогатый скот, овец, значительно реже коз и непременно свиней; изредка встречается новый для украинцев вид домашнего скота—верблюды. На первом месте в украинском хозяйстве стоят лошади, крупный рогатый скот, а из мелкого—свиньи, которые имеются в каждом хозяйстве. Овцеводство тоже является необходимой составной частью украинского хозяйства, но все же мы встречали хозяйства и не имевшие овец. Козеводство и верблюдоводство занимают последнее место в украинском скотоводстве—встречаются лишь у немногих хозяев.

Что касается пород разводимых домашних животных, то они теперь довольно сильно смешаны. Так, например, лошади в первые годы после переселения были киргизской породы, но в настоящее время частично облагорожены донскими, воронежскими и другими. Крупный рогатый скот—смешанный: калмыцкой и киргизской породы, но в сильной степени обла-

горожен симентальской, холмогорской и немецкой кровью. Овцы, под влиянием старательного отбора и метизации киргизской курдючной овцы с русской, образовали особую, метизованную породу. Свиньи—простой крестьянской породы. О породе верблюдов и коз трудно сказать что-либо определенное, так как эти виды домашних животных очень редки и случайны для украинских хозяйств: верблюд—чаще двугорбый, а коза—местная.

Цели разведения домашних животных у всех народов, в общем, сводятся к одному и тому же: получить продукты питания (молоко, мясо), иметь рабочую силу, шерсть, кожу, топливо, а в интенсивном земледелии еще и навоз. Но утилизация различных видов животных отличается и зависит от системы хозяйства и культурных традиций. Так, например, лошадь для украинца только рабочее животное, а у казака оно молочное, мясное и потом уже рабочее.

Земледельческо-скотоводческое хозяйство украинцев и сравнительно высокая товарность его определяют собою цель разведения домашних животных и дифференцируют пользование им. Лошадей разводят исключительно как рабочий скот и реже как рыночный. С этой точки зрения они и подходят к оценке качеств лошади. Конское молочное (кумысное) хозяйство украинцам еще не привилось, хотя вкусовые свойства кумыса им нравятся. Украинцы воздерживаются от доения кобылиц, несомненно, в силу культурных традиций. В силу тех же традиций украинцы не употребляют в пищу конского мяса. Табунное промышленное коневодство в этом районе слабо развито. По словам крестьян, в дореволюционное время табунов было больше.

Хозяйственное значение крупного рогатого скота более универсально, чем лошадей и других видов скота. При наличии в хозяйстве рабочих лошадей на рогатый скот смотрят как на молочно-продуктовый и затем как на предмет рыночного сбыта. В качестве рабочего скота волы применяются реже лошадей; в некоторых селах и поселках ими вовсе для этой цели не пользуются, а выращивают молодых волов только для рынка.

Овцу украинцы-переселенцы разводят ради шерсти, овчин, мяса, а более зажиточные хозяева, главным образом, для продажи. Молочного овечьего хозяйства у украинцев мы не встре-

чали. Что касается коз, то выше мы отметили, что разведение их носит случайный характер, и встречаются они у любителей овцеводов в количестве 2—4 голов (редко больше), которых держат как вожатых *отари* (стада) овец. Козье молоко и мясо украинцы исследуемого района не употребляют в пищу, так как, по их словам, они пахнут козлом.

Свиньи имеют только продовольственное значение: их разводят ради мяса и сала. Последнее, как известно, является любимым национальным кушаньем украинцев вообще. Такой продукт, как щетина, большого хозяйственного значения не имеет, хотя ее собирают.

Верблюды в украинском хозяйстве, несомненно, являются местным заимствованием. Встречаются они, как мы заметили, редко и только в качестве рабочего упряжного скота. Молоком верблюдиц, как правило, не пользуются, но мы встретили одного украинца, семья которого пила верблюжье молоко и считала его очень вкусным. Характерно, что в этом случае доит верблюдицу сам хозяин; женщины за это дело не берутся, тогда как доение коров считается делом хозяек.

Весьма возможно, что в недалеком будущем верблюд в местном украинском хозяйстве займет более определенное место, так как положительные качества этого животного—высокая работоспособность, молочность, ценность шерсти, при всем том неприхотливость в отношении корма и выносливость его—будут учтены крестьянами.

Метизация и выбор производителя в местном украинском животноводстве имеют большое значение. Вследствие серьезного отношения местных хозяев к скотоводческим целям, им удалось путем тщательного подбора создать особую породу овец, удовлетворяющую местным хозяйственным и рыночным требованиям.

Первые поселенцы из украинцев в этом районе, тавричане (с. Таврическое) и георгиевцы (с. Георгиевское), покупали овец у казаков (киргизов). Киргизская курдючная овца, по словам крестьян, была белого цвета, а переселенцам для их хозяйственных надобностей, для *кожухов*, на прядение шерсти для верхней одежды и на пимы (валенные сапоги), требовалась черная шерсть, которую можно употреблять некрашенную. К тому же черная шерсть дороже расценивалась в про-

даже. В это же время коренные крестьяне и сибирское казачество разводили у себя русскую овцу черной масти.

Не желая расстаться с хорошими качествами киргизской овцы: курдючностью, способностью быстро нагуливать жир и выносливостью, не заменяя ее русской овцой, у которой тавричане и георгиевцы ценили только черную шерсть, они начали скрещивать маток киргизской породы с производителями русской. Из метизованного потомства отбирали экземпляры, унаследовавшие, с точки зрения хозяев, лучшие качества, т. е. курдючность и черный цвет шерсти, и оставляли на племя, на *расплод*, а потомство с белой шерстью и бескурдючное сбывали на рынок или убивали на мясо. Начав этот отбор в конце XIX в., к 1905—1906 гг. крестьяне-овцеводы достигли полного успеха: они заменили бывшую у них киргизскую овцу особой метизованной породой или вернее, отродьем.

В 1909—10 гг. хозяева тех же сел, путем покупки бухарских <sup>1</sup> племенных производителей в г. Семипалатинске в учреждениях переселенческого управления и скрещивания их с матками своей породы, улучшили стада овец, привив им, кроме вышеотмеченных качеств, еще каракулевидный смушек, пригодный для папах и воротников.

В результате этих двух хорошо удавшихся метизаций украинцы имеют овцу, которая соединяет в себе лучшие качества киргизской, русской и бухарской овцы.

После революции тавричане заполучили от местного крупного овцевода *Василенко* племенного производителя тонкорунной мериносовой породы. Теперь уже имеются в стадах тавричан метисы „таврической“ овцы с „мериносовой“, которые унаследовали хорошие качества тонкорунных овец: нежную, мягкую и тонкую шерсть. Но несмотря на успехи этого скрещивания, дальнейшее развитие отбора, как видно, будет обречено на неудачу, так как тавричане признают его непрактичным. Главными аргументами против этой метизации хозяева выдвигают: а) метисы часто заболевают „паршей“ и б) необходимость для метисов в теплых помещениях, заботливом уходе и купанье. Однако, желание повысить качество шерсти своих овец не покидает тавричан; в последние два

---

<sup>1</sup> Так называли эту породу крестьяне с. Таврического.

года они начали разводить *цегейку*, породу, близкую к мериносовой, о которой специалист по животноводству, проф. Браунер, говорит: „шерсть цегейки состоит из пуха; по качеству (шерсти) она близка к мериносовой овце“. <sup>1</sup> Матки этой породы считаются племенными, и у хозяев села Таврического их зарегистрировано 36 голов. Определенная оценка этой породы у хозяев еще не сложилась. Эта порода овец, как известно, разводится на Балканском полуострове, в Румынии, в Венгрии, в Бессарабии, откуда она вывезена в южную Украину, а из последней крупными овцеводами-украинцами—в Казакстан.

Если производителя не покупают на стороне, то его выбирают из молодняка в своем же стаде. К выбору относятся внимательно, учитывают все его лучшие качества: рост, курдюк, цвет и качество шерсти, жизненный тонус, хорошо выраженные вторичные половые признаки (большие рога, завитки шерсти на лбу), и вообще *шоб був красивий*. Определенного соотношения производителей и маток в стаде не существует. Обычно количество тех и других в стаде складывается путем соединения на время выпаса овец нескольких домохозяев. Хозяин, имеющий от 8 до 10 штук маток, держит одного производителя, как и хозяин, имеющий их 15—20. На стадо в 40—50 маток имеют двух, реже трех производителей. В большом стаде овец, в среднем, получим соотношение производителей к маткам 1:20. Производители круглый год ходят в стаде вместе с матками, и поэтому случка бывает свободная, определенных периодов для этого не существует, вследствие чего окот маток продолжается круглый год. В течение года каждая матка дает два приплода. Общественных производителей села не имеют. Все улучшения породы и заботы о производителе добровольно берут на себя наиболее активные хозяева, которые, пустив в общее стадо своего хорошего производителя, требуют от хозяев, имеющих плохих производителей, замены их лучшими, чтобы „не портили маток“.

Менее значительных результатов достигли местные хозяева в деле метизации крупного рогатого скота. Киргизская и калмыцкая породы рогатого скота не заменены метизованной, а только облагорожены симентальской, немецкой и холмо-

<sup>1</sup> Животноводство. Одесса, 1922.

горской кровью, причем последняя преобладает. Накануне войны были попытки (в с. Таврическом) привить кровь украинского серого скота, но, вследствие начавшейся войны и ухода на фронт наиболее активной части крестьян, это дело заглохло. Успеху метизации, между прочим, мешает еще чума, которой в первую очередь заболевают облагороженные особи. Такую восприимчивость скота более культурных пород к эпидемическим болезням таким, как чума, ящур и пр., нам пришлось наблюдать на Кавказе у карачаевцев, где также многолетние усилия скотоводов по улучшению местной породы более культурными уничтожились эпидемией в течение 2—4 недель.

Скрещивая смешанную калмыцко-киргизскую породу скота с холмогорской и немецкой, крестьяне добиваются повышения молочности своих коров. Это—главная цель большинства хозяев. Отбирая более крупные экземпляры калмыцкой породы и облагораживая сименталами, преследуют другую цель—повышают рабочие качества волов и, укрупняя скот, поднимают его рыночную стоимость.

Метизация крупного рогатого скота, в отличие от овец, ведется не отдельными хозяевами, а всем сельским обществом или группами домохозяев. Производитель всегда общественный или групповой, купленный на стороне и за большие деньги. Средства на приобретение производителя, *бугая*, собирают с каждого домохозяина села по числу имеющихся у него коров. Если село небольшое и скот пасется в одном стаде, то покупка *бугая* организуется сельским советом. Хозяева больших сел свой скот выпасывают группами в нескольких стадах. Тогда и организация покупки *бугая* переходит от сельского общества к группам домохозяев.

Общественный *бугай* все время летнего сезона днем находится в стаде, а на ночь заходит в загон к любому хозяину и ночует с его скотом. По сложившемуся обычаю никто из домохозяев не должен прогонять зашедшего к нему *бугая*, а, напротив, обязан позаботиться—напоить его. Зимой некоторые группы хозяев кормят такого *бугая* по очереди, по числу коров. Хозяин, имеющий 5 коров, после пятидневного содержания, перегоняет *бугая* к соседу и т. д., причем кормят его наравне со своим скотом, лучшего корма не дают. Но некоторые группы хозяев договаривают одного из своей среды *зимовать бугая*. Договаривают с торгов—кто дешевле возьмет.

В стаде, состоящем из 200—250 маток, держат двух *бузав*, редко трех, и случка свободная.

Состарившегося или отяжелевшего производителя продают с аукциона на убой.

Несмотря на большой интерес к рабочему коневодству, улучшение породы лошадей в исследуемом районе началось позже, чем улучшение овец и рогатого скота. Только накануне европейской войны (в 1910 — 1913 гг.) крестьяне сел Таврического и Георгиевского начали приобретать племенных производителей донской и воронежской крови. В течение 3—5 лет (в период до гражданской войны) были достигнуты прекрасные результаты. Путем метизации местная киргизская порода лошадей была настолько изменена и облагорожена донской и воронежской кровью, что коренные крестьяне-сибиряки, казачество и казаки отличали лошадей этих сел и выделяли их в особую, лучшую породу. Метизованные лошади были крупнее и стройнее киргизских. Благодаря этим качествам почти все племенные лошади во время гражданской войны были взяты в армию, и этим был нанесен большой удар местному племенному коневодству.

Инициаторами улучшения местной лошади были наиболее зажиточные хозяева. Они приобретали дорого стоящих племенных производителей, покрывали своих маток, а затем за особую плату (2 — 3 рубля за покрытие) предоставляли жеребца своим односельчанам. Свободная случка в косяках была заменена домашней ручной.<sup>1</sup>

Общественных и групповых—коллективных производителей в селах исследуемого района нет. Однако, мысль приобрести на общие сельские средства хорошего производителя не чужда, многие хозяева уже говорят об этом. Опыт содержания жеребца обществом дал хорошие результаты на Кубани, где до революции в каждой станице было по несколько общественных племенных жеребцов.

---

<sup>1</sup> Здесь, между прочим, нелишне заметить о существовавшем и теперь уже почти забытом поверье, относящемся к случке. Если хозяин кобылы желал иметь жеребенка *лысого* (с белой полоской на лбу), то в момент случки он должен был снять головной убор, а если он хотел, чтобы жеребенок был белокопытый, то должен был снять обувь и засучить штанины до колен. Точно такое же поверье в скотоводческий период бытовало и на Кубани.

Хозяева, имеющие племенных жеребцов, содержат их в особых, значительно лучших условиях, чем остальных рабочих лошадей: дают жеребцу лучший корм, содержат его на конюшне, освобождают от тяжелой работы, чистят, а иногда и моют. В общем, хороший жеребец является главным объектом внимания в хозяйстве и гордостью владельца.

Свиноводство и улучшение его находится исключительно в руках женщин. Женщины кормят, женщины ухаживают и выбирают *на расплід кнура*, хряка. Консервативность хозяек в сильной степени отражается на этом виде животноводства. Об улучшении породы они не заботятся; случаев облагораживания местной породы культурными мы не наблюдали.

Что касается улучшения породы коз и верблюдов, то можно сказать лишь одно, что эти виды домашних животных в этом отношении не пользуются вниманием украинцев. Как мы выше заметили, нет даже сознательного отношения к определению породы этих животных: все породы коз они объединяют в одну, а верблюды делятся, по их понятию, только на двугорбых и одногорбых.

Следует отметить, что украинцы в отношении улучшения породы овец, крупного рогатого скота и лошадей за сравнительно короткий период своего пребывания в этом районе сделали много. Местное население, особенно казаки, чтобы улучшить свою породу домашних животных, довольно часто покупают или выменивают баранов, предлагая за одного украинского двух своих. Покупают или меняют у украинцев и других производителей: *бугаїв* и жеребцов.

Уход за матками: котными овцами, стельными коровами, жеребыми кобылами и другими видами домашних животных — несложный. Так, например, котные овцы в зимнее время находятся в общем помещении, а летом ходят в общем стаде. Точно так же коровы и кобылы зимою содержатся в общих загонах и конюшнях, а летом в стадах и табунах. Если кобыла рабочая, то в последние месяцы жеребости ее освобождают от тяжелых работ, так как она может *понатужиця* и *скинуть* жеребенка — преждевременно ожеребиться недоношенным плодом. Кроме того, во избежание выкидышей, не разрешается бить беременных маток. Существует также поверье, что можно повредить животному „дурным глазом“, для этого стоит только посмотреть на него человеку, пользу-

ющемся репутацией дурного глаза, или *зазіхнути*, т. е., увидев животное, выразить удивление: *та це жеребна кобила?!*, или восхищенье: *яка гарна кобила?!*—и животное неблагополучно разрешится. Но здесь же следует отметить, что поверье в „дурной глаз“, так широко бытующее среди всех примитивных народов, еще и по настоящее время встречается, как пережиток, у так называемых культурных народов. У исследуемых украинцев это поверье является уже пережитком: только старое поколение верит в „дурной глаз“, да и то больше женщины.

Время разрешения маток от беременности наиболее культурные хозяева, ведущие запись случек коров и кобыл, определяют путем вычисления, считая для жеребят период утробного развития в 10 месяцев, а для телят в 9 месяцев. Хозяева, не ведущие записи случек, определяют по состоянию и поведению беременных животных, *видно, що ни сьогодні, так завтра корова отелиця*. Определив приблизительно время родов, если последние происходят в зимнее время, то кобыл на ночь оставляют в конюшне непривязанными, хозяин по очереди с хозяйкой ночью, как можно чаще, наведываются в стойла и конюшню, чтобы оказать помощь животному, высушить жеребенка, теленка или ягненка. Чтобы высушить, последних двух на время берут в жилище, в теплые комнаты, а жеребят оставляют в конюшне, так как кобила бьется, *побиваєця за лошам* и поэтому их не разлучают. Чтобы жеребенок просох, его покрывают старой свитой или шубой.

Телят и ягнят, родившихся в холодное зимнее время, обычно держат в хатах, пока они не подрастут, причем более зажиточные хозяева помещают их отдельно в так называемых летних кухнях, которые специально для этого отапливают, а бедные хозяева держат их в хате вместе с людьми. В том и другом случае молодь выносят, пока они маленькие, а когда подрастут, то их просто выпускают к маткам на кормежку. Кормят три раза в день.

Кроме телят и ягнят, таким же уходом пользуются поросята: зимою их тоже берут в хату.

Обычай держать зимою молодь в жилищах, совместно с людьми, широко распространен не только у оседлых народов, имеющих более просторные жилища, но и у кочевников, жилища которых, как известно, всегда тесны. Поддерживается

этот обычай не только хозяйственной необходимостью, но вполне возможно и традицией, сложившейся в отдаленные времена.

В летнее время, когда стельные коровы, жеребье кобылы и котные овцы находятся на пастбище в стадах, за отелом, ягнением и жеребением следят пастухи. Если корова отелилась в первой половине дня, то пастух, дав корове отлежаться, после того, как теленок станет на ноги и пососет корову, присоединяет их к стаду и гонит стадо на водопой. Но если отел был во второй половине дня, и пастух со стадом возвращается в село, то, дав корове облизать и высушить теленка, он берет его к себе на плечи, придерживая за спустившиеся на грудь задние и передние ноги, и несет его, а корова идет за ним. Чтобы теленок не устал в таком положении, пастух меняет способ переноски, спускает теленка со своих плеч и берет под грудь одной рукой, а другой под задние ляжки, прижав боком к своему животу. Пастуху, принесшему теленка, хозяйка дает каравай хлеба, кусок сала и 10—20 штук яиц. Это вознаграждение пастуха узаконено не договором с ним, а истари существующим обычаем.

Из поверий, относящихся к отелу, бытует, но только в женской среде, еще одно широко распространенное вообще на Украине, в Великороссии, на Кавказе и в других местах СССР, по которому в день отела со двора ничего не дают ни соседям ни знакомым, так как этим можно повредить удожности коровы.

Маленькие ягнята требуют меньше забот и ухода за ними, чем телята. *Чабан* (пастух овец) несет только что родившихся ягнят лишь в том случае, если стадо быстро идет на водопой или в село, а ягненок отстает. Вознаграждения за уход *чабан* не получает.

Только что родившиеся жеребята никаким уходом со стороны табунщика не пользуются. Спустя 2—3 часа после появления на свет, жеребенок пробует бегать.

Поросята никаким решительно уходом в летнее время не пользуются. Козлята и верблюжата настолько редки в местном украинском скотоводческом хозяйстве, что уход за ними не установился; делают, кто как хочет.

Вся молодежь самостоятельно выкармливается молоком маток. Все, кроме телят, сосут своих маток, сколько хотят и

когда хотят. Телята сосут коров в первые 3—4 недели по 3 раза в день, а затем 2 раза во время доения коров; обычно *доярка* оставляет теленку два соска в течение 3 месяцев, а затем только один. К твердым кормам молодняк специально не приучают. Ягнята, жеребята и телята, последние за исключением рано отелившихся (декабрь и первая половина января), учатся есть траву на выгоне во время пастбища, а зимою едят твердые сухие корма, главным образом сено. Телят раннего отела через полтора-два месяца подкармливают отрубями, а немного позже изредка дают сено, выбирая для этого более нежное и свежее.

Кастрируют жеребчиков, бычков, баранчиков и хрячков, *підсвинків*. Цель кастрации как рабочего, так и продуктового скота одна и та же: лишив животное полового инстинкта, сделать его смирным и способным нагуливать жир, *поправляця*, а также освободить хозяйство от хлопот по охране маток от лишних и в то же время очень беспокойных молодых самцов.

Жеребчиков холостят, *викладають, виложують, підложують* 2—3 лет, реже 4—5 лет. Сами хозяева за это дело не берутся; раньше его поручали коновалам (татарам, киргизам), а теперь ветеринарному фельдшеру или врачу. Прежде чем начать операцию холощения, жеребцу связывают правые переднюю и заднюю ноги, а затем, став с левой стороны, подняв и согнув у колена переднюю левую ногу животному, осаживают его за правый повод назад, вследствие чего лошадь валится на бок. Лежащей лошади подтягивают заднюю ногу к передней, и коновал, фельдшер или врач разрезает мошонку и тунику, перерезает придатки и семенники, выбрасывает их и вычищает мошонку. Если эту операцию производит врач или фельдшер, то, смазав порезы дезинфицирующим средством, пускают лошадь, а если коновал, то он еще накладывает на мошонку *лещета*, т. е. две по концам скрепленные веревочками дощечки, меж которых защемлены разрезанные части мошонки. Через день *лещета* снимают. После кастрации лошадь прибалывает, и потому ей устраивают прогулку—выездку.

Раньше коновалы за холощение брали от 50 коп. до 1 руб., а теперь фельдшер или врач—2 руб. и больше.

Холостят всех жеребчиков, исключая оставленных на завод производителей. Временем для холощения раньше выбирали всю весну, а теперь только февраль и март.

Такой же способ холощения жеребчиков существует у украинцев на Кубани и в западном Казакстане у казаков.<sup>1</sup>

То обстоятельство, что для холощения жеребцов всегда приглашают специалиста, в данном случае татарина, киргиза-казака или фельдшера, врача, а сами крестьяне не умеют холостить, нам думается, объясняется тем, что лошадь в современном украинском крестьянском хозяйственном быту явление более позднее, чем рогатый скот, овцы и свиньи. Украинцы-крестьяне в отношении кастрации еще не научились обращаться с лошадью без посторонней помощи.

Бычков холостят, *підвертають, завиртають* весною в возрасте одного года и делают это сами хозяева, но иногда приглашают на помощь кого-либо из соседей, хорошо знающего это дело. За такую услугу реже платят деньгами, а чаще хорошим угощением.

Существует три способа холощения: а) русский—вырезание (так его называют сами крестьяне), выходящий теперь из употребления, хотя такой же способ кастрации существует в западном Казакстане с той лишь разницей, что порез казаки прижигают каленым железом;<sup>2</sup> б) украинский — *підвертаніє, завиртаніє*, еще бытующий, и в) казакский, входящий в моду—подрывание.

Прежде чем приступить к холощению, бычков валят на землю и, не связывая, держат руками. Если холостят русским способом, то разрезают мошонку и тунику, перерезают канатики и выбрасывают семенники. *Підвертаніє* — украинский способ: *відтягнувши симянники, повирнувши їх низом вверх, запихають їх в пахву, потім відтягнувши мошонку, приривають мутузком* (веревкой). Через сутки веревку снимают, и дня в 3—4 бычок выхаживается. Казакский способ заключается в том, что, оттянув мошонку, нащупывают канатики и пальцами (ногтями) разминают, нарушают их функциональную деятельность. Последний способ считается наиболее легким, но не всегда ведущим к желаемым результатам. Бывают

<sup>1</sup> А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской обл. Оренбург, 1895, стр. 38.

<sup>2</sup> Ibid.

частые случаи, что бычок, подвергнутый такому способу холощения, сохраняет свою половую способность.

Холостят всех бычков, за исключением оставленного *на завод* производителя.

Баранчиков осеннего окота холостят, *валишают* весной, а зимнего и весеннего окота—осенью. Сколько-нибудь точно установленного дня для этих операций нет. У казаков, например, это делают после появления созвездия Плеяд.<sup>1</sup> Делают это сами хозяева собственными силами, и только немногие приглашают к себе на помощь соседа или казака. Существует два способа холощения. Один русский, а другой казакский (киргизский). Оба они, по своим приемам, сходны с вышеотмеченными русским и казакским, применяемым при холощении бычков.

Холостят всех баранчиков, исключая отобранных „на рас-плод“.

Кабанчиков холостят, *вичищают*, в возрасте 2—3 месяцев. Это считается самым удобным возрастом для безболезненного перенесения операции. Несмотря на то, что эта отрасль животноводства находится в женских руках, холощение кабанчиков производят мужчины. Кастрируют кабанчиков одним способом: разрезают мошонку и тунику, перерезают канатики и выбрасывают семенники, порез же раньше засыпали золою, а теперь оставляют так. Дня через два кабанчики выхаживаются.

Козлят и верблюдов украинцы не кастрируют.

Из всех вышеперечисленных видов домашних животных кабанчики легче других переносят кастрацию, за ними идут баранчики, несколько труднее выхаживаются бычки, и больше всех страдают от кастрации жеребчики.

Если по отношению к первым абсолютно никакого ухода не требуется, то за вторыми и третьими следят, чтобы они не попали в сырое место, так как это легко приводит к загрязнению, заражению и болезни, иногда кончающейся смертью животного. Кастрированные жеребчики наиболее требовательны к уходу; кроме сухого помещения, их надо прогуливать, проезжать.

<sup>1</sup> Ф. Ф и е л ь с т р у п. Скотоводство и кочевание в части степей западного Казакстана. Казаки. Антропол. очерки. Сбор. II. Мат. ОКИСАР, Лг. 1927, стр. 87.

Клички применяются только к двум видам домашнего скота: лошадям и коровам. Овцы, свиньи, козы и верблюды кличек не имеют, их просто называют: белая, черная, рогатая овца, молодая, старая овца и пр. Такие названия не становятся собственными именами, они остаются нарицательными, их применяют к нескольким черным, нескольким рогатым овцам и т. д. Лошади все имеют клички; из крупного рогатого скота — только коровы и волы, а молодняк очень редко — носят клички только любимцы.

Клички лошадей основаны, главным образом, на масти, — так, например: карий конь — *Карко*, кобыла — *Карка*, *Каруха*; гнедой конь — *Гнідко*, кобыла — *Гнідуха*; белый конь — *Білко*, кобыла — *Білуха* и т. д. Реже дают клички человеческих имен: *Мишка*, *Васька*, *Аленка*. Еще реже встречаются клички по фамилиям: *Петрашка* — кобыла, купленная у гражданина Петраша, или национальные: *Киргиз*, *Киргизка* — лошади, купленные у киргиз. Иногда дают, с точки зрения человека, оскорбительные клички, метко характеризующие животное, например, *Лодарь*. По такому же принципу дают клички коровам и волам: *Біла*, *Біланка*, *Краснуха*, *Манька*, *Машка*, *Лободиха* — корова, купленная у гражданина Лободы и т. д. Волы — *Красний*, *Круторогий*, *Цап*, если форма рогов близка к рогам козла, *Куций* (безхвостый) и т. д.

Характерно, что клички дают только тем домашним животным, с которыми хозяева очень часто сталкиваются, например: лошадьми и волами — в процессе повседневной работы, а с коровами — в повседневном молочном хозяйстве. Клички этих животных являются насущной хозяйственной необходимостью, а не признаком ласкового отношения к животным, как это иногда наблюдается у великоруссов: *Буренушка*, *Пеструшка*, *Чернавка*. В украинском хозяйстве, имеющем 5—10 коров, 6—12 лошадей, клички необходимы для того, чтобы, не имея этих животных перед глазами, уметь отличать их друг от друга. Так, например, глава семьи за завтраком отдает распоряжение сыну или дочери о предстоящей работе, — поездке на мельницу, в поле — и при этом называет клички лошадей, которых они могут запречь. Тогда как в великорусском, обычно одноконном хозяйстве, такой надобности нет. Украинские домашние животные, носящие клички, как правило, не знают своих имен и не от-

кликаются, так как хозяева их к этому не приучают — это им не нужно. У великоруссов, наоборот, животных зовут Буренушкой и т. п., когда обращаются к ним и поэтому животное привыкает к своей кличке и знает ее.

Такие виды домашних животных, как овцы, козы, свиньи и молодняк рогатого скота, потому не имеют кличек, что в этом нет хозяйственной необходимости.

Терминология в скотоводческом хозяйстве имеет не только хозяйственное, практическое значение, но и культурно-исторический интерес.

Из довольно разнообразной и количественно богатой терминологии украинского скотоводства мы здесь коснемся только той, которая относится к виду, полу и возрастным группам скота: лошади — *кіон*, мерин — *кінь*, производитель жеребец — *жеребець*, матка кобыла — *кобила*, жеребенок — *лоша*, *лошонок*, жеребенок ♂ — *лошачок*, жеребенок ♀ — *лошичка*, жеребенок одного-двух лет — *стригун* ♂ и *стригуха* ♀, но более употребительный термин — *лынчак*,<sup>1</sup> заимствованный у казаков; молодая лошадь два года на третий — ♂ *тритьяк* и *лошак*, ♀ *тритьячка*, *лошиця*; лошадь три года на четвертый — ♂ *четвертак*, ♀ *четвертачка*, но иногда лошадь в таком переходном возрасте называют конем и кобылкою.

Здесь же мы заметим, что жеребят, как жеребчиков, так и кобылок, стригут, приблизительно, в возрасте одного года и, обычно, весной. Гриву и холку стригут довольно коротко, а челку, *чуб*, только подстригают, оставляя около 9 см от корня; хвост подстригают снизу, оставляя 9—13 см от последнего позвонка хвоста, а выше выстригают 2—3 пояска. Стригут, по словам крестьян, для того, чтобы лучше росли волосы; точно для такой же цели стригут жеребят на Кубани и на юге Украины. Стриженных жеребят называют *стригунами*. Таким образом, это название приобретает смысл отличия возрастной группы жеребят от сосунков, а также от старшего возраста лошадей, хотя у украинцев эта система менее развита, чем у казаков, которые при помощи стрижки отме-

<sup>1</sup> *Лынчак*, несомненно, великорусский термин, — что значит прошлогодний жеребенок, но позаимствован казаками у местного сибирского населения, с которым они общаются больше двух столетий. Украинцы же позаимствовали этот термин у казаков.

чают половые и возрастные (до 3 лет) группы молодых лошадей.<sup>1</sup>

Видовое название рогатого скота: множественное — *скотина, худоба*, единственное — *товоряка, скотиняка*.

Половые и возрастные названия крупного рогатого скота: взрослая матка — *корова*, но если она без теленка, то ее называют *яловой, яловкой*, а если корова с теленком, то *дійна* (дойная) или корова с *тилям*. Стельную корову называют *тільна* корова. Самец производитель — *бугай*, холощенный самец, если он еще не рабочий бык, — *бик*, а рабочий вол — *віл*. Возрастно-половые названия: телята — *тилята*, теленок — *тилёнок*; телка — *тиличка*, бычок — *бичок*. В возрасте одного-двух лет — *бузівок, бузелок* или *випусток* — одинаково применительно к особям ♂ и ♀ пола. В возрасте двух-трех лет — *тритьак* ♂, *тритьачка* ♀, а трех-четырёх лет ♂ бык — *бик, віл* (молодой), ♀ *тилиця* и *ялівка*.

Половые и возрастные названия овец: взрослая матка — *вівця* и *барануха*; в настоящее время первый термин вытеснен вторым. Беременную матку называют *кітна-вівця* или *кітна-барануха*; разрешение от беременности — *ягне-ніз*, а раньше — *окот*. Особого термина для маток, имеющих ягнят, нет, их просто называют *барануха з (с) ягням*. Нехолощенный самец — *баран*, а холощенный — *валах*. Сосунков обоего пола называют ягнятами; ♂ — *баранчик*, а ♀ *ягничка*; в возрасте одного-двух лет ♂ — *валашок*, а ♀ *ягниця* или *ярка*.

Половые и возрастные названия свиней: как для овец-маток точно так же и для свиней-маток нет специальных терминов. Видовое название, грамматически измененное в женском роде применяется, как название взрослой матки, например: овца, свинья *свиня*. Беременная матка — *поросна свиня*; разрешение от беременности — *поросиця*, разрешилась — *опоросилась*. Матку, имеющую поросят, называют *свиня з поросятами*. Самец нехолощенный — *кнур*, а холощенный *кабан*. Молодь, сосущая маток, — *поросята*, с подразделением на *кабанчиків* — ♂ и *свинок* ♀. Переходный возраст от сосунков до взрослого состояния носит название *підсвинків*,

<sup>1</sup> Ф. А. Ф и е л ь с т р у п. Скотоводство и кочевание в части степей западного Казакстана. Стр. 97.

т. е. еще не вполне взрослых свиней. Особей ♂ называют *кабанцями*, а особей ♀ — *свинками*.

Значительно слабее дифференцированы названия возрастно-половых групп коз. Взрослая самка — *коза*, самец — *цап*; холощенных самцов в украинском хозяйстве я не встречал. Молодь, сосунков, называют *козинятами*, *цапинятами* (множественное) и *козиня* или *цапиня* (единственное) и реже козлятами. Что касается дальнейших половых и возрастных подразделений, то к ним применяется терминология, свойственная овцам. Точно такой же бедностью отличается и терминология возрастных и половых групп верблюдов. Всего три специальных термина: *верблюдиця*, *верблюд* и *верблюжа*. Чтобы уточнить то или иное понятие, относящееся к полу и возрасту верблюдов, прибегают к терминологии, применяемой к лошадям. Характерно, что более позднее появление коз и верблюдов в украинском хозяйственном быту отразилось не только на слабом хозяйственном использовании этих животных и на безразличном, подчас, пренебрежительном отношении к ним, — но и на отсутствии подробной терминологии. Этим же объясняется и тот факт, что самцов этих видов домашних животных, не кастрируют. Довольно подробная терминология украинского языка для возрастных и половых групп крупного рогатого скота: лошадей, овец и свиней, является свидетельством того факта, что эти виды домашних животных давно бытуют в украинском хозяйстве.

Из всех вышеперечисленных терминов обращают на себя внимание три: *лынчак*, *бугай* и *бузівок*. Первый, как говорят крестьяне, заимствован ими от казаков, хотя этот термин великорусский, а последние, несомненно — турецкого происхождения, известные и на Украине, и на Кубани у украинцев. Повидимому, они давно заимствованы украинцами от турецких скотоводческих народов, с которыми они сталкивались со времен Киевской Руси. *Бузав* на казакском языке значит теленок, а на украинском языке *бузівок* — подросток 1 — 2 лет. Как проник этот термин в украинский язык — нам неизвестно.

Обычно чужая терминология проникает вместе с элементами культуры, чаще всего материальной, так, например, современные слова: машина, телеграф, электричество и пр., проникли в русский язык вместе с объектами материальной куль-

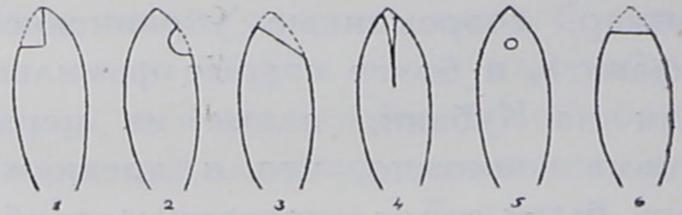
туры, известными под этими терминами. Наряду с этим наиболее распространенным путем, заимствование терминологии идет и другими, быть может, менее частыми, но все же бытующими путями, когда заимствуют тот или иной термин, не изменяя его служебного значения, и переносят его понятие на аналогичный элемент культуры. Так, очевидно, был заимствован турецкий термин *бузав* и осмыслен в украинском языке в *бузелок*, *бузівок* и *буга*, *бугай*. Более новый, современный случай такого заимствования мы имеем на примере выше отмеченного нами термина — *лынчак*. В этом случае мы имеем возможность не предполагать, как это мы делали выше, а наблюдать условия, способствовавшие заимствованию этого слова. Дело в том, что украинцы нанимают пастухов своих лошадей опытных в этом деле казаков. Казаки-табунщики плохо знают русский и украинский языки и поэтому применяют свою терминологию возрастных групп скота. В данном случае группу жеребят от 1—2 лет они называют *лынчак*, а вместе с табунщиком повторяют это слово и хозяева лошадей. Почему привился только этот термин, а не другие? Это легко объясняется тем обстоятельством, что казаки являются единственными пастухами украинских общинных табунов, всегда состоящих преимущественно из гулевых лошадей в возрасте 1—2 лет — *лынчаков*. Других домашних животных пастухи сами украинцы, и поэтому в течение 30—35 лет украинский термин *стригун* заменился новым — *лынчак*. Таким же, надо думать, путем проникли и термины *буга*, *бузав* в те времена, когда украинцы сожительствовали с татарами в южных степях.

В украинском языке, видимо, под влиянием хорошо развитой собственной скотоводческой культуры, а также под влиянием соприкосновения с соседними скотоводческими народами, главным образом турецким, мы имеем специальную терминологию пастухов и стад. Так, например, пастух рогатого скота имеет определенное название — *товарчий*, или *чередник*, пастух телят — *тилятник*, пастух овец — *чабан*, пастух лошадей — *табунщик*, пастух свиней — *свинопас*. Стадо рогатого скота также имеет свое название — *череда*, *табун*, стадо овец — *шматок*, *кущанка* и *отара*; первый термин означает стадо овец в 150—200 голов, второй — большее стадо, а третий — наиболее многочисленное, до 1.000 голов. В иссле-

дуюмом районе наиболее употребительным является первое название. Небольшое, в 15—20 голов стадо лошадей называют *косяком*, а собранных со всего села в 50—150 голов и больше — *табуном*. У других восточных славян — великоруссов и белоруссов, такой подробной терминологии мы не встречаем. Интенсивное развитие скотоводческой культуры у украинцев началось, видимо, после разделения восточных славян на современные три ветви. Волков,<sup>1</sup> как нам думается, совершенно верно, связывает развитие скотоводства на Украине с казацким периодом, так как богатые травой южные степи стали доступны украинскому населению только в это время.

Знаки собственности — клейма и тавра — давно и повсеместно бытуют в украинском скотоводческом хозяйстве; они встречаются не только

на Украине, но, по нашим наблюдениям, и на Кубани, на Дону, в Ставропольской и Астраханской губ. и в Казакстане у украинцев. Характерно, что знаки собственности накладываются только на овец, крупный рогатый скот и лошадей; другие виды домашних животных, как, например,



Фиг. 1. Образцы клейма на ушах овец.

- |            |              |
|------------|--------------|
| 1. Эрлець. | 4. Поротина. |
| 2. Вищик.  | 5. Кулька.   |
| 3. Скїсок. | 6. Прытьмо.  |

свиньи, козы и верблюды, не отмечаются этими знаками. Объясняется это тем, что хищение свиней, коз и верблюдов в украинском быту явление довольно редкое. Лошадей и крупный рогатый скот таврят, а овец только клеймят. Только в виде исключения, встречается клеймение крупного рогатого скота. Существенное отличие тавра от клейма и техники его накладки заключается, во-первых, в том, что его накладывают на ляжку или шею животного, и, во-вторых, производится это путем прижигания этих частей раскаленным железным штампом тавра, тогда как клейма обычно делают на ушах животных в виде той или иной формы надрезов (фиг. 1).

<sup>1</sup> Украинский народ. Том II, Пг., 1916, стр. 463.

Генетически клеймо, нам думается, является более древней формой знака собственности, чем тавро. В пользу этого говорит и более простая техника накладывания этого знака: простой надрез уха, а также существование определенной терминологии этих знаков (фиг. 1), совершенно одинаковой и на Украине, и в ее колониях на Кубани, в Ставропольской, Астраханской губ. и в Казакстане и универсальность его. Им может пользоваться любой хозяин, составляя самые разнообразные комбинации, отличные от других, из шести существующих форм; так, например, *эрлець* и *кулька* на правом ухе—один знак; то же сочетание, но на левом ухе—другой и т. д. Тавро же в настоящее время является более сложным знаком, как по технике, так и по своей идее. Наличие современного украинского тавра в скотоводческом хозяйстве тесно связано с существованием хорошо развитой письменности, так, например, современные украинские тавра взяты из русского алфавита, а более старые фамильные тавра, которые мы встречали на Кубани, взяты из церковно-славянского алфавита. Весьма возможно, что в древнем украинском скотоводческом быту были тавра, связанные с образным письмом, но до нас эти знаки, как и само письмо, не дошли. Карл Вейлэ все знаки собственности, а в том числе клеймо и тавро, связывает с предметным письмом.<sup>1</sup>

Иногда тот или иной письменный знак, применяясь в качестве тавра, типоизменяется, — начертание его постепенно искажается и становится загадочным. Такой случай искажения мы наблюдали на Кубани, когда тавро отца А, взятое из русского алфавита, у старшего и у среднего сына значительно изменилось, а у младшего оно приобрело сильно уклонившееся начертание от первоначального отцовского тавра. Каждый из них старался индивидуализировать тавро, вследствие чего оно приобрело почти неузнаваемую форму начертания. В Казакстане у украинцев мы наблюдали другое явление: сыновья не искажают отцовское тавро, а делают свое собственное, беря для этого первые буквы своего имени и фамилии.

Для возникновения идеи тавра обычно нужны не только правовые предпосылки и внедрение понятия собственности, но

<sup>1</sup> Карл Вейлэ. От бирки до азбуки. Перевод с немецкого под редакцией Д. Н. Анучина. 1923, стр. 23—24.

и экономические, вытекающие из хозяйственных форм. В более культурных хозяйствах и при стойловой системе содержания скота, знаки собственности излишни и тут мы их обычно не встречаем. Хозяйства, слабо обеспеченные скотом, имеющие 1 — 2 лошади, 1 — 2 коровы, 3 — 6 голов овец, также не таврят своих животных. Но хозяева, имеющие много скота и выпасывающие его в общих стадах и табунах, как правило, прибегают к отличию своих животных от чужих накладыванием тавра и клейма, причем, иногда эти знаки бывают фамильными, — принадлежат целой фамилии, или хозяйственными — отмечающими животных одного хозяйства, или же общинными, — являющимися тавром целого села, поселка, как это мы встретили в Казакстане в селе Георгиевском и в поселке Таврическом. Таким образом, идея тавра и клейма могла возникнуть в условиях табунного выпаса скота, при системе хозяйства, так называемого, дикого скотоводства, когда хозяин, имея большое количество скота, выпасывая его в общем стаде или табуне, не мог достаточно приглядеться к нему, чтобы безошибочно отличать его; между тем, тавро или клеймо давало ему возможность легко опознавать своих животных. Для этой цели служат фамильные и хозяйственные тавра и клейма. Но, как только тот или иной вид скота количественно в хозяйстве уменьшается и содержание его становится стойловым, то, как нам удалось наблюдать на Кубани, на Дону и Ставропольской губернии, знаки собственности на него не накладываются.

Совершенно другие мотивы побуждают крестьян прибегать к общинному тавру. Общинное тавро накладывается только на лошадей и бытует там, где развито конокрадство и существует система общинного выпаса. Иногда, наряду с общинным, имеется личное фамильное или хозяйственное тавро; при этом одно из них кладется на ляжке (правой или левой), а другое на шее под гривой.

Лошадей и крупный рогатый скот таврят в возрасте 1 — 2 лет. Обычно это делают раннею весною, когда еще не появились мухи с их личинками. Прежде, чем совершить операцию накладывания тавра, животное ловят и валят на землю, затем 1 — 2 человека держат его, а третий, накалив штамп тавра на огне, прикладывает его к ляжке или шее животного, выжигает шерсть и опаливает эпидерму кожи. Обожженную кожу смазывают овечьим или другим каким-либо жиром и животное

отпускают. Вскоре обожженное место заживает, но шерсть на нем больше не растет — оставшийся след ожога и есть тавро.

Ягнят клеймят весной перед пуском в стадо, а родившихся в стаде спустя 1 — 2 месяца. Техника клеймения проста: хозяин, поймав ягненка, взяв шею между своих ног, на его ухе ножницами делает нужные ему порезы, т. е. чтобы получить клеймо — *эрлець*, вырезает частицу уха в форме треугольника, чтобы получить — *притьмо*, срезает кончик уха, а чтобы сделать клеймо — *поротину*, разрезает ухо до его половины на две части и т. д.

## Глава II.

Организация летнего выпаса.— Наем пастухов.— Техника выпаса: крупного рогатого скота, телят, овец и лошадей.— Зимнее содержание и прокорм скота.— Зимовники.— Тебеневка.— Современное загонно-стойловое содержание скота: помещения, кормушки, кормление и водопой, чистка и уборка.—  
Распределение труда по уходу за домашними животными.

Организация летнего выпаса. Украинцы исследуемого района выпасывают свой скот в общих стадах, в летний сезон — на общинном выгоне, а после снятия урожая — на пашне. В небольших поселках, в 10 — 15 домохозяев, иногда все виды скота — лошади, крупный рогатый скот и овцы — объединяют в одно стадо с одним пастухом. В поселках в 20 — 30 домохозяев уже наблюдается дифференциация: лошадей выпасывают отдельно; точно также крупный рогатый скот и овцы составляют отдельные стада, с отдельным пастухом для каждого. В крупных селах и поселках, состоящих из 100 — 150 дворов, насчитывающих много скота, организуют 2 — 3 и больше стада, отдельно для крупного рогатого скота, для овец и лошадей. Такая система организации выпаса объясняется, во-первых, естественной необходимостью иметь количественно нормальные, не особенно громоздкие стада, и, во-вторых, хозяйственными соображениями, — чтобы дать нормальную нагрузку пастуху, обеспечить ему прожиточный минимум и в то же время организовать дешевый выпас, выгодный для владельцев скота.

В двух первых случаях, т. е. в малых и средних поселках, наем пастухов есть дело общественное и обычно решается общим собранием при участии сельского совета. В крупных же селах, где организуют 2 — 3 стада для каждого вида скота,

наем пастухов не входит в компетенцию сельского совета и общего собрания, а становится делом групп домохозяев, объединившихся для совместного выпаса своего скота. При этом в основу объединения берут не родственные связи, не любовное соглашение отдельных домохозяев, а территориальное расположение дворов: домохозяева, живущие на одной улице или же на двух смежных улицах (с. Таврическое), составляют единую группу, которая нанимает отдельно пастухов для овец, крупного рогатого скота, телят, а иногда и для лошадей. Следует, однако, заметить, что лошадей гораздо чаще выпасывают в общих сельских табунах, чем в групповых.

Если же улица очень большая, и по ней живет много домохозяев, с большим количеством скота, как это мы наблюдали в селе Георгиевском, то для удобства выпаса они разбиваются на две половины и организуют две самостоятельные группы. Такой порядок в селе Георгиевском при трех главных улицах дает 6 групп домохозяев, а следовательно, 6 стад овец и 6 — крупного рогатого скота.

Средняя норма стад, удобная для выпаса и выгодная с точки зрения содержания пастуха, по мнению крестьян, должна быть следующей: для рогатого скота 150—200 голов, для овец 300—350 штук, а для лошадей 300—400 голов. Но эти приблизительные нормы могут колебаться в зависимости от рельефа выгона, от водопоя и количества съедобной травы на выгоне.

Наем пастухов и расплата с ними. С наступлением весны, в конце марта или начале апреля, крестьяне поднимают вопрос о найме пастуха для пастьбы крупного рогатого скота. Если наем производится целым обществом, то сельский совет устно или письменно, путем расклеивания объявлений, приглашает в совет, на определенный день, лиц, желающих подрядиться пасти скот. Если пастухом прошлого года крестьяне остались довольны, то ему посылают специальное приглашение, и на этот же день собирают домохозяев, имеющих скот. Обе стороны, домохозяева и пастух, при участии совета, договариваются.

В тех случаях, когда пастуха нанимает группа хозяев, то домохозяева, сговорившись между собою, назначают определенный день, в который они соберутся, устно приглашают на это собрание бывшего пастуха, если им остались довольны. Чтобы выгоднее подрядить старого пастуха, *шоб збить йому ціну,*

в качестве конкурентов приглашают на торги лиц, желающих подрядиться пасти скот. Если конкурентов не окажется, то иногда домохозяева пускаются на хитрость и втайне от пастуха подговаривают кого-либо из своей среды выступить в качестве соперника и предложить более низкую цену, чтобы таким образом побудить пастуха к уступчивости.

Домохозяева, подрядив пастуха, *чередника*, заключают с ним договор, в котором подробно формулируют обязательства сторон, и свидетельствуют его в совете. Точно таким же образом нанимают *телятника*. Следует указать на то обстоятельство, что при найме пастуха отдают предпочтение не его квалификации, а более низкой цене, предложенной им за выпас скота.

Летом 1927 г. в селе Таврическом *чередник* подрядился пасти скот по 80 коп. с головы в сезон, т. е. с начала весны до филипповок (14 ноября ст. стиля), а за выпас телят по 50 коп. со штуки. Расплачивались с ним хозяева по договору: 20 коп. платили с головы в первый день выхода стада на пастбище, 5—10 коп. (кто сколько может) с головы к Петрову дню и остальные по истечении срока выпаса. За павший скот в сезон выпаса не платят. Учет скота, сдаваемого на выпас, а равно и получение заработной платы, ведет сам пастух. Он составляет список домохозяев, отмечает количество принятого скота и полученную сумму денег с каждого владельца скота. Первую заработную плату (20 коп. с головы) приносят сами хозяева, а за получением последующих пастух приходит на дом к хозяевам. Недоразумений на почве расплаты с пастухом, по словам крестьян, не бывает. *Коли в кого нима чим заплатит, то він просе чередника підождать днів 5—10.*

За утеранный во время пастыбы скот пастух несет материальную ответственность, а за скот, разорванный зверем, не отвечает.

Наем *чабана* производится точно таким же образом, как и *чередника*. Хозяева, живущие по одной улице, а в малолюдных поселках все домохозяева, договаривают лицо, желающее пасти овец, и заключают с ним договор. Но, в отличие от *чередника*, *чабан*, или лицо, берущее на выпас овец, должен иметь свой двор, в котором он делает большой *пригон*, *кошару* для овец. Если *чабан* не имеет своего двора,

но желает взять овец на выпас, то он у кого-либо из сельчан арендует часть двора под *кошару*.

Сезон выпаса овец начинается с ранней весны, как только сойдет снег (начало апреля) и до Дмитриева дня (26 октября по ст. ст.). Исчисление платы ведется за сезон и с головы 35 коп. (с. Таврическое) и 40 коп. (с. Георгиевское); кроме того, *чабан* получает 400 г шерсти за 10 штук овец. Часть денег, в виде задатка, хозяева вносят в день выхода овец на пастбище, а остальные *чабан* получает в конце сезона. Расчет производят по числу выпасенных овец: сюда входят овцы, принятые в начале сезона, и ягнята, родившиеся в стаде, но исключаются овцы, павшие в течение сезона.

По условию, *чабан* несет материальную ответственность за утеранных им овец, в размере полной их стоимости. Оценку утеранной овцы производит *чабан* совместно с несколькими хозяевами. За овец, павших или разорванных зверем в течение сезона, *чабан* не отвечает. Но в доказательство естественного падежа, *чабан* должен представить хозяину шкуру овцы, а в подтверждение того, что животное разорвано волками, — хотя бы части шкуры и, по возможности, голову с ушами, чтобы хозяин по клейму мог бы познать свою овцу.

Вместе с овцами и на одинаковых условиях пасут и коз.

Если на квалификацию *чередника* мало обращают внимания, то стаж *чабана* и его личный опыт в этом деле, при выборе и найме его, является решающим фактором. Такая разница в отношениях владельцев скота к *череднику* и к *чабану* объясняется тем, что скот поручается пастуху на день, а ночью он находится под опекой самого хозяина, тогда как овцы сдаются *чабану* на весь сезон. *Чабан* не только пасет овец, но и ухаживает за ними, охраняет их ночью и лечит.

Учет овец ведется путем записи. Если *чабан* грамотный, то он сам составляет список владельцев овец и против каждого отмечает количество принятых от него голов. Затем все изменения, могущие произойти в течение сезона — приплод и падеж, — он также отмечает. Если *чабан* неграмотный, то он поручает это дело одному из грамотных членов своей семьи. Современная грамота вытеснила таким образом старый традиционный счет овец — *карбіж*, или *бирку*. Еще не так давно *чабаны* в степях южной Украины и на Кубани вели счет своих многочисленных отар путем нарезывания на палке,

или *кирлике*, двух римских числительных знаков X — десять и I — единица. Нам не пришлось встречать эту запись у *чабанов* исследуемого района: традиция старой пастушеской записи забыта.

Наем *табунщика* (пастуха лошадей) дело более сложное, чем наем *чередника* и *чабана*: в нем принимает участие все село и сельский совет. На общем собрании избирают уполномоченного, которого называют „попечителем“ табуна; особым постановлением, его уполномочивают подыскать надежного *табунщика* и заключить с ним договор. Ему же поручают собирать деньги с хозяев, пускающих в табун своих лошадей и расплачиваться с табунщиком.

Табунщиками являются исключительно казаки-киргизы. Во всем районе мы не встретили ни одного русского или украинца-табунщика, а, по словам крестьян, их и раньше не бывало. Объясняется это не только любовью казаков к этому делу и желанием их заработать, но и сильно развитым конокрадством в этом районе, которое сделалось бытовым явлением и приняло спортивную окраску. Вследствие этого, мы здесь имеем своеобразную систему выпаса лошадей, тесно связанную со страхованием их от конокрадства. В первые же годы украинцы-переселенцы столкнулись с этим социально-бытовым явлением и довольно сильно страдали от него: были случаи, когда казаки угоняли в свои степи почти всех лошадей переселенцев того или иного поселка. В процессе борьбы с этим злом украинцы нашли своеобразный выход. Они нанимают казаков пасти своих лошадей с непременным условием, что эти же пастухи несут материальную ответственность за всех лошадей села, украденных на территории его земельных угодий, в поле или в конюшне хозяина — все равно. Кроме того, пастух несет ответственность за разорванную волками лошадь в табуне. Это называется договорить табунщика от *грані* — он отвечает за все случаи кражи лошадей в пределах территории данного села.

Чтобы гарантировать взятые табунщиком на себя обязательства, общество села требовало поручительства какого-либо влиятельного и зажиточного бая-казака. После того, когда находят поручителя, обе стороны заключают договор. Однако, по словам крестьян, одно поручительство еще не гарантирует им соблюдения табунщиком материальной ответственности; оно

лишь является моральным воздействием бая на казаков, которые воздерживаются от хищения лошадей поселка, находящегося, по их понятию, под покровительством такого-то бая. Кроме этого, крестьянам нужны другие, более существенные гарантии. И они их имеют в системе оплаты труда табунщика. По договору, все крестьяне села или поселка обязываются юридически сдать своих лошадей табунщику, т. е. зарегистрировать их у своего „попечителя“ табуна и сделать им оценку. Оценку лошадям делают сами хозяева. Взрослых рабочих лошадей расценивают в 100 — 120 р., а молодняк, от 1 — 2 лет, — в 20 — 30 руб., от 2 — 3 лет — в 40 — 50 руб., 3 лет — в 60 — 90 и 100 руб. Оплата выпаса исчисляется из оценочной стоимости лошади: табунщик получает 2 коп. с оценочного рубля, что в среднем составляет за одну лошадь 2 руб. 20 коп. Следовательно, заработок его складывается из процентных отчислений от общей стоимости всех лошадей, числящихся в табунах. В больших селах (Таврическое, Георгиевское), в общей сложности, это составляет больше 2.000 руб. Выдачу заработка производит „попечитель“ табуна в три срока: а) в день выгона табуна на пастбище — 10%, б) к Петрову дню — 20% и в) в конце сезона, 6 декабря ст. ст., — 70%. Но, если ко второму сроку выдачи заработка в селе обнаружится покража лошадей, то „попечитель“ табуна, сообщив об этом табунщику, вознаграждает пострадавшего крестьянина полной оценочной стоимостью украденных лошадей из сумм, причитавшихся табунщику. Таким же образом поступают и в конце сезона. В практике села Таврического и других были случаи, когда пять человек табунщиков, ходивших за лошадьми, в конце сезона получали всего по 10—20 руб., так как все остальные деньги были розданы за утеранных лошадей. По словам крестьян, такая организация выпаса в достаточной степени страхует лошадь от воров и волков.

Многие хозяева юридически числят своих лошадей в табунах, платят за выпас, но фактически в табунах их не пускают, так как они все время или заняты работою, или хозяева сами их пасут. Поэтому в табунах пасется не более 20 — 25% общего количества лошадей, и то главным образом молодняк; все остальные только формально числятся там. Эта довольно сложная и своеобразная система выпаса лошадей возникла исключительно под влиянием конокрадства. В этом нас убеждает то обстоятельство, что в последний год, благодаря принятым

административным и судебным мерам, конокрадство пошло на убыль, а вместе с этим понизился интерес крестьян к этой системе выпаса лошадей. Уже в 1927 году, в некоторых поселках, часть крестьян не принимала участия в найме табунщика. Говорят, что это дорого стоит. На последнем мы остановились лишь потому, что это социально-бытовое явление может служить иллюстрацией того, как при столкновении двух различных культур, с различными понятиями собственности, возникают организации, регулирующие их взаимоотношение.

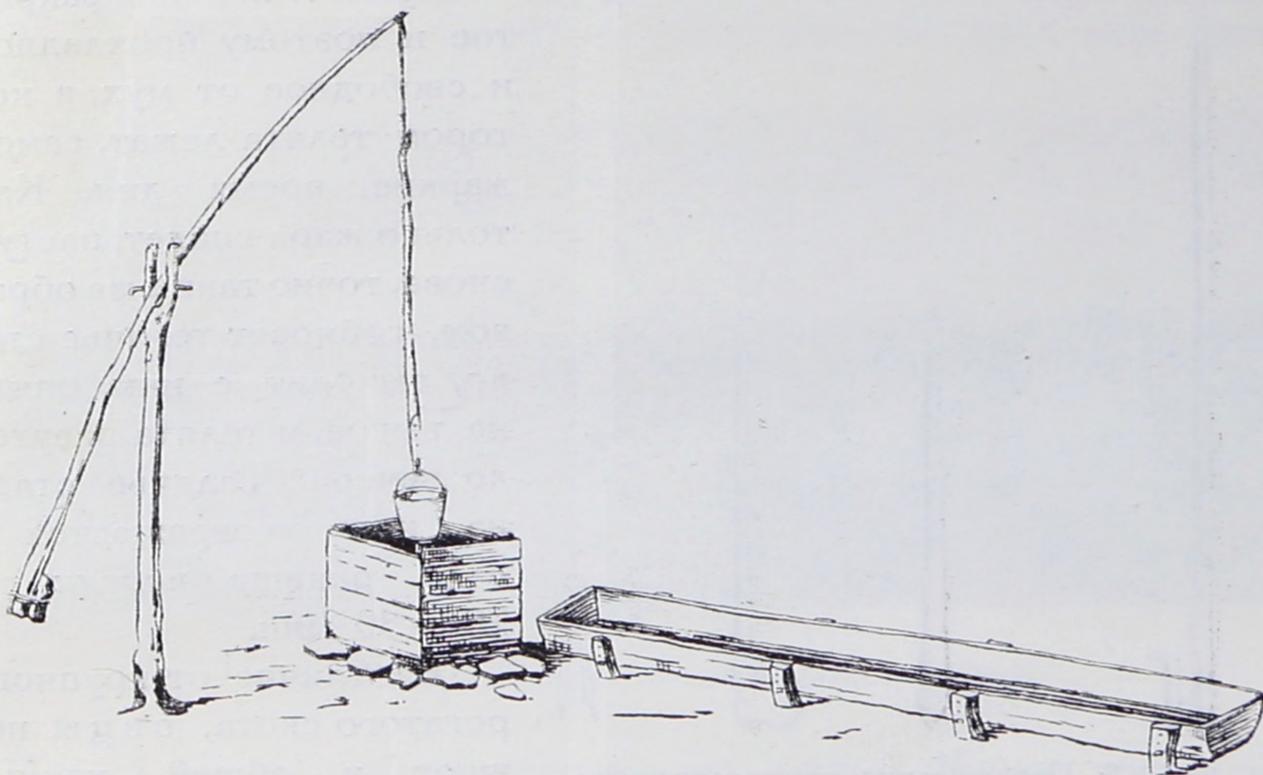
Техника выпаса крупного рогатого скота, овец и лошадей отличается таким же разнообразием, как и самая организация выпаса и наем *чередника*, *чабана* и *табунщика*. *Чередник* выгоняет скот на пастбище с восходом солнца. Каждый пастух избирает одно определенное и удобное для всех хозяев место сгона скота (за селом, в конце улицы, возле церкви и т. д.), куда сами хозяйки после того, как они подоят коров, сгоняют свой скот. Приняв весь скот, пастух выходит с ним на выгон, *выпуск*. Отгнав от села на 1.000—1.500 метров на лучшую траву, *пашу*, пастух останавливает *череду* и затем постепенно *попаски* идет со скотом по выгону. Когда скот пасется, то пастухи идут то сзади *череды*, подгоняя отстающих, то с боков *завиртают*, дают то или иное направление *череди*. К 10—11 часам скот напасывается, и к этому времени *череда* подходит к водопою.

Местом водопоя, обычно, избирают ближайшую речку, но если нет речки, то пользуются горными ключами, предварительно расчистив их, обложив плитками дикого камня и проведя „канавки“, по которым течет ключевая вода. В том случае, если нет естественного водопоя, прибегают к искусственному: роют колодцы, делают большие корыта и поят из них скот. Воду достает, *тягиэ* пастух при помощи так называемого, *дзвода* (фиг. 2). Однако, колодезным водопоем пользуются только в исключительных случаях, когда нет естественного, так как он дорого стоит, а, главное, утомителен для пастуха.

После водопоя скот ложится и отдыхает — *тирлуэця*. Местом отдыха — *тирлом*, — всегда является место водопоя. Как только спадет дневная жара, *череда рушаэ* с *тирла* и идет на выгон, где пасется до вечера. Перед заходом солнца коровы стремятся домой, к телятам, иногда бегут, а вместе

с ними к селу направляется все стадо. Поэтому пастух выходит наперед и сдерживает его, а помощник его (подросток), так называемый *підпасок*, подгоняет отстающий скот. Подогнав скот к дороге, ведущей в село, пастух спокойным шагом направляется по ней, а за ним по дороге, вытянувшись в лентообразную колонну, следует *череда*. В таком порядке скот приходит в село и расходится по своим дворам, а вместе с этим кончаются обязанности пастуха.

По приходе домой, скот поят колодезной водой из корыт, общих для всего скота, а затем хозяйки доят коров.



Фиг. 2. Дзвiд и корыто для водопоя скота.

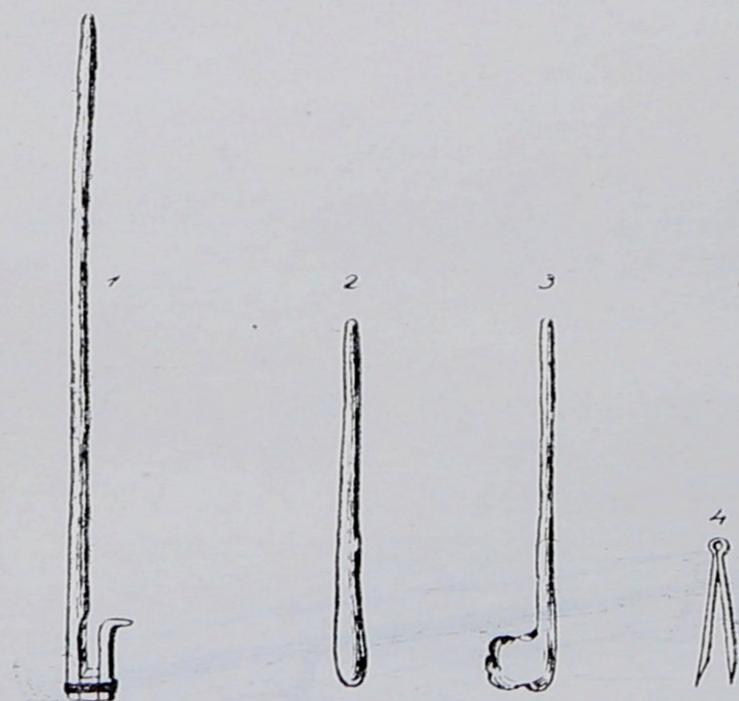
В тех случаях, когда некоторая часть выгона отстоит далеко от села, и переход туда скота утомителен для него, там строят общий загон и выделяют стадо гулевого скота, которое выпасывается на этой площади выгона, а ночью содержится в загоне, не возвращаясь в село.

Необходимой принадлежностью пастухов исследуемого района является палка, или *кiёк* (фиг. 3), и *торба* (сумка) для хлеба и сала. Пастушеского рога и кнута — принадлежностей, как известно, характерных для великорусского пастуха мы не встречали.

Телят выгоняют на пастбище после того, как *череда* выйдет за село. *Телятник* (пастух) идет в противоположный телячьему пастбищу конец улицы и, приняв телят у крайних дворов, гонит их по улице, — остальные хозяева вгоняют своих телят в стадо, как только оно подойдет к их дворам. Собрав всех телят, пастух выходит с ними на выгон, специально предназначенный для выпаса телят. Телячье стадо пасется 3—4 часа, в общем, до наступления дневной жары, а затем возвращается в село, и телята расходятся по дворам своих хозяев. Дома телят поят колодезной водой из корыта и загоняют в телятник — помещение саманное, хорошо закры-

тое и поэтому прохладное и свободное от мух, в котором телята лежат, самое жаркое время дня. Как только жара спадет, пастух снова, точно таким же образом, собирает телячье стадо, выходит с ним опять на выгон, и телята пасутся до вечера. Телячье стадо на ночь возвращается в село раньше *череда* на 20—30 мин.

В отличие от крупного рогатого скота, овцы ночуют в общей *кошарі* у *чабана*, и поэтому утром перед выгоном на пастбище их не собирают, как рогатый скот. Содержа-



Фиг. 3. Пастушеские принадлежности.

1. Кирлика чабана. Дл. 1,8 м.
2. Палка чередника. Дл. 0,9 м.
3. Кіёк чередника. Дл. 0,5 м.
4. Зермела чабана. Дл. 14 м.

жание овец в общей *кошарі* объясняется психологией этих животных. Овцы, пасущиеся в большом стаде, по приходе в село сами не расходятся по своим дворам, а всякий раз их надо „разлучать“, что сопряжено с большой потерей времени. Выгоняют овец на пастбище поздно — *солнце під снідання* (завтрак), около 8 часов утра. Такой поздний выход *чабани* объясняют особой болезнью ног, которая якобы вызывается особым болезнетворным свойством утренней росы. У овец, ходивших по росе, преют ноги между копытами — *ратицями*,

а затем там появляются черви, и животные хромают. Но осенняя роса безвредна и поэтому, начиная с августа, овец выпускают на пастбище рано, с восходом солнца.

Пасут овечье стадо два человека: *чабан* и *підпасок*. Выгнав *отару* за село, сам *чабан* выходит наперед и медленно, с остановками, подвигается вперед по выгону, овцы идут за ним (фиг. 4), а *підпасок* в это время следит сзади стада, подгоняет ягнят и наблюдает за окотом маток. К 10—11 часам, вдоволь напасшись, овцы подходят к водопою (речке, источнику); попив воды, *тирлююця*, т. е., сгрудившись в круг, опустив головы вниз—*душаця*, стоят самое жаркое время дня. С наступлением прохлады (около



Фиг. 4. Чабан села Таврического с овцами.

3 — 4 часов), овцы *рушают на пашу*. Чабан постепенно ведет *отару* по выгону и к вечеру подходит с нею ближе к селу, а с наступлением сумерек берет *отару* на *цапи*, т. е. уходит сам к *хвосту отары*, а вперед выходят, в качестве вожаков, козы и ведут всю *отару* ко двору *чабана*, в *кошару*. В летнее время соли овцам не дают: они пользуются естественными солонцами на выгоне, и поят их только один раз в день.

Постоянными спутниками *чабана* во время пастьбы и ночной охраны овец являются собаки. Совершенно невозможно представить себе фигуру украинского *чабана* без собак. Днем и ночью собаки охраняют овец от зверя, от чужих собак, которые нередко набрасываются на овец и ранят их; но, кроме того, хорошо выученные собаки время от времени обегают

кругом пасущееся стадо, не давая ему расплыться по выгону.

Ночью *чабан* караулит *отару* — спит возле нее на возу, а в наиболее уязвимых местах *кошары* привязывает собак. Хорошо обученные собаки сами знают свою обязанность и всю ночь самостоятельно караулят стадо от волков и воров.

Непременной принадлежностью *чабана* являются: *кирлика* (фиг. 3), которой он, при надобности, ловит овец, цепляя крючком за ногу; *зермела* — пинцет для вытаскивания червей из ран; бутылочка, наполненная „карболкой“, которой заливают раны у овец, и *торба* для хлеба и сала — дневной провизии пастуха. Чабанской *гарбы* с деревянной будкой, хорошо известной на юге Украины и на Северном Кавказе, мы не встречали.

Лошадей в табуне пасут круглые сутки: с 3 — 4 часов вечера и до 10 — 11 час. утра лошади пасутся, а затем идут на водопой и самое жаркое время дня, 11 — 3 час., стоят на *тирлі*. Таким образом, табун все время пастбищного сезона находится на выгоне, под открытым небом и под постоянным наблюдением табунщиков, которые пасут табун по очереди, объезжая его верхом. Табунщикам не разрешают ездить на чужих лошадях: они имеют для этой цели своих. Казаки-табунщики (их бывает 4 — 5 человек) ставят себе на выгоне, вдали от села, кибитки, в которых находятся их семьи и кочевое хозяйство: овцы, скот.

Лошадей, не находящихся в табуне, а только числящихся там, пасут сами хозяева: днем за ними на выгоне смотрят подростки, а ночью — сами хозяева или их взрослые сыновья выбирают в степи лучшее пастбище, и пасут там рабочих лошадей.

Свиней иногда пасут вместе с телятами, — тогда они находятся под наблюдением телятника. Но чаще они ходят в *пустопаш*<sup>1</sup> — утром выходят самостоятельно без пастуха на выгон, а после, возвращаются в село, домой, и остаются в хлевах в самое жаркое время дня; с наступлением же прохлады, снова идут на выгон, где пасутся до вечера. И только в тех случаях, когда посевы расположены вблизи села, нанимают для свиней специально пастуха — *свинопаса*.

<sup>1</sup> *Пустопаш* — выпас без пастуха.

Из всех домашних животных, разводимых в украинском хозяйстве, свиньи являются наиболее одомашненными. Крупный рогатый скот и овцы, а особенно лошади—если они окажутся без пастуха—могут заночевать в поле, тогда как свиньи всегда возвращаются домой не только на ночь, но и днем. Поэтому они и ходят самостоятельно на пастбище.

По истечении срока летнего выпаса крупного рогатого скота и овец, если есть еще возможность пасти этот скот, владельцы объединяются в группы по 2—3 хозяина и собственными силами выпасывают его до глубокого снега.

Разнообразие организации найма пастуха и техники летнего выпаса объясняется не только тем, что мы имеем дело с разными видами скота, разным его хозяйственным значением, но и историей приручения или заимствования того или иного вида домашних животных. Ясно, что славянская, а в том числе и украинская, скотоводческая культура слагалась постепенно. Сначала приручался или заимствовался один вид домашних животных, затем через больший или меньший промежуток времени — другой и т. д. В зависимости от этого слагались и становились традиционными навыки ухода и выпаса того или иного вида скота. Современный летний выпас скота является одной из первичных стадий ухода за домашними животными. Культура лишь усложнила организацию выпаса, наем пастуха, уход за животными, создала охрану их, но сохранила наиболее дешевый, хотя и не рациональный, с современной точки зрения, культурного животноводства — прокорм.

Содержание и прокорм скота зимою являются продуктом культурного приобретения. Все народы-скотоводческие прежде чем пришли к заготовке корма на зиму, долгое время применяли зимний выпас, известный и по сие время у турецких народов под названием тебеневки.<sup>1</sup> Система содержания домашних животных на подножном корму круглый год была известна и украинцам. Еще в середине XVIII ст. в Запорожье казаки и крестьяне имели сельско-хозяйственный уклад, близкий к кочевническому; содержание животных было примитивное: они были на подножном корму в течение всего года, крытых помещений, запаса кормов не было, или количество их было невелико по отношению к числу содержаемых животных, вследствие чего скот часто погибал во время гололедицы, мятелей, от безкормицы

<sup>1</sup> Тебін, тебеневка — доставание скотом корма из под снега.

(см. Браунер<sup>1</sup>). Несколько позже эта форма содержания скота практиковалась украинцами в Новороссии, а еще позже на Кубани. Но с уплотнением населения во всех этих районах и развитием земледелия она была заменена стойлово-загонным содержанием.

М. К. Кирьяков, касаясь зимнего содержания лошадей в Херсонской губ. (относится к 40 годам прошлого столетия) в своей статье: „Сельское хозяйство в Херсонской губ.“ пишет: „загонов не было, сена и соломы для лошадей не заготавливали, держали их на подножном корму“.<sup>2</sup>

Зимняя пастьба скота характерна для той хозяйственной стадии, которая в экономике известна под именем дикого скотоводства, когда человек, эксплуатируя скот, мало заботился об его прокорме: скот жил тем, что сам находил на пастбище в течение круглого года. Эта примитивная система прокорма широко бытует в казакском скотоводстве еще и в настоящее время. От казаков повторно ее заимствовали украинцы исследуемого района, впрочем не все, а только типичные скотоводческие хозяйства.

Заимствовав систему зимней пастьбы, украинцы придали ей более рациональный характер: соорудили более благоустроенные и теплые чем у казаков, зимовники, где, кроме всех приспособлений для содержания скота, всегда имеется 4—6-дневный запас корма для всех животных, а возле зимовника—на ползимы. На случай снежных буранов, которые в исследованном районе довольно часты, и глубокого снега, хозяин со своим скотом находит в зимовнике убежище: скот защищен от стужи и получает нормальную дачу сена.

Украинские зимовники, или, как их называют, займки, находятся вдали от села, или поселка (в с. Георгиевском в 12—14 км) располагаются в более или менее гористой местности, группами в 4—8 и более домохозяев. Такое отдаленное расположение зимовников объясняется тем, что угодья, находящиеся вблизи села, использованы под общинный выгон, сенокосы и пашню. Пересеченный же рельеф вблизи зимовника является необходимым условием зимнего выпаса, так как рогатый скот может пользоваться только теми площадями выпаса, которые более или менее свободны от снега, а такими ока-

<sup>1</sup> Животноводство. Одесса, 1922, стр. 6—7.

<sup>2</sup> Листки О-ва Сель. Хоз. Южной России. 1837, № 5.

зываются в тамошних климатических условиях склоны гор, откуда сухой снег сдувается ветром. Но лошади достают корм и из-под снега, иногда — глубокого. Они небольшими косяками, стоя бок-о-бок, разгребают снег копытами и достают из-под него полусухую прошлогоднюю траву. При этом лошади не перебегают с одного места на другое, как это бывает летом, а медленно продвигаются вперед.

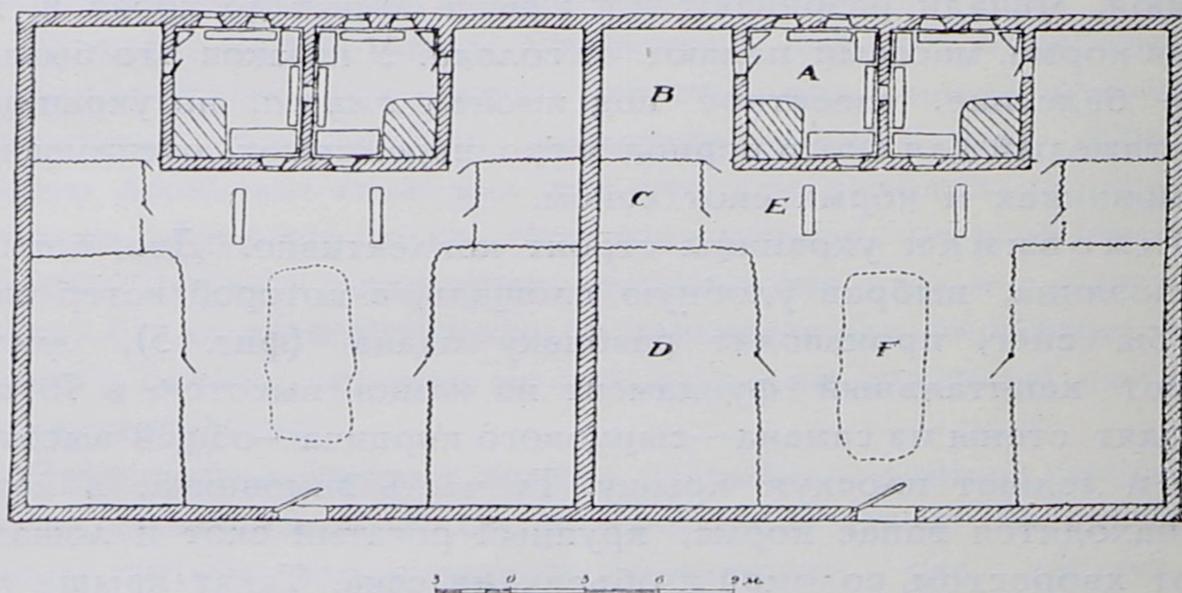
Для зимнего выпаса лошадей довольно опасны гололедицы, когда трава покрывается настолько плотной коркой льда, что, тебенюя, лошади разбивают ноги выше копыт до крови и, не достав корма, массажи падают от голода. У казаков это бывает целое бедствие, известное под именем *джута*, но украинцы этот тяжелый для скота период легко переживают, отсиживаясь в зимовниках и кормя скот сеном.

Зимовники украинцы строят коллективно. Два, четыре домохозяина, выбрав удобную площадь, с которой ветер сносил бы снег, производят разбивку плана (фиг. 5), закладывают капитальный фундамент из камня высотой в 70 см, возводят стены из самана — сырцового кирпича — общей высотой 2 м — и делают плоскую крышу. Ту часть зимовника, в которой находятся запас корма, крупный рогатый скот и лошади, кроют хворостом, соломой и объедками сена. Такая крыша летом протекает, но зимою предохраняет от снега и дает доступ свежему воздуху в зимовник, вентилирует его. Другую часть зимовника, примерно  $\frac{1}{3}$ , в которой находятся жилища самих хозяев и овцы, хорошо кроют землею. На технике кровли, приготовления материала и постройки зимовника мы не будем останавливаться, так как она вообще сходна с техникой украинских саманных построек, бытующих как в исследованном нами районе, так и на Украине. Скажем лишь, что на постройку зимовника, представленного на фиг. 5, затрачено 30 кубов камня и 20.000 шт. самана; общая стоимость его определяется в 1.000 руб.

По цели и по внешнему архитектурному облику украинский зимовник идентичен с казакским, но по размерам и служебному расположению отдельных его частей, жилища хозяина, помещения для овец, рогатого скота и лошадей — он отличается от казакского. Передний план — правая и левая его стороны от входа отведены для стойл рогатого скота, середина — для корма и лошадей; на заднем плане расположены жилища хозяев и помещения для овец. Получается строгая симметрия, повто-

рающаяся и в другой половине зимовника. Несмотря на новизну дела, план украинского зимовника в исследуемом нами районе более или менее уже установился.

Внутри зимовника все стойла-загоны отгорожены плетнем, но жилище хозяина, хата, как видно на плане, замкнуто в капитальный четырехугольник стен: с одной стороны, оно примыкает к стене зимовника, с другой, имеет общую стену с соседней хатой и, наконец, с двух других, со стороны скотного двора имеет свои, также капитальные стены. Вход в жилище



Фиг. 5. План зимовника.

Длина — 47 м.  
Ширина — 23,5 м.  
Высота — 2,4 м.

А — хата.  
В — баранник.  
С — телятник.

Д — коровник.  
Е — коновязь.  
F — запас сена.

со стороны баранника. Дверей, соединяющих обе соседние хаты, нет; в промежуточной стене имеется только маленькое— сквозное отверстие  $40 \times 40$  см, через которое два соседние семейства могут переговорить, обменяться необходимыми предметами и т. п. Несмотря на общность зимовника, все же сохранено индивидуальное жилище каждого хозяина. Для дневного освещения, в хате имеется два окна в наружной стене, размером  $45 \times 65$  см, а для наблюдения за стойлами в противоположной стене одно маленькое—  $25 \times 40$  см. В жилище имеется русская печь, довольно скромная обстановка (кровать, стол, мисник, лавки для сидения); внутри вся хата чистенько выбелена, а по стенам на их фоне нарисованы живописные цветы. Это творчество украинских девушек.

В зимовнике живут сами хозяева, или их взрослые сыновья, или батраки и кто-либо из женщин, чтобы готовить пищу и вести молочное хозяйство, если оно имеется, а вся остальная семья находится в селе, где обычно у каждого владельца зимовника есть своя усадьба, дом, хозяйственные постройки, где весь его земледельческий инвентарь, запасы корма, молочный и рабочий скот. Одним словом, главная жизнь владельцев зимовников сосредоточена в селе, а на заимке возле скота взрослые члены семьи как бы дежурят по очереди. В этом существенное отличие украинского зимовника от казакского, и объясняется это тем, что украинские хозяйства, как бы у них ни развивалось скотоводство, все же продолжают оставаться земледельческими: центр хозяйственного интереса лежит в земледелии. Летом жизнь на заимке почти замирает, остается 1—2 сторожа; но в период уборки сена оживает, так как обычно хозяева заимок неподалеку имеют сенокосы, где они заготавливают сено и складывают его возле зимовников.

Скот выгоняют на пастбище только в хорошие ясные и не особенно холодные дни; в дурную же погоду скот держат в зимовнике и кормят сеном. Если пастбище плохое, и скот недостаточно наедается, то утром и вечером его подкармливают небольшой дачей сена. Корм задают просто: бросают кучи сена на пол. Такой же способ дачи корма рогатому скоту в свое время существовал на юге Украины, в Херсонской губ., где „сухой корм раскладывался по земле . . . . малыми кучками“ (Ш м и д т).<sup>1</sup> Таким образом, украинский зимний выпас сочетается с стойловым содержанием. С эволюционной точки зрения зимний выпас скота следует считать более примитивной формой, чем загонное содержание, и поэтому возврат украинцев к упрощенной технике содержания надо рассматривать как временное, чисто местное явление, относящееся, впрочем, лишь к технике зимнего содержания скота. Но в истории развития культуры такие явления нередки: коль скоро условия, способствующие прогрессу, заменяются условиями, тормозящими его, мы неизбежно будем наблюдать аналогичные явления. В нашем случае украинцы, сообразуясь с конъюнктурой рынка, находят более целесообразным повышать доходность своих хозяйств количеством скота за счет

<sup>1</sup> Материалы для географии и статистики России. Ч. II, стр. 209—211.

его качества. Таким образом, культурный регресс обуславливается требованиями местного рынка.

Заготовка корма на зиму и содержание скота в загонах и крытых помещениях есть еще экстенсивная форма хозяйства, переходная от системы дикого скотоводства к стойловому. Эта переходная форма в настоящее время является господствующей в украинском хозяйстве исследуемого района и отличается от стойловой тем, что скот, содержащийся в загонах и помещениях, не привязывается, животных не моют и не чистят, кормят их грубыми кормами: соломой, сеном, мякиной, в сухом виде, без соблюдения рациона и притом только в зимнее время. Система стойлового содержания требует специальных, хорошо приспособленных помещений (пол, сток жидких отбросов, кормушки, вентиляция помещения и т. п.), содержания скота на привязи, постоянного ухода за ним (чистки и мытья), выкармливания концентрированными кормами (зерно, жмыхи, барда, корнеплоды и пр.), по установленным рационам и в течение круглого года. Это система безусловно дорогая и в условиях казахстанского рынка пока экономически невыгодная.

Современное загонно-стойловое содержание домашнего скота начинается с того времени, когда снег покрывает пастбище — настолько, что травы совершенно не видно. В первую очередь переводят на зимний корм овец, затем рогатый скот и в последнюю очередь гулевых лошадей.

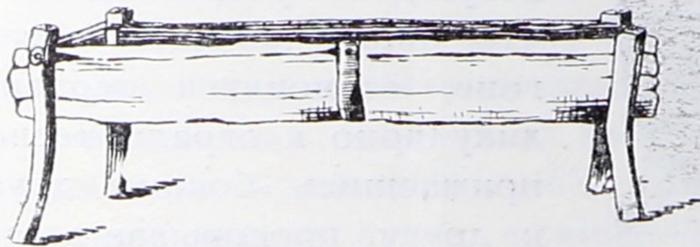
Место и устройство загонных и зимних помещений во всех хозяйствах довольно однообразны. Всегда они находятся в передней части двора на стороне, противоположной жилищу, и обращены лицевой стороной к последнему: так удобнее хозяину наблюдать за животными из окна своей хаты. Постройки для рогатого скота обычно вытянуты в один ряд: коровник, телятник, баранник, а иногда тут же помещение и для лошадей (конюшня). Телятник, баранник и конюшня — помещения закрытые, а коровник с передней, т. е. обращенной к загону стороны — открытый. Помещения довольно теплые; как правило, сложены из самана,<sup>1</sup> и крыты землей. На технике и на планах скотных построек останавливаться не будем. Эта сторона довольно подробно будет освещена в статье С. Н. Могилянско́й.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Кирпичи, сделанные из смеси глины, земли и соломы — необожженные.

<sup>2</sup> Постройки украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губ.

Перед каждым помещением располагается загон, например, перед коровником загон для крупного рогатого скота, перед телятником — для телят и т. д. Ограда загонов сделана из того же самана, из вальков<sup>1</sup> или же из плетня. Нередки случаи, когда над площадью загона возводят плоскую крышу, для защиты от больших снегопадов и заносов. Перекрывают ее обычно жердями, хворостом, а сверху соломою.

Лошади и овцы содержатся днем в загоне, а ночью и днем в дурную погоду — в помещении. Рогатый же скот пользуется



Фиг. 6. Ясли для лошадей.

полной свободой, так как дверей в коровнике нет, сообщение между помещением и загонем свободное — последний является продолжением первого.

Кормушки (ясли), как правило, имеются у лошадей, как в загоне, так и в конюшне. Объясняется это тем, что лошадей не оставляют без корма на ночь; у овец и у рогатого скота только в загоне имеются кормушки; у некоторых же хозяев для крупного рогатого скота их вовсе нет: корм бросают прямо на землю.

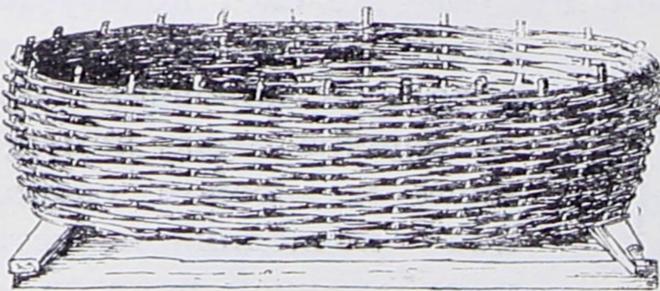
Ясли для лошадей сделаны из досок в форме корыта с дном в 50 см (в поперечнике), борта в 35—40 см (высота), а длина в зависимости от наличного количества лошадей в хозяйстве 2—3 м. Ясли покоятся на деревянных подставках (ножках), прикрепленных к ним, и приподняты от земли на 45—50 см. Доски яслей прилажены и прочно сколочены гвоздями — мякина или зерно, насыпанные в них, не высыпаются (фиг. 6).

В конском загоне ясли располагаются посередине, а в конюшне у продольной стены, вплотную придвинутые к ней. У большинства хозяев в конюшне, кроме яслей, имеются еще так называемые решетки, сделанные из тонких деревянных жердочек и подвешенные над яслями к стене конюшни с таким расчетом, чтобы нижняя часть решетки плотно прилегала к стене, а верхняя отстояла бы от нее на 45—55 см. В образовавшееся пространство между стеной и решеткой на ночь закладывают корм — сено или солому. Надо сказать, что это городское влияние с успехом при-

<sup>1</sup> Вальки — грудки, сделанные от руки из такой же смеси, как и саман.

живается в исследованном районе. Хозяева, зная, что лошадь не любит оставаться более или менее продолжительное время без корма, а тем более в холодные зимние ночи, пользуются решеткой для двойной дачи корма: в яслях дают мешку, а за решетку кладут сено; лошади, съев мешку с вечера, отдыхают, а затем, проголодавшись к середине ночи, съедают сено.

Устройство кормушек для овец носит совсем другой характер: для удобства подкладывания сена, они вынесены за ограду



Фиг. 7. Ясли для рогатого скота.

загона (всегда у овец плетневую) и устроены так, что овцы, находясь в загоне, становятся перпендикулярно к ограде, тесно прижавшись боками друг к другу, просовывают головы в специально сделанное узкое (20—25 см), но длинное отверстие (во всю

длину продольной стороны изгороди), и едят положенное на землю перед ними сено. Такое довольно несложное приспособление для кормления овец предохраняет корм от растаскивания его животными, от загрязнения его и, наконец, дает большие удобства хозяину, задающему корм: он, не входя в загон, кормит животных.

Телят кормят тоже из яслей, устроенных точно так же, как и для овец. Для кормления крупного рогатого скота у большинства хозяев имеются ясли, плетеные из хвороста. Плетут их чаще сами хозяева, но иногда приглашают для этого дела более „умелых соседей или мастеров“. Круглые, продолговатые  $2 \times 1,3$  м (фиг. 7) или же чаще длинные (4—5 м) по форме, ясли находятся только в загоне и довольно редко можно встретить их в самом коровнике. Месторасположение их—середина загона.

Конструктивное разнообразие кормушек и различное их расположение в загонах, наличие их в ночных помещениях у одних животных и отсутствие у других—объясняется огромной разницей в анатомическом, физиологическом и психическом отношении разных видов домашних животных, с одной стороны, и хозяйственным значением, характером корма и культурной традицией—с другой. Психика смиренной овцы дает воз-

возможность хозяину кормить этих животных в скученном положении. Прожорливость лошади требует от хозяина ночного кормления, а жвачная способность рогатого скота и овец освобождает его от этих обязанностей. Кормление лошадей *мешкой* и зерном в насыпку побудило хозяев нарушить культурную традицию и перейти от плетенных яслей к досчатым и т. п.

Рабочих лошадей кормят сеном, мякиной, соломой, зерном, ячменной и просяной мукой в смешанном виде с мякиной. Сено задают в течение суток всего в четыре приема: утром перед восходом солнца, когда выводят лошадей из конюшни; днем около 12 час.; к вечеру около 3 час. и на ночь. Рацион строго не соблюдается; дают всем лошадям вместе, рассчитывая приблизительно на глаз по 4—5 кг на голову в каждую из первых трех дач, а в последнюю 5½—6½ кг. Кроме сена, в морозные ночи лошадям задают сухую мякину, а в теплые — *мешку* (в морозные ночи она замерзает). Приготавливают *мешку* следующим образом. Насыпав мякины в ясли, один рабочий поливает ее из ведра водою, а другой быстрыми движениями вил размешивает; после того, как мякина в достаточной мере увлажнена, ее посыпают ячменной или просяной мукой и также продолжают размешивать до тех пор, пока мука равномерно не смешается с мякиной; в таком виде лошади едят ее. Довольно редко (в неделю 1—2 раза), как бы для разнообразия, дают рабочим лошадям солому пшеничную или ячменную. Овсом в зимний сезон кормят только в тех случаях, когда едут на мельницу, в город, и вообще когда берут лошадей на работу.

За месяц или полтора перед весенней пахотой режим кормления изменяется—лошадей откармливают перед работой. Постоянная дневная дача сена заменяется *мешкой*, — обильно посыпаемой ячменной мукой; случайные дачи овса „перед работой“ переходят в постоянный ежедневный рацион около 800 г на голову; задают овес после утреннего водопоя.

Кормовой режим нерабочих лошадей и молодняка от 1 до 3—4 лет резко отличается от режима рабочих лошадей; их кормят пшеничной соломой и только 1—2 раза в неделю дают сена, так называемые *верхивья* — верхнюю часть скирды, где сено обычно бывает испорченное дождями, почерневшее, а иногда и погнившее. В общем, если дают сено нерабочим лошадям и молодняку, то худшего качества, вследствие чего молодняк „из зимы“ выходит сильно исхудавшим. Хозяева рассуждают:

„лишь бы до весны дотянули и вышли на пашу“. Это небрежное отношение к конскому молодняку безусловно отражается на рабочих и породистых качествах местных лошадей, но недостаток в хозяйстве хорошего корма для всех лошадей побуждает хозяев к экономии его в пользу рабочих лошадей за счет нерабочих и молодняка. Кроме того, такой режим вырабатывает из молодняка выносливых, нетребовательных к корму и уходу лошадей.

С наступлением весны и с переходом на подножный корм, молодняк быстро отъедается, жиреет и лошади становятся неузнаваемыми.

В первую половину зимы (декабрь и январь) лошадей поят два раза в день: утром, после того как они съедят утреннюю дачу корма, и вечером, перед постановкой их в конюшню. Во вторую половину зимы поят три раза: утром, в полдень и вечером. Поят из общего для всего скота деревянного корыта, колодезной водой.

Днем лошадей содержат в загоне свободно — непривязанными к яслям, а на ночь их ставят в конюшню на определенное для каждой лошади место, привязывают к яслям и закрывают конюшню на замок. Производители содержатся круглые сутки в конюшне. Чтобы теплее и мягче было лежать лошадям, на ночь им делают подстилку из сухой пшеничной соломы. Убирают конюшню ежедневно по утрам, сейчас же после того, когда выпустят лошадей в загон.

Для всякого культурного коневодства обязательной является чистка и мытье лошадей, но крестьяне, вообще говоря, нерегулярно выполняют эти требования, а в условиях суровой зимы и при наличии большого количества (10—12) лошадей в хозяйстве тем более. Украинцы-переселенцы моют или купают лошадей только в летний сезон, в речке или у колодца из ведра. Чистят (железной скребницей и травяной щеткой) только в зимний сезон и нерегулярно, главным образом тогда, когда берут в работу и после работы. Несмотря на такое небрежное отношение к уходу за лошадьми, все же следует заметить, что лошади пользуются в отношении чистки и купанья среди остальных домашних животных исключительным вниманием, так как ни овец, ни крупного рогатого скота ни моют, ни чистят.

Кормовой режим крупного рогатого скота и уход за ним значительно проще, чем режим лошадей и уход за ними. В загоне и сарае скот находится день и ночь на свободе, его не привязывают. Кормят его яровой соломой, сухой мякиной и сеном.

Дают корм три раза в день: рано утром солому, в полдень сено, а вечером солому или мякину; корма дают вдоволь; без соблюдения рациона кладут корм в ясли, а если их не хватает для всего скота, то разбрасывают его небольшими кучками прямо по земле. Рабочих волов, а иногда и стельных коров, выделяют из общего загона и кормят сеном и мякиной. *Бузівків* (однолетних телят) кормят только сеном и задают корм также три раза в сутки и в то же время, что и крупному скоту.

Рогатый скот и телят поят два раза в день: утром после того, когда скот съест утреннюю дачу корма, и вечером. Поят колодезной водой из общего корыта; каждый раз для водопоя выпускают скот из загона к колодцу. На ночь скоту делают подстилку, выбрасывая из яслей остатки несъеденной соломы; в помещениях и загонах навоза не чистят; все это утаптывается в течение зимы, а весной вырезается на кизяк для топки.

Зимний уход за овцами такой же простой, как и за рогатым скотом, только в отношении корма эти животные пользуются некоторой привилегией: их кормят только сеном, так как они совершенно не переносят такого грубого корма, как солома, часто болеют, и поэтому хозяева волей-неволей должны запасать сено для овец; в противном случае они должны отказаться от разведения их в своем хозяйстве.

Задают овцам корм 3—4 раза в день: рано утром на восходе солнца, и перед обеденным временем немного подкладывают корма, затем поят овец колодезной водой, допуская их к общему корыту, наконец, дают корм после водопоя, и затем перед вечером, с таким расчетом, чтобы до наступления сумерек корм был съеден. На ночь овец загоняют в овчарню и плотно закрывают дверь, чтобы не мог проникнуть зверь. Подстилки овцам не кладут, так как в овчарне всегда сухо, а от холода овец прекрасно предохраняет их собственная овчина. Кроме сена, зимою овцам дают в корм еще соль: одну-две грудки, в 6—8 кг каждая, кладут в загоне, и овцы по мере надобности ее лизут.

Если в хозяйстве имеются козы, то их содержат вместе с овцами.

Хлев для свиней, вследствие особого положения этих животных в хозяйстве, обычно находится в более или менее удаленном месте от других помещений для скота. Хлев или свинюшник — небольшое, крытое, довольно теплое саманное

помещение, возле которого огорожен небольшой загон *хливушник*, имеющий непосредственное сообщение с улицей — свиньи свободно могут выходить из хлева на улицу.

Кормят свиней два раза в день: утром и вечером. Основной зимний корм свиней—просяная мякина. Мякину дают в сухом виде (в морозное время) и мокрую в виде мешки, посыпанную просяной или ячменной мукой. Корм кладут в деревянное корыто, которое стоит прямо на земле в загоне. В качестве пойла свиньи получают все кухонные остатки и помои, исключая мыльных. Режим кормления кабанов, откармливаемых на убой, „на сало“, резко отличается от остальных свиней: им не дают мякины, а на кухне специально варят зерна ячменя, или *запарюють* ячменную муку или отруби, смешав с мелко изрезанной тыквой; *парят* жмыхи, а иногда пекут ячменный хлеб и кормят им. В качестве пойла дают жидко разведенную ячменную муку. Корма дают вдоволь; дачу производят 3—4 раза в день. В течение 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub>—3 месяцев кабана настолько хорошо откармливают, что у него отлагается слой сала около 5 см толщиной.

Для откорма кабанов на убой в украинском быту вообще установился один период—первая половина зимы: *кабана зацудовують к Різду<sup>1</sup> на сало та ковбаси*. Кроме того, откармливают кабана к свадьбе, а иногда и к Пасхе.

Если в зимнее время в хозяйстве имеются маленькие поросята, и свинья питаясь зимним кормом, не в состоянии в достаточной мере прокормить молодь, или поросята настолько подросли, что им мало материнского молока, то их выкармливают снятым коровьим молоком.

Положение, в отношении корма и ухода того или иного вида домашних животных в хозяйстве объясняется исключительно его экономическим значением. В настоящее время в украинском хозяйстве ценится главным образом рабочий скот, а потом уже молочный и рыночный. Поэтому лучшим кормом и в первую очередь кормят лошадей. Трудовой день хозяина начинается с того, что он открывает конюшню, смотрит лошадей, задает им корм, а затем идет к рогатому скоту, сначала задает корм волам, телятам, а потом уже остальному скоту; последними получают корм овцы. Но свиньи полу-

---

<sup>1</sup> Рождественские праздники.

чают корм независимо от этого порядка: их кормит хозяйка, а у нее свой порядок трудового дня.

Труд по уходу за домашними животными строго распределяется между членами семьи. Женщины ухаживают только за свиньями, а мужчины за лошадьми, крупным рогатым скотом, овцами, козами и верблюдами, если последние имеются в хозяйстве. Между тем, у великоруссов уход за рогатым скотом, овцами и козами и, конечно, свиньями—дело женских рук и мужчина считает предосудительным для себя выполнение этих работ; он ухаживает только за лошадью.

Такое распределение трудовых процессов в украинском быту обязано географическим условиям, хозяйственному укладу, влиянию соседних степных скотоводческих народов и истории развития скотоводства на Украине. Степной простор средней и южной Украины в казацкий период создал особый характер табунного скотоводства (теперь уже пережитого), уход за которым был под силу только мужчинам. Они уходили со своим скотом в степи, иногда оставаясь там на зиму, обзаводились там зимовниками — пристанищами для скота; скотоводство носило, как бы, полукочевой характер. Строя свое хозяйство преимущественно на скотоводстве, мужчины должны были и выполнять эти главные работы. Разумеется, что на этот уклад хозяйства и труда большое влияние оказывали степные соседи украинцев, кочевые народы, преимущественно турецкие, кочевавшие со времен Киевской Руси в пределах современной восточной и южной Украины. Таким образом, порядок ухода за скотом развивался под влиянием трех вышеуказанных факторов; вместе с этим слагались те бытовые и трудовые формы, которые мы теперь имеем; развитие их шло по естественному пути, свойственному скотоводческой культуре.

### Г л а в а  ІІІ.

Заготовка корма на зиму: скашивание травы, сушка, сгребание сена, складывание в копыщи, перевозка и укладка в скирды.— Техника укладки и предохранение сена от замокания и разбрасывания ветром.

Хотя сенокос обычно принято рассматривать вместе с земледелием, мы все же отнесем его к скотоводству, как неотъемлемую часть этой культуры, ибо идея заготовки сена на зиму, несомненно, возникла в условиях скотоводческого хозяйства, а не земледельческого.

Заготовка корма на зиму была настолько трудным делом для кочевых скотоводческих и близких к ним по форме хозяйств, что к ней начали прибегать только под влиянием двух факторов: стихийных бедствий, как, например, глубокие снега, продолжительные метели, гололедицы и т. п., надолго оставлявшие скот без корма, вследствие чего он массами погибал, и увеличения населения, а в связи с этим уменьшения земельных угодий, причитавшихся на хозяйственную единицу, и, как следствие этого, измельчения скотоводческих хозяйств. Отсюда повышение интереса к качеству скота, а не к количеству, как это было раньше.

Сначала заготавливали корм в ограниченном количестве с таким расчетом, чтобы его хватило только на тот зимний период, когда скот не в состоянии сам добыть себе корма. В общем, животных только подкармливали, а не кормили, причем давали корм только овцам, затем телятам и дойным коровам. Впоследствии, с развитием скотоводческого хозяйства, заготовка корма на весь зимний период была усвоена как хозяйственное правило. Но и то лишь для определенного вида скота, для овец. Затем эта традиция переходит на крупный рогатый скот, а еще позже на лошадей. Хозяин, не заготавливающий корма на зиму, уже считается нерадивым, безхозяйственным человеком.

Совершенно справедливо указывает Ф. К. Волков, что одну из главных сторон украинского хозяйства составляет заготовка запасов сена на зиму.<sup>1</sup> Это же можно сказать и об украинцах-переселенцах. Сено в их хозяйственном быту является одной из главных и насущных забот. Переселяясь в бывший Степной край, украинцы искали для своего хозяйственного обоснования прежде всего сена и свободных выгонов. С их точки зрения, луговые и сенокосные угодья считаются самыми ценными. В первый же год после переселения, они начали делить „траву“, тогда как пахотными угодьями они долгое время пользовались свободно, не прибегая к наделам. Многие переселенцы даже мотивируют свое выселение из Украины недостатком там сенокосов и свободных выгонов для скота.

Однако, здесь мы не находим заготовки сена, свойственной степной Украине и описанной в свое время Волковым. „Ори-

<sup>1</sup> Украинский народ. Т. II, стр. 470.

гинальную и в высшей степени красивую картину представляет собою в степи, под стеной высокой травы, длинная вереница стройных сильных косарей с их плавными ритмическими движениями“...<sup>1</sup> Вместо *косарів* здесь работают *косарки* (машины - сенокосилки), а вместо *грібиців* — *гребки* (конные грабли). Уборка сена до такой степени механизирована, что многие молодые хозяева не умеют косить; не во всех хозяйствах даже можно найти косу, а тем более исправную.

В уборке сена мы наблюдаем несколько совершенно разных по цели, по времени, по технике, по рабочей силе и по приемам выполнения трудовых процессов. Обычно их не различают, а просто обобщают под одним понятием: сенокос, уборка сена, страдная сенокосная пора и т. п. Тогда как трудовые процессы заготовки корма довольно сложны, выполнение их крайне дифференцировано и у различных народов идет по-своему.

Мы отметим следующие трудовые процессы, выполняемые самим человеком и совместно с животными при уборке сена: а) сенокосение; б) сушка сена; в) сгребание сена в *валки*; г) складывание в *копиці* — ради предохранения его от дождя; д) огребание и укручивание *копиць* (последнее чтобы предохранить от действий ветра); е) перевозка сена и ж) укладка в скирды или стога. Здесь мы привели наиболее полный список трудовых процессов (всего семь). Он естественно может быть сокращен: в зависимости от того, в каких это климатических условиях происходит, с какими видами растений имеет дело человек, в каких условиях рельефа происходит сенокосение и, наконец, какими культурно - трудовыми процессами владеет народ. Так, например, искусственная сушка не везде применяется: на севере она является естественной необходимостью, а на юге только в затененных и низменных сырых местах. Украинцы степной полосы искусственной сушки не знают.

Самое главное, что заслуживает внимания с точки зрения выявления тех или иных культурных взаимодействий, это техника, приемы пользования ею, распределение труда по полам и по возрасту. У одних народов применяется более совершенная техника—машины; у других более примитивная—

<sup>1</sup> Украинский народ. Т. II, стр. 471.

косы-литовки, горбуши. Одни косят „ручку за ручкой“, стараются правильно в ряд валить траву, как говорят, класть в „покосы“ (украинцы); другие как бы сбивают ее, совершенно не заботясь о том, куда она падает, лишь бы была срезана, а третьи (черкесы) выкашивают траву небольшими кругами (3—4 м в диаметре), сбрасывая ее в кучку и т. д. У одних, как, например, у украинцев, косят только взрослые мужчины и выражение *віин вже косарь* в приложении к молодому человеку, — по словам Волкова — означает признание его уже настоящим работником,<sup>1</sup> между тем, у великоруссов, на севере, и женщина принимает участие в сенокосении, а иногда исключительно она убирает сено.

Косят сено, главным образом, на *перелог*ах (суходольных лугах), а также на заливных и горных лугах, там, где они есть (с.с. Таврическое, Георгиевское). Но, как правило, этих сенокосных угодий не хватает для достаточной заготовки корма, и тогда прибегают к использованию *пустошей* (залежей), хотя они дают малосъедобное сено: полынь, осот и т. п. Иногда путем ухода за *пустошью* (мелкой ее вспашкой или бороньбой) удается повысить урожай более полезных сорняков, как, например, овсюга (дикий овес). В селе Георгиевском некоторые хозяева, желая повысить урожайность, орошают свои *пустоши*. Искусственное травосеяние здесь еще не привилось; только в селе Георгиевском был первый посев в 1925 г. — опыт удался, люцерна дала два хороших укоса. Крестьяне учли это преимущество люцерны перед естественными лугами, и теперь наблюдается усиленная тяга к травосеянию, но недостаток семян тормозит это хорошее начинание.

В первую очередь (4—8 июля) косят люцерну, так как в тамошних почвенно-климатических условиях вегетационный период ее более короток, чем трав естественных лугов. Во вторую очередь (10—15 июля) косят залежи, затем *перелог*и (15—20), горные луга и позже всех (около 25) заливные луга.

В машины-сенокосилки (фабричных марок Мак-Кормик и Деринг) впрягают пару лошадей и реже тройку. Работает на машине и правит лошадьми один человек. Ходят машиною кругом, по солнцу: начинают с одного из углов сенокосной площади; подойдя к другому делают поворот и т. д. В ре-

<sup>1</sup> Украинский народ. Т. II, стр. 471—472.

зультате такого движения, получается как бы спиралеобразное (с поворотами на углах) приближение машины к середине сенокосной площади. Одной сенокосилкой в рабочий день скашивают от  $3\frac{1}{2}$  до  $4\frac{1}{2}$  гектаров. Преимущество машинной уборки сена перед ручной заключается не только в быстроте и лучшем качестве работы, но и в том, что сено скорее и равномернее сохнет, так как, подрезав траву, сенокосилка не собирает ее в покосы, как это делают косари, а оставляет на месте, вследствие чего скошенная трава лежит тонким равномерным слоем по всей сенокосной площади.

Трава, скошенная в первую половину дня, при ясной солнечной погоде к обеденному времени уже высыхает. Чтобы не дать селу пересохнуть, его сейчас же гребут. Гребут сено обычно, так называемой, *гребкой* (конными граблями фабричных марок Деринг или Мак-Кормик), в которую запрягают одну, реже двух лошадей и ходят таким же точно образом, как и сенокосилкой. Грабли собирают, вернее, сгребают сено и волокут его с собою; проехав некоторое расстояние (20—30 м) в общем, в зависимости от урожая травы, они собирают, так называемый *валок*, т. е. сено, скатанное в форме вала. Чтобы оставить *валок*, рабочий, сидящий на граблях, легким движением ноги нажимает рычаги и поднимает зубья, которые, оставив собранное сено, снова опускаются и продолжают свою работу. Делая второй след рядом с первым, рабочий, по возможности, старается оставлять *валки* против предыдущих, с таким расчетом, чтобы концы их соединялись и составляли как бы продолжение одного цельного вала.

Раньше эта работа лежала на так называемых *грибцах*, женщинах и *дівчатах*; реже привлекались к этому девушки-подростки. Они вручную граблями сгребали сено. Такие работницы гребли довольно медленно, но весело — с песнями. Теперь их заменили конные железные грабли, которые, при одной лошади и одном рабочем, чаще подростке, с успехом справляются убирать сено вслед за сенокосилкой.

После того, как сено собрано в *валки*, его еще надобно сложить в *копиці*. Раньше эту работу выполняли мужчины, и довольно редко привлекались к этому делу женщины — на их обязанности лежало сгребание *копиць*. В настоящее же время и эта работа механизирована. Больших *копиць*, — как это было во время ручной уборки сена, —

теперь не кладут, а сволакивают *валки* в небольшие кучки от 130—160 кг. Теми же конными граблями едут по линии *валков* и стягивают сено „на кучки“, причем, чтобы чисто собрать его, едут в два, три следа. Рабочие оправляют эти кучки, придают им конусообразную форму, как наиболее удобную для предохранения сена от промокания во время дождя. После этой работы считают, что сено на сенокосе убрано — сложено в кучки, и дожди его испортить не могут.

После того, как предыдущие три стадии уборки сена закончены, остаются еще две: перевозка к месту зимнего содержания скота или временное хранение на сенокосе и укладка его в первом случае в скирды, а во втором в стога.

В тех случаях, когда уборка сена затягивается, а хлеб созревает и надо торопиться убирать его, то, чтобы скорее закончить с сенокосом, сено оставляют в степи, но, чтобы оно не сгнило, его мечут в стога. При этом выбирают место для стогов на сенокосе более или менее возвышенное, чтобы на случай больших дождей стога „не подходили“ водою.

К избранному месту копны сена стягивают волоком и мечут в стога. Стога в таких случаях разбросаны в одиночку по всему лугу и обнесены небольшим рвом — это мера на случай пожара в степи, что бывает нередко.

Сено, оставленное в степи на летнее время, свозят домой только после молотбы, в глубокую осень, иногда по снегу на санях. Но в последние годы крестьяне редко прибегают к этому способу временного хранения, так как он очень хлопотлив, — возникает совершенно лишняя работа. Поэтому стараются, во чтобы то ни стало, перевезти домой сено до уборки хлеба.

Перевозят сено на 4-метровых бричках с *риштогами* — верхними *драбинами*, в некоторых селах на лошадях (паре) (Таврическое, Белое), а в других на волах (Батурическое, Георгиевское, Васильевское). Подъехав на бричке до *копиці*, взрослый рабочий берет железными вилами из нее сено и *навильниками* бросает на бричку, а другой — подросток утаптывает его и *лаштуэ* — равномерно раскладывает по всей бричке. Сложив одну *копицю*, подъезжает к другой и т. д. На одну бричку складывают от 5 до 8 *копиць*, в зависимости от размера их и рабочих качеств волов или лошадей. В среднем, один воз сена равен 900—980 кг, что, при бездорожье на лугах, является не легким грузом для запряженных животных.

Если в семье нет свободного работника - подростка, то с задачей наложить воз сена справляется один человек: сложив *копицу*, он лезет на бричку, утаптывает и раскладывает его там, затем подъезжает к другой, третьей и т. д. Наложив воз, он увязывает его *бичовой* спереди назад, затем садится на воз и едет. В общем следует заметить, что *риштоги* представляют собою большое хозяйственное удобство, по сравнению с теми старыми средствами перевозки сена на деревянных возах, под *рублем*, какие были раньше типичны для Украины. Установка верхних *драбин* на бричке, как и сама бричка, дело рук немцев-колонистов южной Украины. От немцев украинцы-ковали на Украине позаимствовали идею и технику изготовления брички, а затем крестьяне-переселенцы занесли ее в Казакстан и другие места. На Кубани эти *риштоги*, или, как их там называют, *ход з верхними драбинами*, совершенно вытеснили перевозку сена, хлеба и соломы под *рубель*.

В с.с. Таврическом, Георгиевском, Белом и др. складывают сено в *городі* — во второй части усадьбы, там, где находятся ток и солома. Складывают сено в *скирды*, *шкурды* шириной в 3—4 м, высотой в 5—6 м, а длиной — в зависимости от количества сена — в 10—20 м. Украинские стога, украшавшие в свое время южно-украинские степи, здесь забываются. Эта форма кладки и хранения сена считается менее экономной по занимаемому под сено месту и менее удобна в отношении пользования сеном: чтобы брать сено со стога необходимо *росчать* его, т. е. начать брать сверху, вследствие чего весь стог раскрывается и подвергается влиянию непогоды. *Смикать ключкой* сено со стога нельзя, так как *підсмикав* одну сторону стога, хозяин рискует, что стог повалится на бок. Скирда же представляет то удобство, что, начав *смикать* сено с одного из поперечников, продолжают брать сено, пока не скормят всего. Если дневной расход сена большой, если оно сильно слежалось, и брать *ключкою* его довольно трудно, то тогда небольшую часть скирды, около  $1\frac{1}{2}$ —2 м, начинают сверху и по мере надобности берут до подошвы скирды. Покончив с одним *прикладком*, начинают другой и т. д.

Укладка сена в скирду производится следующим образом: подъехав с возом сена к тому месту, которое предназначено для скирды и став по ее продольному направлению,

работник сбрасывает вилами сено на землю. Другой, хозяйка или подросток, закладывает скирду, обычно часть ее, один *прикладок* — расстояние, равное 1,3 длины брочки. Кладут сено *навиляниками* по краям площади, предназначенной для скирды, затем заполняют середину; выполнив ее, снова закладывают края и заполняют середину и т. д. Таким образом получается с одной стороны, напластование одного слоя сена на другой и постепенное повышение скирды, а с другой стороны такой способ кладки, закрепляет стены скирды: масса сена, лежащая в середине, давит боковую и этим удерживает ее. Бока скирды не вываливаются. Чтобы стены скирды были ровные, их граблями *оббирают*, неплотно лежащее сено сгребают, а сами стены расчесываются, что придает им вид отделанности и законченности. Стены выводят вверх до 3—3<sup>1</sup>/<sub>2</sub> м с таким расчетом, чтобы они несколько расходились в стороны. Затем их постепенно затягивают вовнутрь и называют их уже не стенами, а боками скирды. К 5—6 м высоты скирды бока сводятся в крышеподобный гребень, лежащий по середине скирды и представляющий собою двускатную крышу. Умение вывести верх скирды, или как говорят украинцы *ви-віршити* ее, считается хорошим рабочим качеством.

Желая придать плотность бокам, рабочий, стоящий на скирде, раскидывает сено и все время ударяет по ним вилами— *прибиває боки*. Бьют по бокам изо всей силы и подтягивают каждым ударом сено боков в середину. Хорошо прибитые бока скирды во время дождей не так сильно замокают, как прибитые слабо. Кроме того, при слеживании сена на боках не образуются впадины, что предохраняет от излишнего гниения верхнего сена скирды.

Если у хозяина много сена, то скирда всегда состоит из нескольких *прикладків*. Порядок метания их, между прочим, такой: выведут, как выше сказано, стены скирды и немного выполняют середину, чтобы, на случай дождя, сено не затекло сильно, затем оставляют этот *прикладок* и начинают другой. Сложив 3—4 *прикладка*, выводят, как выше было сказано, общий верх скирды — *виришати* ее.

Сено, перевезенное во двор и сложенное в скирды, предохранено от потравы и гниения, но его еще надо оградить от вредного действия ветров, которые там бывают довольно частыми и сильными,—срывают верхи скирды, разбрасывают

сено и подвергают его опасностям дождя или снега. Чтобы ветер не разрушал скирды, хозяева прибегают к так называемому, *укручиванію* их. Для этого вьют из сена *перевесла* — веревки длиной около 10 м, в общем, с таким расчетом, чтобы, перекинув его поперек скирды, концы *перевесла* спускались бы по бокам ее до уровня  $1\frac{1}{2}$ —2 м от земли, где эти концы прикрепляют: выдернув из скирды небольшой пучок сена, крепко свивают его с *перевеслом* и затем туго засовывают в скирду.

Техника приготовления *перевесла* простая. Это наиболее примитивная форма витья веревок: выбирают сено из наиболее мягких и гибких злаков, складывают его в небольшую кучку, *одволожуют* — слегка поливают водою, а затем один рабочий становится у кучки, наполовину выдергивает из нее небольшой пучок сена и передает его другому рабочему, который, взяв его обеими руками, вращает его слева направо—вьет. Первый же рабочий в это время продолжает выдергивать пучки сена, не прерывая связи *перевесла* с кучкой и выдерживает определенную толщину его: 18—20 см в обхвате. В результате такой работы, *перевесло* постепенно удлиняется, рабочий, вьющий его, отходит от кучки все дальше и дальше, и когда длина его достигнет примерно 4 м, то процесс свивания непосредственно руками настолько затрудняется, что рабочий вынужден искать облегчения своего труда. Он берет обычные деревянные грабли, прикрепляет конец *перевесла* к одному из крайних зубьев и затем, не меняя положения, держась за *граблище*, производит кругообразное вращение граблями, что довольно сильно напоминает механическую работу колеса, применяемого при витье веревок. Времени на приготовление одного *перевесла* два рабочих затрачивают около 7—8 минут.

Таким способом заготавливают 15—20 *перевесел*, в общем в зависимости от длины скирды. Укладку *перевесел* на скирду производят следующим образом: один рабочий влезает на скирду, а другой на бричку, куда складывают все *перевесла*; последний привязывает конец *перевесла* к вилам и подает его вместе с ними первому. Взяв вилы, рабочий тянет к себе *перевесло* на скирду, затем половину его спускает вместе с вилами на противоположную сторону. Кладут *перевесла* одно от другого на расстоянии примерно одного метра. Но, кроме этого, еще *укручивают* углы скирды и *прицілки* —

поперечники ее. Для этой цели вьют *перевесла* вдвое короче, и один конец прикрепляют внизу точно таким же образом, как и в предыдущем случае, а другой—сверху на скирде заматывают за колышек, специально для этой цели вколоченный в сено.

Этот способ предохранения сена, реже соломы, а иногда и построек, покрытых в натруску соломою, от разрушительных действий ветра применяется на Украине, на Кубани у украинцев, а иногда и у черкесов. Весьма возможно, что это примитивное витье веревок из сена и соломы с целью защиты крыш и скирд от ветра будет обнаружено и у других народов, но пока этих данных в литературе нет, мы вправе будем считать его присущим украинской культуре. Наличие же этого явления у черкесов может быть объяснено украинским влиянием, так как в современном хозяйственном быту последних подобные влияния довольно часты.

Как ни проста украинская техника укладки сена в скирды и *укручиваніє* их, она все же в достаточной степени обеспечивает зимнее хранение сена под открытым небом и предохраняет от влияния дурной погоды: дождя, снега и ветра. Скирда, сложенная с соблюдением всех вышеизложенных технических правил, не промокает от дождя: капли дождя, падая на довольно острый гребень (верх) скирды, быстро стекают по ее покатым бокам (ребрам), обрываясь у наиболее выпуклой части (где бока переходят в стенку) и падают отвесно на землю, не смачивая стен скирды.

По словам хозяев, сложенная по всем правилам скирда может простоять несколько лет под открытым небом, без всякого вреда для сена, конечно, исключая верхнюю часть, которая под атмосферными влияниями превращается в плотную, черную корку, уже совершенно несъедобную.

В условиях степного климата этот способ хранения сена, а также и соломы, надо видимо считать наиболее целесообразным и экономически выгодным, так как постройка специальных сараев-сенников в этом безлесном районе довольно дорога.

Следует однако, заметить, что, наряду с такой довольно аккуратной укладкой сена, существует и небрежная, когда кладут в скирды, не заботясь о правильной кладке, возведении стен и верха; не прибавляют боков, не *укручивают* и т. д. Это

нам приходилось наблюдать в хозяйствах, с одной стороны, небрежных, а с другой—хорошо обеспеченных сеном, легко им доставшимся. У таких хозяев на первом месте стоит скорость работы, а не аккуратность. На способе добывания других видов зимних кормов—соломы, мякины и зерна—мы останавливаться здесь не будем, так как эти продукты полеводства получают в хозяйстве, как результат его земледельческой деятельности. Поэтому техника добывания этих кормов рассмотрена при технике земледелия. Здесь только следует указать, что использование продуктов полеводства — соломы, мякины и зерна — в украинском скотоводстве применяется только после того, когда сенокосные угодья настолько сокращаются, что сена не хватает для прокорма скота. Словом, скотоводческие хозяйства прибегают к этому корму по нужде, когда наступает в хозяйстве несоответствие между количеством содержащихся животных и количеством имеющегося сена. До наступления этого экономического момента такие продукты земледелия, как солома и мякина, не имеют ровно никакой цены; их после молотбы бросают гнить в поле или там же сжигают. Так было, например, на Кубани, в Запорожье, на Дону и в других местах, где скотоводство вытеснялось земледелием.

#### Глава IV.

Причины замены волов лошадьми.— Использование лошади к верховой езде и в запряжке.— Обучение лошадей.— Волы и обучение их.— Ковка лошадей и волов.— Молочное хозяйство: инвентарь, доение коров.— Переработка молочных продуктов: масло, творог.— Собираение шерсти, стрижка.— Народная ветеринария.— Скотоводческие культы.

Рабочие качества лошади используются двояко: на лошадях или ездят верхом или их запрягают в бричку, плуг, сенокосилку, жнейку, каток и т. п. Упряжная лошадь в украинском крестьянском хозяйстве—явление сравнительно позднее. Только начиная с середины прошлого столетия, под влиянием развития земледелия, с одной стороны, и немцев-колонистов, с другой—начали крестьяне украинцы переходить от воловьей рабочей силы к конской. Замену волов лошадьми Волков объясняет исключительно обеднением украинских крестьян, для которых „расход на пару волов от 200 до 300 руб. не под силу, тогда как обыкновенную крестьянскую лошадку можно купить и за

50—60 руб.“.<sup>1</sup> По мнению Постникова, исследовавшего „южно-русское крестьянское хозяйство“ в начале текущего столетия, украинцы заменили волов лошадьми по примеру немцев-колонистов, что значительно ускорило полевые работы в период хлебной *возовыци*.<sup>2</sup> Сами же крестьяне мотивируют этот переход тем, что волы очень медлительны в работе: *на волах поки вийдиш на степ, так на конях можно повернуця до дому*. Такие объяснения мы слышали от крестьян-украинцев в Казакстане и казаков-украинцев на Кубани.

То, что современному темпу земледельческих работ воловья медлительность не гармонирует, это вполне очевидно. Перевозка с поля сена, хлеба, молотьба катками на *току*, поездки украинцев-крестьян совершаются на лошадях рысью, вследствие чего работы выполняются значительно успешнее.

Что касается верховой езды на лошадях, то на Украине она известна с давних времен и связана исключительно с военным делом. Еще в древней Руси княжеские дружины выходили на ратное дело на конях. Легенда о смерти Олега, о храбрости и удали Святослава, прекрасно „как скиф“ ездившего верхом и спавшего, подложив седло под голову, свидетельствуют об этом. Но наибольшего развития верховая езда на Украине достигла в казацкий период. Украинцы, сталкиваясь со своими степными соседями, кочевавшими в причерноморских степях, заимствовали у них тип турецкого седла и приемы верховой езды, в частности, посадку.

В настоящее время крестьяне к верховой езде прибегают довольно редко, предпочитают запрягать лошадей в бричку, но обучение лошади начинается с верховой езды. Тавричане и георгиевцы в первые годы после переселения в Казакстан для обучения молодых лошадей приглашали казаков, а в настоящее время лошадей обучает своя молодежь. Обучают всегда зимою в глубокий снег. Сначала приучают лошадь к уздечке, держат ее на привязи, и после того, когда *неук*<sup>3</sup> привыкнет к уздечке, приступают к объездке. Выводят лошадь на улицу, взнуздывают, садятся на нее, всегда без седла, выезжают

<sup>1</sup> Украинский народ. Т. II, стр. 470.

<sup>2</sup> Южно-русское крестьянское хозяйство. М. 1907.

<sup>3</sup> Необученная лошадь.

в поле и объезжают до тех пор, пока лошадь не устанет. Потом возвращаются домой и так повторяют несколько раз. Учат лошадь в возрасте 1—1½ года. Если же с обучением лошади запоздали, то в возрасте 2—3 лет она становится строптива, и тогда обучают ее взрослые мужчины. Способ обучения здесь более сложный, чем в предыдущем случае. Седлают старую, хорошо объезженную лошадь, садятся на нее, привязывают к ней *неука*, выезжают в поле. Поездив некоторое время, дают как бы ознакомиться молодой лошади с седлом. Затем другой всадник садится на *неука*, берет поводья в руки и начинается самостоятельная езда. Верховой езде обучают всех лошадей в хозяйстве.

Трехлетнюю лошадь уже обучают ходить в запряжке: учат в период пахоты. В одном случае запрягают в плужницу вместе с рабочими лошадьми; для молодой лошади есть определенное место в плужной запряжке. Так, например, если пахут тремя парами лошадей, то молодая лошадь будет работать в средней паре и в борозде. В другом случае молодую лошадь запрягают в борону в паре с опытной. Такой способ обучения рабочего молодняка считается наиболее легким. Лошадь скоро привыкает к упряжи, приучается к равномерной тягловой работе, а присутствие старых рабочих лошадей действует на нее воспитывающе. Чтобы не надорвать молодую лошадь, ее запрягают со слабой или ленивой лошадью. Проработав пахотный сезон, такая лошадь хорошо свыкается с упряжью и работою, после чего ее можно запрячь в бричку, в дышло, вместе с опытной и смирной лошадью. Этим и заканчивается обучение — лошадь получает последний навык ходить на вожжах.

На лошадях украинцы - переселенцы совершают все полевые работы: пахоту, иногда посев (машинный), запашку семян, в некоторых случаях полку подсолнечников, бахчей и т. д., машинный покос сена и хлеба, сгребание, перевозку, молотьбу. На лошадях же совершаются все хозяйственные поездки на мельницу, в город, перевозка строительного материала во двор, поездки по различным делам к другим хозяевам, в гости и т. д. В общем, использование рабочей лошади в украинском хозяйстве довольно широкое и самое разнообразное.

Вопрос о времени применения в восточно-славянском, а, следовательно, и в украинском хозяйстве, рогатого скота, в ка-

честве рабочего, в науке остается открытым. Мы до сих пор не знаем, с какого времени украинцы начали разводить серый степной скот и у кого они заимствовали эту породу. Разводили ли они какую-либо другую породу до серой или нет? Нам это тоже не известно. Наиболее древние упоминания о рогатом скоте на территории современной южной Украины встречаем у Геродота, посетившего Скифию в V в. до н. э. Но Геродот<sup>1</sup> пишет о скифском комолом скоте и ничего не говорит о сером степном, который, как известно, родственен греческому скоту. Очевидно, в то время серого скота в причерноморских степях еще не было. От Геродота же узнаем, что скифы запрягали быков.<sup>2</sup> Летописец Нестор, говоря о том, что обры „примучивали дулебов“, упоминает о волах. Следовательно, в ранний период Киевской Руси рабочие волы были уже известны.<sup>3</sup> Оставляем в стороне этот большой давности и мало исследованный вопрос, так как более или менее удовлетворительное его разрешение мыслимо лишь при специальном изучении восточно-славянской скотоводческой культуры.

Украинцы - переселенцы принесли с собою из Украины способы и навыки применения рогатого скота, как рабочего.

Приступая к обучению молодых волов, хозяева сначала *паруют их*, подбирают пару одинаковых волов по возрасту, нраву и комплекции. Затем приучают их к *налигачу* — *налигують* и ставят волов к яслям; на *налигачі* водят их на водопой. После того, когда животные *пообвыкнули* ходить на *налигачі* и до некоторой степени сдружатся, их обучают в запряжке. Обучают быков в возрасте трех лет и обычно в зимний сезон. Делают это мальчики-подростки 10—15 лет, которые собравшись группой в 5—8 чел., запрягают быков в сани, выводят их за село километров на 3—5, садятся все на сани и пускают быков. Быки, что есть сил, рысью бегут в село; пробежав 3—5 км, они устают и становятся покорными. Продолав в течение зимы 4—5 таких пробегов, волы ознакомятся с ярмом, а весной их запрягают в борону или в буккер, плужницу. К сенокосу молодые волы уже обучены;

<sup>1</sup> История девяти книг. Перевод Мищенко. Т. I, стр. 327.

<sup>2</sup> Там же, стр. 310.

<sup>3</sup> Ипатьевская летопись временных лет. Древние тексты летописи Нестора, стр. 5.

их запрягают в бричку и возят сено. Чтобы молодые волы вдруг не побежали в сторону от дороги, их привязывают к передней бричке и тогда они идут правильно по дороге. Иногда во время перевозки сена их ведут в руках, держа за *налигач*, или же привязывают веревки за рога наподобие вожжей и правят волами, сидя на бричке. После года работы волы настолько привыкают к хождению в ярме, что идут сами по дороге, и если хозяину понадобится остановить их, свернуть с дороги вправо или влево, то он этого достигает командой, которую хорошо знают волы: в первом случае говорит *тпру*, во втором — *цабе* и в третьем — *соб* или *цоб*.

Однако, на волах в настоящее время переселенцы выполняют довольно ограниченный круг работ. На них пашут, боронят и перевозят сено, значительно реже хлеб, некоторые хозяева возят на рынок зерно, вот и все. Волы теперь, как рабочий скот, играют в хозяйстве второстепенную роль. На первом месте, как мы выше видели, стоят лошади, которые имеются в каждом хозяйстве, а волы в меньшинстве: 30—40% в селе Георгиевском и 5—10% в селе Таврическом. Эти два села, по нашим наблюдениям, служат показателями максимального и минимального использования воловьей рабочей силы. В остальных селах и поселках процент хозяйств, имеющих рабочих волов, колеблется между 15—20. Теперь главная цель выращивания волов, по нашим наблюдениям, лежит не в их рабочих качествах, а в рыночной ценности. Воспитав волов до 5—6-летнего возраста, хозяин, кроме частичного использования их в качестве рабочей силы, может выручить за них от 300 до 500 руб., продав их на убой.

В целях предохранения рабочего скота от дурного влияния твердых и скользких дорог — животных куют. Лошадей куют давно, а волов начали ковать лет 10 тому назад. Первых куют на осенний и зимний сезон, а вторых только на летний. Объясняется это тем, что волы привлекаются к работе преимущественно в летний период, когда в силу местных почвенно-климатических условий, дороги бывают очень твердые, иногда усеяны мелкими камешками, о которые волы особенно часто набивают себе копыта — *ратици*. Лошади обладают более твердой роговой оболочкой копыт и поэтому летние грунтовые дороги они переносят безболезненно. Но осенние и зимние дороги бывают настолько скользкие, что неко-

ванной лошадыю почти невозможно пользоваться. Поэтому ковка лошадей совпадает с этим периодом.

Волам делают гладкие подковы, состоящие из двух половинок, а лошадям цельные с тремя шипами — *гаками*. Чаще куют на все четыре ноги, но некоторые хозяева только на передние. Иногда не всех рабочих животных куют, а только тех, которых чаще берут в работу в эти сезоны. Ковку производят кузнецы, но многие хозяева покупают подковы и сами подковывают.

Молочное хозяйство украинцев-переселенцев построено исключительно на молоке крупного рогатого скота. Другие виды животных — овцы, козы, лошади — для этой цели



Фиг. 8.

Відро — подойник.

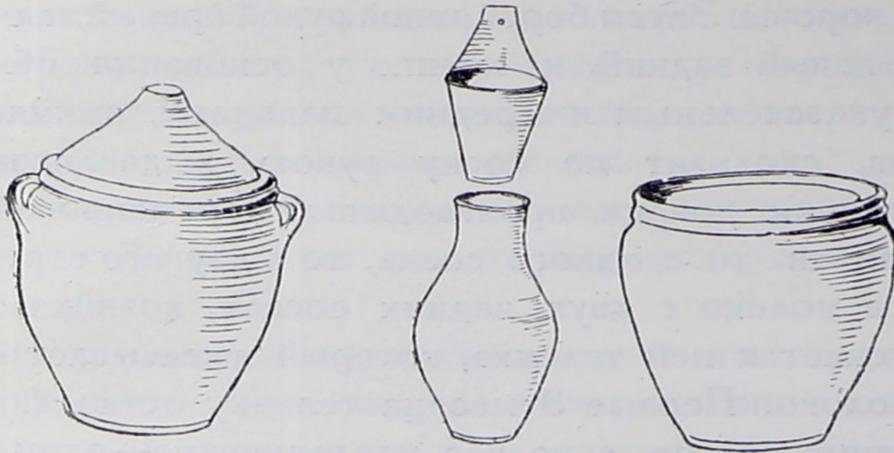
не используются. Выше мы уже указывали, в силу каких причин, по нашему мнению, не прививается доение овец, коз и кобыл.

Современное молочное хозяйство украинцев-переселенцев носит в большей степени промышленный характер, чем собственно потребительский. В связи с наличием в каждом селе и поселке маслодельного завода, так называемой *молоканки*, народная техника обработки молочных продуктов утратила свое значение. Население сбывает молоко на завод, где приготавливают из него

экспортное масло, сбываемое в города Европейской части Союза и за границу. Само население редко пользуется этим маслом, так как оно привыкло только продавать молочные продукты, но не покупать их. Поэтому заводы, наряду с их положительной стороной имеют и отрицательную. Многие хозяйки настолько увлекаются сбытом молока, что не оставляют его для дневного пропитания своих детей, не говоря уже о том, что они не видят масла.

Молочный инвентарь — ведра, *цідилки*, кувшины, *золінники*, *макітри* изготовляются кустарями. Только два предмета молочного дела — *корість* и *вёорочк* делают сами хозяева. Для доения молока употребляются ведра-подойники, сделанные из оцинкованного железа (фиг. 8). В хозяйстве их имеется от 2 до 4 шт. *Цідилок* сделан из белой жести и служит для процеживания молока. Кувшины *гличики*, *макітри* и *золінник* изготовляются местными гончарами

и служат: первые для разливания молока, вторые для соби-  
рания сметаны и приготовления масла, а третий для его



Фиг. 9. Золінник — сосуд для масла;  
цідилок; кувшин-сосуд для молока;  
макітра — сосуд для сметаны.

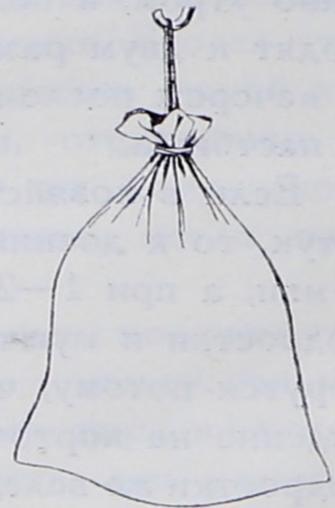
хранения (фиг. 9). *Корість* — веселко деревянное (фиг. 10),  
которым сбивают масло. *Ворочёк* — мешочек, сшитый из  
домотканного холста, размером 25 × 45 см; служит  
для отцеживания и отжимания творога (фиг. 11).



Фиг. 10.  
Корість.

Этот полный набор теперь можно встретить только  
у некоторых хозяев, которые в осенний сезон при-  
готавливают для себя домашним  
способом масло, сметану и тво-  
рог — *сир*. Большинство же хо-  
зяек имеет только ведра-по-  
дойники и цедилки; приборы  
же, необходимые для перера-  
ботки молочных продуктов, им  
не нужны, так как они постоянно  
сбивают молоко на завод.

Способ доения коров.  
Все коровы доятся до телят.  
Подпускают теленка, он стано-  
вится с левой стороны, а доярка  
подходит к корове с правой; ла-



Фиг. 11. Воро-  
чёк с творогом.

ская, прикасаясь к ней рукою, поглаживая, садится она на кор-  
точки; подобрав и зажав заднюю часть юбки между согнутых ног,  
она ставит ведро между коровою и собою. Затем доярка берет

два задние соска, а теленок сосет передние. Корова, почувствовав сосание теленка, *припускаэ* молоко. В этот же момент, легкими ударами по ногам или шее *отбивачем*,<sup>1</sup> доярка отстраняет теленка от коровы. Затем берет левой рукой правый задний сосок, а правой—левый задний, и крепко у основания обхватив их большим, указательным и средним пальцами, сжимает, потягивая вниз, скользит по соску рукою, выдавливая молоко. Такие движения доярка производит попеременно обеими руками, выдаивая то с одного соска, то с другого струи молока. Выдоив все молоко с двух задних сосков, хозяйка оставляет корову, пускает к ней теленка, который высасывает оставленное ему молоко. Первые 3 месяца теленку оставляют молоко двух передних сосков, а во все последующие—один сосок.

Есть *лукаві* коровы, которые не отдают доярке всего молока — оставляют теленку. Чтобы заставить такую корову *припустить* молоко, доярка прибегает к обману: оставляет корову и пускает теленка. Как только теленок начнет сосать, корова *припускаэ* ему молоко, и тогда доярка отбивает теленка и снова приступает к доению, и на этот раз выдаивает все молоко. Проголодавшихся и очень беспокойных телят, которых нельзя отбить *отбивачем* от коровы, привязывают веревкой за шею и отводят к столбу, где они отстаивают время доения.

Первые две недели после отела коров доят три раза в день: рано утром, в полдень и вечером. На третьей неделе переходят к двум разам в день: рано утром до восхода солнца и вечером после захода солнца, вообще, после прихода скота с пастбища.

Если в хозяйстве много коров, от четырех до двенадцати штук, то к доению приступают сразу все взрослые женщины семьи, а при 1—2 коровах справляется одна доярка. Старухи, подростки и мужчины коров не доят. Старухи за это дело не берутся потому, что они вследствие старости неповоротливы; сидение на корточках и вообще доение для них дело трудное; подростки же вследствие слабости рук не в состоянии выдоить молоко, а мужчины, в силу культурно-бытовых традиций, считают это дело женским и потому за него не берутся.

Надоив ведро-подойник, доярка несет молоко в хату. Процеживает, разливая по кувшинам, если молоко идет для упо-

<sup>1</sup> Отбивач—палочка около 40—45 см длины и 1—2 см в диаметре.

требления в пищу; если же молоко сбывается на завод, то процеживая, переливают в другое ведро, которое покрывают сверху куском белой материи и плотно обвязывают, чтоб туда не проникла грязь, и в таком виде несут на завод. Что касается гигиены доения, то, если соски у коровы покрыты пылью или грязью, доярка обмывает их, а обветренные, больные соски смазывает коровьим маслом.

Подойдя к коров, справившись с молоком, одна из доярок *залучає* телят — отделяет их от коров и загоняет в *телятник*.

Таковы способы доения и связанные с ним трудовые процессы и навыки, а также методы выкармливания телят, существующие в настоящее время у украинцев-переселенцев.

В результате переработки свежего молока, украинцы получают три молочных продукта, пригодных для употребления в пищу и заготовления их впрок: сметану, масло и творог. Кроме того, получают отработанные продукты — *сироватка* (сыворожка), *підсметанія* и *сколотини*, иногда частично используемые населением в пищу, но чаще всего идущие на корм свиньям и собакам.

Первая стадия переработки свежего молока построена на физико-химических и бродильных свойствах этого продукта; хозяйка только создает для этого благоприятные температурные условия и соблюдает время, необходимое для выделения молочных жиров и развития процессов брожения. Вторая стадия состоит из механических, трудовых процессов самой хозяйки: снятие сметаны, сбивание масла, отцеживание и отжимание творога. Третья стадия состоит из химического процесса соления и применяется в тех случаях, когда продукт (масло, творог) заготавливают впрок.

Чтобы получить сметану, кувшины со свежим молоком ставят летом в погреб, а зимою — в прохладную комнату, так как для успешного процесса выделения молочного жира и концентрации его в верхней части кувшина, а также для развития брожения и выделения воды необходима температура от 8 до 12°. При более низкой температуре бродильные начала задерживаются, а при высокой они настолько быстро развиваются, что молоко скисает, не дав в достаточной степени выделиться жирам. В первом случае молоко стоит около двух суток, что ведет к развитию в верхнем слое сметаны микро-

организмов, портящих этот продукт, придающих вкус горечи. Во втором случае хозяйство теряет большой процент жиров (более 10%).

В условиях нормальной температуры хозяйка снимает, „собирает“, сметану через сutki: берет из кувшина деревянной ложкой и кладет ее в *макітру*. Наполнив сосуд, хозяйка ставит его в истопленную русскую печь, чтобы сметана *оттопилась*, т. е. разогрелась и в результате этого выделилась бы вода в виде сыворотки. Вынув из печи и дав остыть, хозяйка сливает сыворотку и затем приступает к приготовлению масла. Садится на лавку, ставит возле себя *макітру* с *оттопленной* сметаной, взяв *корість* левой рукой у верхнего конца, а правой посредине, и кругообразными вращениями ее взбивает сметану. Взбивание продолжается около 25—30 минут, в общем, до превращения тягучей сметанной массы в комковатую. Комковатость взбиваемой массы есть признак концентрации масла в комочки. После этого в сосуд льют холодную воду и снова продолжают взбивание. Вскоре комочки масла механически соединяются в грудки, а затем хозяйка при помощи *корісті* постепенно делает из них одну грудку масла, которая плавает в воде. Последняя принимает белую окраску и приобретает несколько кисловатый вкус и вязущие свойства: в ней плавают маленькие крупинки масла. Вода эта называется *сколотини*, которые съедобны. Взбитое масло моют — освобождают *макітру* от *сколотин*, наливают туда чистой воды и той же *корістю*, разъединяя масло, моют его. Промыв один раз, переменяют воду, снова моют и придают ему шарообразную форму. Этим и заканчивается процесс приготовления масла.

Если масло желают сохранить впрок, то его солят и затем складывают в специальный сосуд — *золінник*.

Приготовление другого молочного продукта—творога, по местному *сира*, менее сложно.

После снятия сметаны, в кувшинах остается, так называемый *кисляк*, который сливают в большой чугуи и ставят в истопленную печь, чтобы *кисляк оттопился*, т. е. створожился. Створожившийся *кисляк* выливают в сито, предварительно поставленное на кадку или корыто. Сыворотка стекает, остается творог. Затем творог перекалывают в *ворочёк*, подвешивают его к чему-либо, а вниз подставляют сосуд для

стока сыворотки и оставляют в таком положении до тех пор, пока сыворотка не стечет. Но вследствие большой пористости творога полное освобождение его от сыворотки вышеуказанным способом не достигается, поэтому его еще отжимают. В том же *ворочке* творог кладут на дощечку, поперек положенную через лахань или корыто, и сверху придавливают 6—8-килограммовым камнем. Под тяжестью камня творог *отжимаэця* — прессуется, и почти досуха освобождается от сыворотки. Этим заканчивается приготовление творога—его уже можно употреблять в пищу.

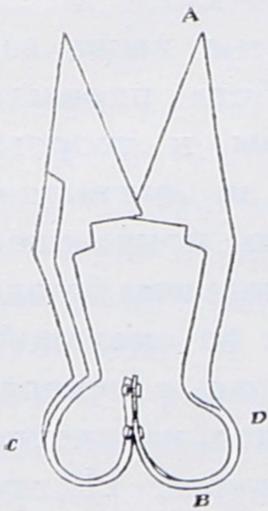
Творог, запасаемый впрок, солят.

Народный способ приготовления масла, как мы выше заметили, выходит из употребления—вся эта работа перешла к заводам. Способы же приготовления сметаны и творога еще бытуют в местном молочном хозяйстве, и, очевидно, будут сохранены еще долго. Население, искони привыкшее к употреблению творога в варениках, этом национальном блюде украинцев, в пирожках и сырниках, и непременно со сметаной, не может обойтись без этих продуктов. Творог же с сепараторного молока, которое хозяйки получают с заводов, население считает безвкусным, жестким и мало питательным. И это понятно—сепаратор тщательнее отделяет сливки от молока, чем домашний естественный способ отстаивания. В *кислякэ*, из которого готовится творог, всегда содержится, хотя и незначительный, процент сливок, чего нет в сепараторном молоке.

Собирание овечьей шерсти—*вовни*, у украинцев издавна имеет большое значение. Верхняя одежда, *полсті* и целый ряд других хозяйственных и бытовых предметов изготовлялась из овечьей шерсти. В связи со сравнительно высокой товарностью хозяйства украинцев-переселенцев, потребительское значение шерсти значительно понизилось. Зато рыночный интерес к этому товару сильно повысился; общий недостаток в Союзе этого сырья вызывает большой спрос на шерсть, а последний повышает ее рыночную стоимость. Некоторые украинские хозяйства учли это обстоятельство и переносят свое внимание на усиление овцеводства.

Стрижку овец производят два раза в год: весной—перед Николиным днем и осенью—в конце августа. Шерсть первой стрижки носит местное казакское название—*джебуга* (*жабагы*), которое в настоящее время усвоено украинским языком.

Избрав определенный день для стрижки овец, хозяева говорят *чабану*, чтобы он в этот день не уходил с *отарой* на пастбище. Сами же рано утром собираются, и каждый хозяин берет своих овец из отары, гонит домой и там их стрижет. Поймав и повалив овцу на землю, связывает ей обе передние ноги и одну заднюю, чтобы она спокойно лежала и не мешала стричь. Стригут железными ножницами (фиг. 12), сидя на корточках или на коленях. Стрижку начинают с задней ляжки. Берут в правую руку ножницы, подрезают ими шерсть у самой кожи, а левой,—по мере стрижки,—скатывают



Фиг. 12. Ножницы для стрижки овец.

AB = 25 см.

CD = 7,5 см.

шерсть в *руно*. Постригши один бок, переворачивают овцу на другой. Кончив стрижку, овцу пускают и затем собирают *руно*—куски оторвавшейся шерсти складывают в середину и скатывают его. При хорошем навыке стрижка одного животного продолжается от 15 до 20 минут. *Руно* шерсти весит от 1 до 1<sup>1</sup>/<sub>4</sub> кг весенней стрижки и около 600 г — осенней. Качество осенней шерсти выше, и на рынке она расценивается дороже весенней на 60—70%. После окончания стрижки, вечером, хозяева сгоняют овец к *чабану*; последний проверяет их количество и отмечает его у себя в списке.

Между двумя периодами стрижки бывает частичная стрижка ягнят, которых стригут по мере подрастания их. Для стрижки ягнят, овец по домам не разбирают, а каждый хозяин приходит рано утром к *чабану*, ловит своих ягнят и стрижет. Если в хозяйстве ягнят много, а работников мало, то стрижку продолжают несколько дней по утрам. Стригут овец преимущественно мужчины, но в исключительных случаях,—как, например, при отсутствии мужских рабочих рук в семье,—выполняют это дело женщины.

Народная ветеринария. Нам кажется, что введение этого термина в этнографическую литературу давно стало насущной необходимостью и что он, несомненно, привьется, подобно термину „народная медицина“. Народная ветеринария древнее научной и призвана к жизни непосредственным творчеством народного гения. Человек, сталкиваясь с домашними

животными, как хозяин, всегда был заинтересован состоянием их здоровья. Чем большее хозяйственное значение имеет тот или иной вид домашних животных, тем внимательнее относится к его здоровью хозяин. Научной ветеринарии, которая могла бы прийти на помощь, в те отдаленные времена, когда человек впервые сделался хозяином и стал следить за здоровьем животных, еще не было. Поэтому в одних случаях каждый владелец по-своему ставил диагноз болезни и прибегал к тому или иному средству лечения, а в других приглашал знахаря, шамана и т. п. лиц, обладающих опытом лечения. Разумеется, и сами хозяева и лица, славящиеся опытными врачевателями, часто терпели неудачи—принятые ими меры лечения не давали положительных результатов. Но наряду с этим были случаи и спасения животного от смерти. В конце концов у населения приобретался опыт для постановки диагноза той или иной болезни животного и для применения средств лечения, а сама болезнь получала определенное название.

Современная научная ветеринария должна бы, по примеру медицины, которая многому научилась у народа (работы клиники Боткина, диссертация Демича), заняться изучением народной ветеринарии, освободить ее от элементов суеверия и использовать положительные приемы и методы народного лечения домашних животных.

По приемам и средствам лечения, народную ветеринарию следует делить на эмпирическую и магическую.

Эмпирическая—лечение животных производится домашними лекарствами (растительными, минеральными) и хирургическим вмешательством.

Магическая—животных лечат заговорами, наговорами воды и ношением амулетов.

Для этнографа, подходящего к изучению народной ветеринарии не только с практической стороны, но и с культурно-исторической и философской точки зрения, оба эти способа лечения домашних животных имеют большой интерес. Но для врача-ветеринара интересными будут лишь эмпирические приемы.

У украинцев-переселенцев лечение домашних животных производится и при помощи врачей-ветеринаров (с. Георгиевское) и фельдшеров-ветеринаров (с. Таврическое и др.) и при помощи народных средств. Сейчас трудно решить—к народ-

ной ли ветеринарии чаще прибегает население за помощью или к научной.

Нам удалось зарегистрировать семь болезней (*залізняк, мишка, тилій, усиханіє лопатки, перекарм, обпой, кровь*), которые население само лечит, своими домашними средствами; но при заболевании животного другой какой-либо болезнью население обращается к ветеринарному врачу или фельдшеру.

Болезнь лошадей, так называемый *залізняк*, появилась в этом районе в 1913 г. Симптомы болезни: появляется опухоль под брюхом или на груди в виде бомбочки, которая довольно быстро развивается, распространяясь по всему брюху, доходит до головы, и если не принять своевременных мер, то животное умирает. Болезнь развивается быстро и длится от 1<sup>1/2</sup> до 2 суток.

Народное лечение: как только обнаружены признаки *залізняка*, то сейчас же кожу вокруг возникшей опухоли прорезают маленьким перочинным ножом; делают порезы или, вернее, прокалывание кожи через каждые 2—4 см. Затем в эти порезы сначала заливают французский скипидар, а потом запихивают под кожу мелкие комочки „синего камня“ (медный купорос  $\text{CuSO}_4$ ). После этого лечения опухоль спадает. Чтобы спасти лошадь от смерти, необходимо лечение начать сразу же, не позже 5—6 часов после появления; в противном случае принятые меры окажутся запоздалыми.

*Мишки* — болезнь лошадей — появляется после того, как вспотевшую после работы лошадь накормят или напоят. Симптомы болезни: лошадь падает на землю — все равно находится ли она в запряжке или на свободе; катается и бьется, а под ушами на венах, *пидвилицях*, появляется опухоль в форме небольшой мыши. Отсюда название самой болезни *мишки* (в украинском произношении). Если эту опухоль подавить руками, то она хрустит, словно ломаются маленькие косточки. Если болезнь протекает без лечения, то лошадь умирает через сутки.

Народное лечение: проколов опухоль домашней *швайкой*,<sup>1</sup> вращают ее там, как бы способствуя более скорому

---

<sup>1</sup> Колющий инструмент шорника; имеется в каждом хозяйстве для починки сбруи.

истечению крови, которая обычно течет с сукровицей и гноем. После такого лечения лошадь выздоравливает.

Ту же болезнь еще лечат при помощи массажа. Сильный мужчина берет опухоль в руки и усиленно разминает ее большими пальцами. При этом продолжает массировать до тех пор, пока не рассосется опухоль. Кроме этих двух приемов лечения, существует еще один способ: хозяин (если он не брезглив) берет опухоль в рот и разминает ее зубами до тех пор, пока она не разойдется.

*Тилій* — различают две формы: наружный и *сиридовой* — внутренний. В первом случае у лошади будет видна где-либо опухоль, а во втором она отсутствует.

Симптомы болезни: лошадь то ложится и катается по земле, то стоит невеселая, прикладывает голову к брюху и как бы прислушивается к тому, что там делается.

Народное лечение заключается в том, что на груди лошади собирают кожу в складку, прорезают ее насквозь ножом или прокалывают *швайкой*; затем в эту рану протягивают сученую из шерсти нитку, предварительно хорошо пропитанную французским скипидаром и оставляют в таком положении. Если лечение было предпринято своевременно, то положительный эффект наступает быстро. На груди образуется твердая шарообразная опухоль, из которой по торчащим концам нитки течет гной. В таких случаях говорят: „лекарство вытягивает изнутри болезнь“. Чем интенсивнее развивается процесс „вытягивания“, тем больше шансов на выздоровление животного. При отсутствии такого лечения, заболевшая *тилієм* лошадь суток через трое погибает.

Усыхание лопатки у лошади или, как говорят *лошадь спличилась* — болезнь медленная: у лошади развивается асимметрия лопаток (больная становится меньше); лошадь плохо владеет ногою и, наконец, начинает хромать. В результате болезни лошадь калечится.

Лечение заключается в том, что приросшую к кости кожу оттягивают и натирают французским скипидаром. Если болезнь зашла далеко и такое лечение не помогает, тогда прорезывают кожу, запускают пальцы под кожу и отделяют ее от кости, при этом рану заливают скипидаром. Спустя 1—2 недели лошадь выхаживается.

Лечение усыхающей лопатки заимствовано украинцами у казаков.

В случае перекорма лошади ячменем или пшеницей, она заболевает, теряет аппетит, становится невеселой — *журиця* и *падаэт*, т. е. болеет ногами, на которых образуются отеки. Перекорм чаще всего случается летом, когда лошадь, оставленная без присмотра и попав на ток, наедается большим количеством зерна.

Лечение: на лошадь садятся верхом и гоняют до усталости, по возможности, до сильного потения и очищения желудка от кала. Если испражнения лошади содержат в себе остатки мало-использованного зерна, то есть шансы на скорое выздоровление. В общем, чем раньше обнаружен перекорм и чем своевременно приняты меры, тем легче проходит болезнь. Но, если, паче чаяния, болезнь не поддается вышеописанному лечению, то больную лошадь лечат водою: устраивают ей естественные ванны. Утром до восхода солнца и вечером после захода, ее ставят в речку по брюхо и там она стоит от 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> до 2 часов. Это лечение продолжают до полного выздоровления лошади.

Лошадь, заболевшую от перепоя — *обпоя*, лечат таким же точно способом, как от перекорма. Гоняют ее до изнеможения, чтобы вызвать этим сильное потение. Таким образом, лечение рассчитано на функциональную деятельность потовых желез, при помощи которых организм лошади должен как можно скорее освободиться от вредного действия холодной воды.

Точно так же, если после потения лошадь не выздоравливает, прибегают к водолечению: ее ставят в речку, как было указано выше.

*Кровью* болеют крупный рогатый скот и овцы. Симптомы болезни: животное не жует жвачки, невесело, уши холодные, дыхание холодное, зрачки налиты кровью.

Народное лечение: растирают ухо до теплого состояния и затем режут его верхнюю часть с таким расчетом, чтобы хорошо вскрыть все вены уха. Если животное болеет *кровью*, то кровь пойдет струей, а в противном случае она будет истекать каплями и вскоре перестанет. Если диагноз был правильный — кровь из порезанного уха пошла струей, то ей дают возможность течь до тех пор, пока она струится. Но как только струя ослабнет, перейдет в капли, хозяин, желая продолжить кровотечение, искусственно его вызывает: берет па-

лочку и слегка ударяет по надрезанному уху—кровотечение продолжается. Первая кровь идет *пробілувата* — сукровица, а когда появится чистая, то „сбивание крови“ прекращается.

Сеанс такого лечения обычно длится от 1 до 1½ часа. Если лечение было начато своевременно и проведено правильно, то через сутки животное начинает есть корм и выздоравливает.

Этот способ народного лечения крупного рогатого скота и овец широко распространен на Украине и на Кубани и является главным в украинской народной ветеринарии.

Приведенные выше примеры народного лечения домашних животных выполняются самими хозяевами — „специалистов“ нет. Все вышеперечисленные случаи лечения носят эмпирический характер; магических приемов лечения мы не встречали.

В народном лечении, как можно было убедиться, первое место занимают лошади, а затем уже рогатый скот. Лошадь, вследствие разнообразных хозяйственных работ, чаще подвергается риску заболеть, а кроме того, ею, как рабочим животным, больше дорожат. Поэтому изыскивают всевозможные способы лечения ее, в результате чего удается напасть на правильные приемы лечения.

Скотоводческие культы и народная ветеринария—элементы родственные: то и другое, с точки зрения примитивного мировоззрения, призвано для охраны здоровья и жизни домашних животных, а также общего благосостояния скотоводства. Если народная ветеринария, считаясь с фактом болезни того или иного домашнего животного, принимает меры к его излечению, то скотоводческие культы имеют как бы профилактическое значение. Бытовое назначение культов заключается в том, чтобы предохранить животных от „дурного глаза“, заболевания и падежа, путем освящения, служения молебна, совершения различных обрядов, ношения амулетов животными, выставления охранительных предметов, введения запретных моментов и т. п.

Помимо целевой общности этих культовых элементов, они еще родственны своими магическими приемами воздействия. Как культы, так и та часть народной ветеринарии, которую мы назвали магической, в борьбе со злыми силами, посылающими болезни, или непосредственно представляющими их—обращаются к существу высшего порядка, благожелательно настроенному к просителю или покровительствующему самим живот-

ным. Поэтому скотоводческие культы и народная ветеринария заслуживают особого внимания этнографа, как сочетание магического и эмпирического способа воздействия человека на окружающую его естественную и отчасти им самим созданную среду: мир болезненных микроорганизмов, злых и покровительствующих духов.

В настоящее время у украинцев-переселенцев эти культы почти уже утрачены. До революции еще соблюдался обряд освящения животных в Егорьев день. Служили в церкви молебны о благосостоянии животных, затем, выходили с иконами и хоругвями на площадь, куда к этому времени сгоняли скот со всего села и пропускали его мимо священника, который кропил скот водою. Первым шел крупный рогатый скот, за ним овцы, последними лошади (устное сообщение крестьян Ф. Трегуба и А. Лахно).

Частично еще сохранилась вера в предохранительное действие конского черепа и черепа рогатого скота от влияния „дурного глаза“. Череп обычно вывешивают на изгородь загона, на видном месте. Характерно, что молодое поколение уже не знает значение вывешенного черепа. Только пожилые люди могут дать объяснение. Очень немногие хозяйки считаются с другим поверьем: не давать ничего из хозяйственных припасов и даже воды со двора в день отела коровы, чтобы этим сохранить молочность и здоровье коровы. Не забыты еще поверья, связанные с мастью скота и отношением к ней домового. Стараются разводить животных той масти, которая идет ко двору, т. е. которую любит домовый. Если животное без всяких видимых причин худеет, „не берет на себя тела“, то говорят, что оно „ни к шерсти, ни ко двору“, а потому его надо сбыть.

Все эти поверья и обряд освящения в Егорьев день известны и на Украине, откуда переселенцы, по их словам, и помнят их.

Несмотря на то, что современности переселения украинцев в Казакстан прошло только 35 лет, знакомство их с местными условиями, коренным населением края—казаками—и их культурой зашло уже далеко. Украинцы не только приспособивались к физико-географическим условиям, но и входили в соприкосновение с местной казакской культурой, усваивали наиболее приемлемые и существенные элементы хозяйства (мы говорим здесь только о скотоводческих).

С первых же дней своего поселения украинцы заимствовали у казаков основу всякого скотоводческого хозяйства—виды и породы домашних животных: лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, несколько позже верблюдов. Заимствовали более легкий способ кастрации быков и баранчиков, а также терминологию—название возрастных групп лошадей, название шерсти весенней стрижки и т. д. Часть украинских хозяйств, взявших скотоводческий уклон, перешла к тебеневке, как известно, казакскому способу зимнего содержания скота, но дополнив его частичным подкармливанием сеном. Эта экстенсивная форма выкармливания скота мыслима только в условиях земельного простора и хозяйственного расчета, построенного не на качестве, а на количестве скота, а кроме того, в условиях минимального применения человеческого труда для добывания средств существования.

Заимствовав зимний выпас скота у казаков, украинцы, чтобы создать себе удобства скотоводческого быта и обеспечить скоту теплые помещения в районе выпаса, по примеру казаков, обзавелись зимовниками. Но зимовники эти по своим планам, конструкции и удобствам, носят на себе резко выраженную печать украинского народного творчества и приспособления их к хозяйственным и культурно-бытовым запросам владельцев. Если казакский зимовник, вследствие сильного размножения насекомых *Pulex irritans*, совершенно непригоден для летнего пребывания в нем человека, то украинский, благодаря тщательному уходу за *хатой*—еженедельное смазывание пола—*долівки* жидкой глиной, смешанной со свежим коровьим пометом, как известно, в значительной степени препятствует размножению этих насекомых. Поэтому пребывание хозяев в зимовнике в летний сезон не только возможно, но, напротив, приятно, так как умеренно прохладная температура такого жилища дает возможность хозяевам укрываться от сильного дневного зноя.

Летний выпас лошадей украинцами, несомненно, введен под влиянием казаков, но система организации выпаса выработалась в процессе приспособления и в результате взаимоотношений этих двух чресполосно живущих народов.

Наконец, к числу украинских культурных приобретений, заимствованных ими у казаков, надо отнести способ лечения лошадей от усыхания лопатки.

Значительно слабее эффект обратного влияния в области скотоводства, но все же он существенен, так как эти заимствования производят перелом в казакском скотоводческом быту. Казаки заимствовали у украинцев следующее. 1) Заготовку корма на зиму. 2) Сочетание тебеневки с загонно-стойловым содержанием скота, так как до переселения украинцев (с.с. Таврическое и Георгиевское) казаки никакого корма для своих животных не заготавливали, а круглый год содержали их на подножном корму, вследствие чего при дурной погоде (метели, глубокие снега, гололедицы) они терпели частые падежи скота и в такие трудные моменты иногда за бесценку сдавали его украинцам, которые, имея корм, вызимовывали его (устное сообщение крестьян с Таврического Ф. Т р е г у б а и А. Л а х н о). Но в настоящее время многие казаки, соседи украинцев, хотя бы частично обеспечивают на зиму свой скот сеном или продуктами полеводства—соломой, мякиной, тогда как в других районах Казакстана, например, у адаев, по исследованию С. И. Руденко <sup>1</sup> и *жатак* (казак, переставший кочевать) главную массу скота пасут круглый год. Что касается вообще адаев, то, по тому же автору, <sup>2</sup> большинство их корма на зиму не заготавливают; скот круглый год находится на подножном корму. 3) Казаки заимствовали машинную технику уборки сена. Наиболее состоятельные хозяева, по примеру украинцев приобретают сенокосилки и конные грабли; иногда этот инвентарь в подержанном виде покупается у украинцев. Эти машины, как известно, чрезвычайно облегчают работу по заготовке корма на зиму, а, кроме того, дают возможность использовать для этой цели сенокос с редкой и низкой травой. Поэтому в украинском хозяйстве при помощи сенокосилки площадь сенокосных угодий значительно расширена, так как машиной скашивается такая низкая и редкая трава, что при уборке косою она не окупила бы расходов и вообще с нею не стали бы возиться. Украинцы в машинной уборке сена являются пионерами этого дела для всего исследованного нами района; у них учатся не только казаки, но и коренные крестьяне—сибиряки. 4) К заимство-

---

<sup>1</sup> Казаки. Антропол. очерки. С. Ф. Баронов, А. Н. Букейхан, С. И. Руденко. Собрн. I. Мат. ОКИСАР, 1927, стр. 9.

<sup>2</sup> Там же, стр. 8.

ваниям относится и приобретение казаками у украинцев лучших производителей — баранов, быков, а иногда и лошадей. Украинцы, как выше мы отметили, позаимствовав киргизскую породу рогатого скота, овец и лошадей, потом облагородили их более культурными породами. Теперь казаки, желая улучшить свой скот, получают от украинцев свою же породу, но облагороженную новыми хозяевами.

Перечисленными хозяйственными элементами, в сущности, и ограничивается культурное взаимовлияние украинцев и казаков. Украинцы, несмотря на то, что имели более развитое скотоводческое хозяйство, не чуждались заимствований у своих соседей. Более сдержанными в этом отношении оказались казаки; консерватизм помешал им широко использовать более культурное соседство.

Что касается перспектив дальнейшего культурного взаимоотношения, то каковы бы ни были будущие исторические судьбы сожительства казаков и украинцев, они неизбежно должны привести к одному — к прогрессу и сближению хозяйственных форм и быта. Приспосабливаясь к местным физико-географическим условиям и экономическим требованиям современного мирового и, в частности, всесоюзного хозяйства, население вынуждено будет беспрестанно искать все новых и более совершенных как технических, так и трудовых приемов. Украинцы, как наиболее передовая часть населения этого района, будут служить примером не только в сооружении глинобитных построек, более активном и культурном ведении земледелия, но и в области скотоводческого хозяйства.

Достигнутые украинцами результаты в области улучшения местных пород не удовлетворяют их; они стремятся к дальнейшему совершенствованию своего скота. Способ зимнего содержания домашних животных также неизбежно будет совершенствоваться: современные пастбища и луговые и сенокосные угодья уже теперь не удовлетворяют многих хозяев — количество их недостаточно, а качество съедобной травы плохое. Украинцы пытаются его разрешить путем введения культурного травосеяния. В селе Георгиевском, как мы выше уже отмечали, два года тому назад впервые были произведены опыты травосеяния; местные крестьяне посеяли люцерну и клевер. Последний оказался непригодным в местных почвенно-климатических условиях, но люцерна дала хороший урожай —

сняли два укоса. Крестьяне вполне оценили хозяйственное значение этого кормового злака и, несомненно, в ближайшее десятилетие они заменят свои дикие сенокосы и залежи культурными лугами люцерны. Это в достаточной степени обеспечит их хозяйства потребным количеством доброкачественного сена. Кормление скота и уход за ним будут рационализированы. Развитие молочного хозяйства и связи его с рынком безусловно приведут местных крестьян к нормировочной даче корма, к использованию более концентрированных сельскохозяйственных продуктов: зерна, муки, жмыхов и т. п.

КазакИ также должны будут совершенствовать свое скотоводческое хозяйство и приспособить его к максимальному удовлетворению своих жизненных потребностей и запросов рынка, ибо натуральные формы хозяйства в современных экономических и культурных условиях немислимы. Сохранение экономической независимости и обеспечение дальнейшего культурного развития настоятельно потребуют как от руководителей казакского хозяйства, так и от самого народа интенсификации труда и максимального напряжения творчества в целях наилучшего использования естественных производительных сил республики. Ближайшие соседи казаков, украинцы, своим опытом и примером могут облегчить казакскому населению переход к более сложному и экономически более выгодному хозяйству.

Но для этого казаки, по примеру своих соседей украинцев, должны будут сделать следующее.

1) Обратить особенное внимание на облагораживание своего скота, путем прилива более культурных кровей, и, наряду с этим, на отбор лучших экземпляров своего скота, чтобы таким образом создать более выгодные в рабочем, мясном, молочном и вообще рыночном отношении породы домашних животных.

2) Иметь в виду, что улучшение пород местных домашних животных мыслимо только при повышении внимания к ним в отношении ухода: содержание в теплых, специально приспособленных для этой цели зимних помещениях, уборка их и чистка животных.

3) Осуществлять регулярное загонно-стойловое кормление скота в зимнем сезоне и своевременную заготовку в достаточном количестве доброкачественного сена на зиму. Проводимая в настоящее время землеустроительная работа должна

обеспечить казакские хозяйства луговыми угодьями и урегулировать пользование ими. Но не следует забывать, что эти меры обеспечат кормом казакский скот только на ближайшие 1—2 десятилетия, так как, с увеличением населения, современные земельные нормы будут дробиться, а потребность населения, в связи с его культурным развитием, будет расти. Следовательно, опять наступит хозяйственно-экономическая диспропорция: скота потребуется больше, чем будет возможности его хорошо содержать. Поэтому казаки должны теперь же озаботиться улучшением лугов путем их орошения, ухода за ними и, наконец, применения культурного травосеяния. Правда, последнее — пока только идеал, к которому казаки должны стремиться; для осуществления этой идеи понадобится 15—20 лет.

Однако, здесь же следует оговориться, что внедрение в казакский быт вышеперечисленных хозяйственных улучшений нами мыслится как постепенное культурное развитие, поощряемое правительственными органами, с одной стороны, и как культурно-хозяйственное равнение казаков по своим соседям украинцам, великоруссам, белоруссам и немцам, населяющим Казакстан, с другой. Начало уже сделано. Казаки научились хотя бы частично заготавливать корм на зиму и уже прибегают к покупке лучших производителей у украинцев.

В противном случае, казакское скотоводство и его хозяйство отстанут в своем развитии, что неизбежно приведет к экономической слабости казаков, а вместе с тем к культурной отсталости.

Наиболее серьезным препятствием на пути перехода к более сложным формам хозяйства для казаков надо считать труд. В условиях современного казакского быта труд является уделом женщины, а безделие обычно привилегией мужчины. Такое неравномерное распределение труда между членами семьи С. И. Руденко считает „серьезным социальным бедствием, грозящим многочисленными вредными последствиями для будущности народа“.<sup>1</sup>

Нам думается, что одним из этих серьезных бедствий казакского народа надо считать отсутствие достаточного активного творчества в хозяйстве—все делается по традиции, по инерции;

---

<sup>1</sup> Казаки. Антропол. очерки. С. Ф. Баронов, А. Н. Букейхан, С. И. Руденко. Сборн. I. Мат. ОКИСАР, 1927, стр. 28.

главная физическая сила, мужчина безразличен к труду. Как хозяйство в отдельности, так и культура в целом могут развиваться при условии постоянного, напряженного и активного труда всего народа.

В исследуемом нами районе бедняки-казаки, побывав батраками у украинцев, научились многим сельско-хозяйственным трудовым приемам, привыкли к постоянному труду, усвоили умение вести земледельческое хозяйство, включительно до пользования усовершенствованными земледельческими орудиями и машинами. В последние годы многие из бывших батраков обзавелись оседлым хозяйством, занялись земледелием и дают надежды на то, что их хозяйство будет развиваться. Весьма возможно, что казакская беднота явится тем земледельческим кадром, который, прочно осев на землю, поведет активный трудовой образ жизни и создаст смешанную скотоводчески-земледельческую форму хозяйства. Быть может, обедневшие казаки, присмотревшиеся и непосредственно поучившиеся у украинцев, сделаются проводниками улучшения казакского скотоводческого хозяйства. Этим мы, однако, не исключаем те середняцкие хозяйства, которые уже в настоящее время занимаются земледелием и с успехом пользуются усовершенствованными сельско-хозяйственными орудиями и машинами.

Итак, наличность взаимного культурного влияния украинцев и казаков есть залог дальнейшего развития экономического и культурного сотрудничества, столь в настоящее время необходимого Казакстану. Обширные степные пространства этой страны нуждаются в главной естественно-производительной силе—в человеке и в его активном труде.

---

## ПОСТРОЙКИ УКРАИНЦЕВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЮЖНОЙ ЧАСТИ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ГУБЕРНИИ

С. Н. Могилянская

Летом 1927 г. занимаясь обследованием быта украинцев-переселенцев в Казакстане, среди других вопросов, нами было уделено особое внимание постройкам переселенцев.

Переселенцы южной части Семипалатинской губ., среди которых нам пришлось работать, являются выходцами из южной, степной и земледельческой части Украины.

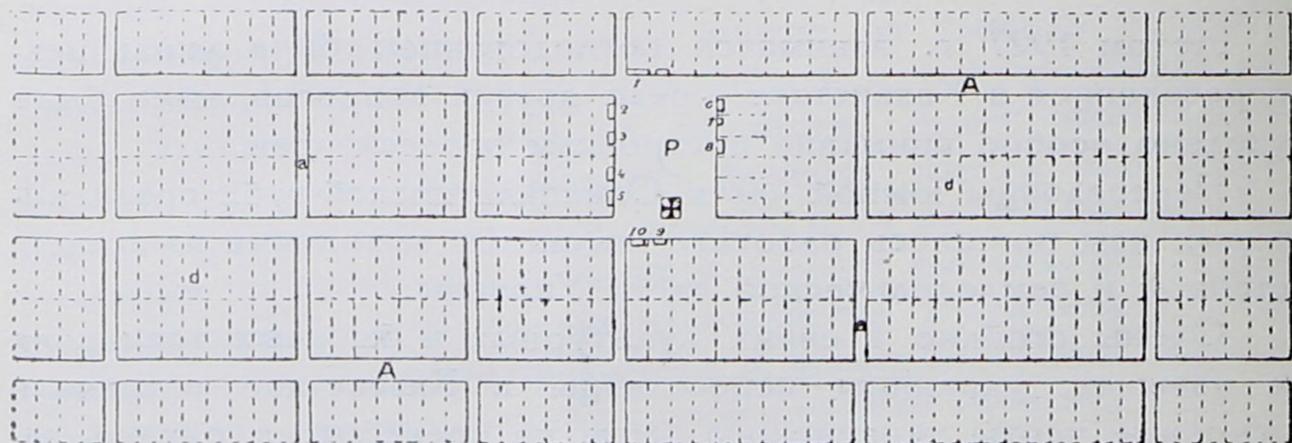
Очень стойкие в своих культурных и бытовых традициях и навыках, украинцы - переселенцы в Казакстане сохранили основные черты украинского быта, не пренебрегая, однако, заимствованиями у местного населения некоторых черт, используя его опыт и приспособленность к местным условиям.

Что касается села, его внешнего вида и плана, то села переселенцев - украинцев носят обычный тип южных, степных украинских сел, носящих в литературе название „линейных“, „степных“ или по М. А. Русову „strassedorf“. Центром села является площадь с церковью посредине и расположенными на ней сельскими учреждениями: сельский совет, почта, больница, школа и лавки. Улицы очень широки и расположены очень правильно. Во всю длину села тянется несколько главных улиц, шириной в 42,6 м, перерезанных более узкими *провулками* 21,3 м ширины.

В выборе места для села украинцы руководствуются прежде всего хозяйственными соображениями, из которых главное близость воды, реки или неглубокое залегание грунтовых вод в почве. Под село никогда не занимается земля, могущая быть использована для сельскохозяйственных целей, для пашни, выгона или сенокоса.

Более подробно вопросы о выборе места для поселения, а также все вопросы, касающиеся землепользования, рассмотрены А. С. Бежковичем в статье о формах землепользования украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губ.

Что касается отдельных усадеб, то план их вполне определен и размеры строго зафиксированы. Новые переселенцы присоединяющиеся к селу, или отделяемые, женившиеся сыновья, получают усадьбу соответственных размеров на краю уже имеющихся улиц или проулков, расширяя или удлиняя село, или образуя новую улицу, но во всяком случае не нарушая общего плана села (фиг. 1). Отдельная усадьба имеет вид прямоугольника, обращенного короткой стороной к улице, а длинной—к соседней усадьбе.



Масштаб



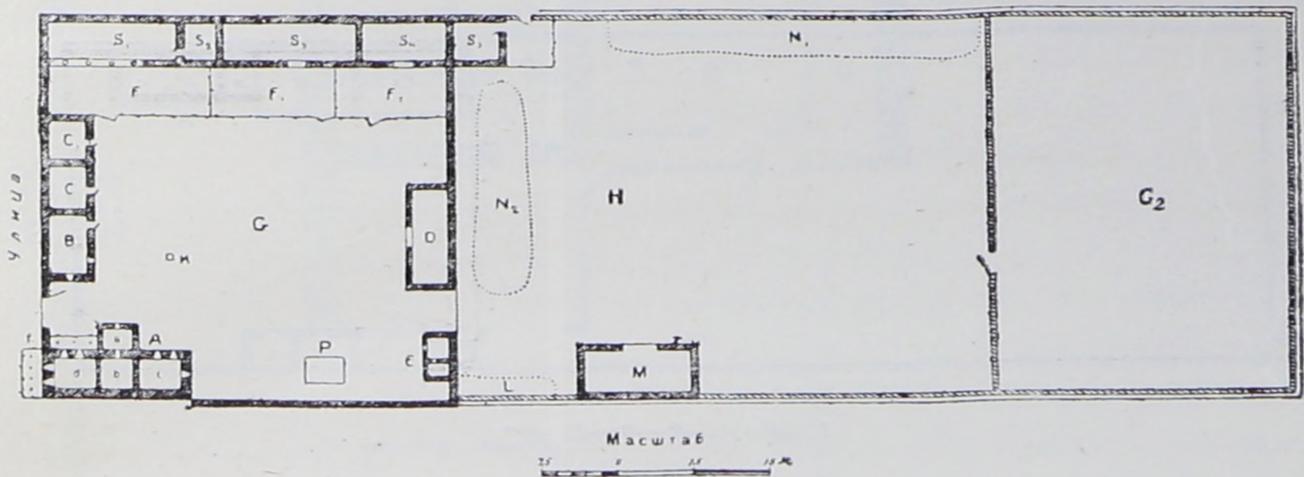
Фиг. 1. План с. Георгиевского, Усть-Каменогорского у. Семипалат. губ.

А — улицы; а — проулки; б — усадьбы; Р — площадь.

1 — Волостной исполнительный комитет; 2 — сельский совет; 3 — школа; 4 — больница; 5 — школа; 6 — сельско-хозяйственное т-во; 7 — потребительское о-во „Червонный Шлях“; 8 — народный дом; 9 — контора заготовки сырья; 10 — лавка Центроспирта.

Каждая усадьба делится на три части: *двір*—часть расположенная ближе к улице; *городчик* — расположенная в задней, по отношению к улице, части усадьбы, и самая задняя, *огород* — расположенный за *городчиком*. Иногда огород устраивается вне усадьбы, вдоль реки или на краю села. Размеры первых двух частей почти всегда одинаковы. В первой—во дворе, находится жилище и почти все хозяйственные постройки, но размеры ее не зависят от экономического благосостояния данного хозяйства; поэтому у более бедного хозяина двор бывает полупустым в то время как у зажиточного он весь застроен хозяйственными постройками. В *городчике* находится место для молотбы хлеба, т. е. утрамбованная земляная площадка, иногда там же помещается *ловник*—сарай для мякины, там же складывается кизяк и солома.

Наиболее типичным планом усадьбы является следующий (фиг. 2): направо или налево от входа во двор находится *хата* — жилой дом хозяина и его семьи. Вход в хату и большинство окон обращены на юг, иногда на восток или запад, но никогда не выходят на север, отчего и зависит положение хаты направо или налево от входа во двор. При переселении новый поселенец прежде всего строит себе жилище, но не всегда тот большой жилой дом, *хату*, который остается таковым на-



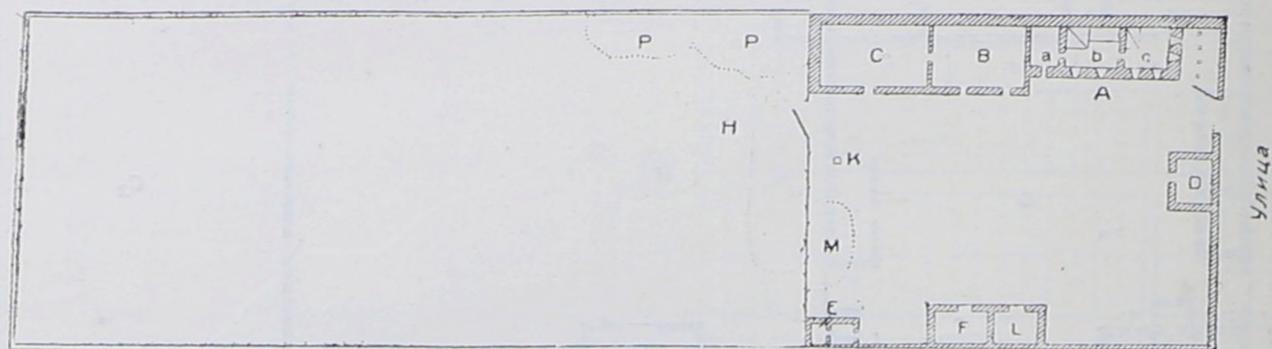
Фиг. 2. План типичной усадьбы.

- |                  |                             |                                      |
|------------------|-----------------------------|--------------------------------------|
| А — жилой дом.   | Е — баня.                   | F <sub>1</sub> — пригон для овец.    |
| а — сѣни.        | Д — завозня.                | F <sub>2</sub> — пригон для лошадей. |
| б — прихожа.     | к — колодец.                | f — полісадник.                      |
| с — мала хата.   | s <sub>1</sub> — коровник.  | М — сарай для мякины.                |
| д — вилика хата. | s <sub>2</sub> — тиллятник. | L — кизяк.                           |
| В — літня кухня. | s <sub>3</sub> — овчарня.   | N <sub>1</sub> — скирда соломы.      |
| с } — винбарь.   | s <sub>4</sub> — конюшня.   | N <sub>2</sub> — скирда сена.        |
| с <sub>1</sub> } | s <sub>5</sub> — свинюшник. | Н — место тона.                      |
| Р — погріб.      | F — пригон для рог. скота.  |                                      |

всегда. Часто место для него оставляется пустым, а строят прежде всего меньшую постройку, которая в будущем будет служить летней кухней, а зимой — помещением для новорожденных телят и ягнят.

Вслед за жилищем из хозяйственных построек прежде всего строят сараи для скота и амбары. Затем уже строится так называемая *завозня* — т. е. сарай, баня и *клуня* — т. е. сарай для мякины, который обычно строится не в первой части, во дворе, а во второй — в *городчике*. Прежде всего, по плану, стремятся застроить двор со стороны улицы. Затем, когда она застроена, заворачивают под прямым углом, и постройки ставятся на границе с усадьбой соседа. В последнюю очередь застраивается сторона двора, параллельная улице, по границе с *городчиком*.

Устойчивее всего в плане двора местоположение жилого дома — хаты. Она стоит всегда в передней части двора и меняется лишь направление ее, по отношению к улице, как уже говорилось выше, в связи с расположением относительно стран света. Чаще всего хата стоит короткой стеной — причілковой — к улице. Вход в хату со двора, с длинной стороны. Иногда хата поворачивается „спиной“ к улице и вход в нее располагается с противоположной улице стороны (фиг. 3). Возле хаты,



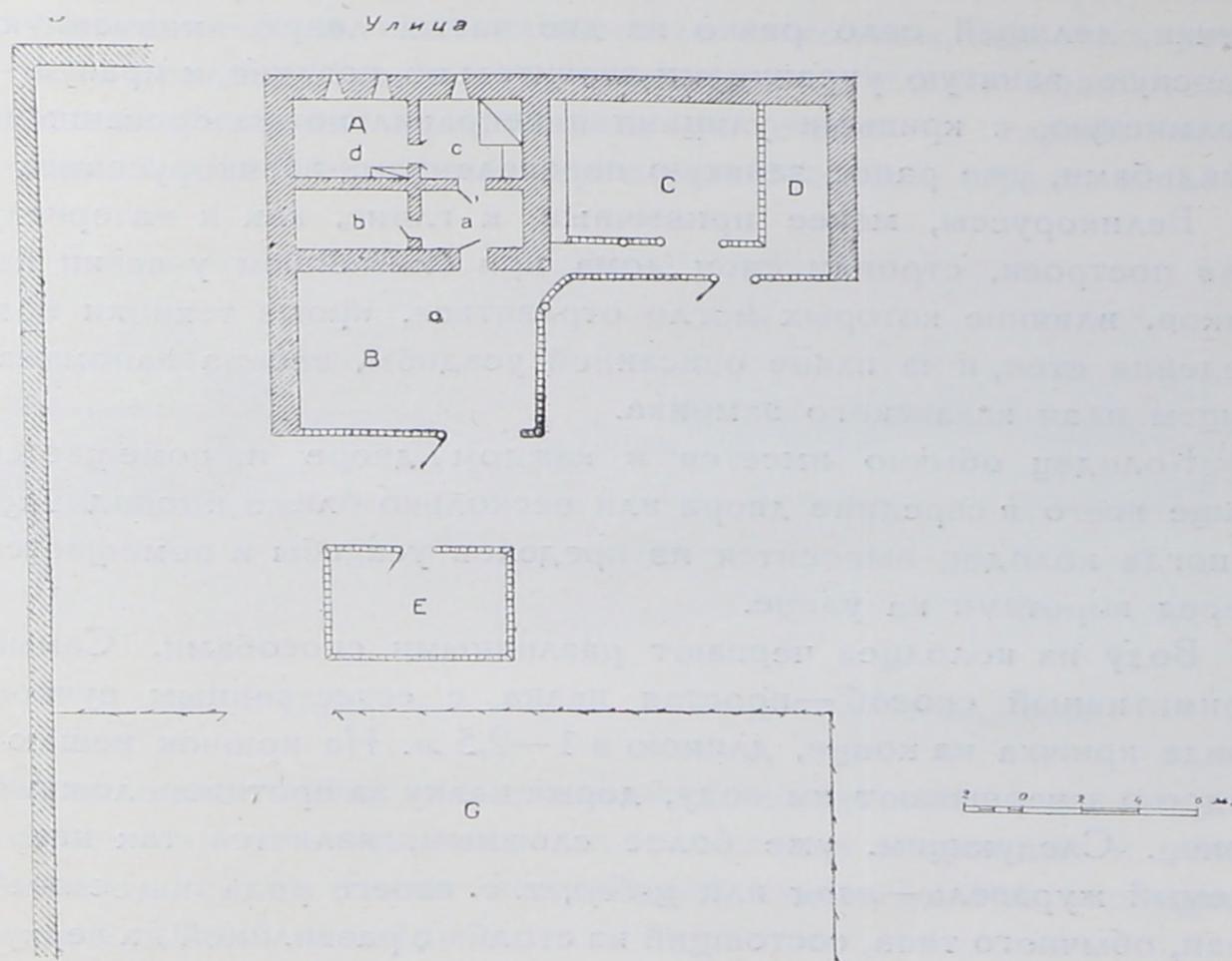
Фиг. 3. План усадьбы.

А — хата.	С — коровник.	К — колодець.
а — сіни.	Д — винбарь.	Н — тік.
б — хата.	Л — завозня.	Г — городчик.
с — друга хата.	Ф — овешник.	М — кізяки.
В — конюшня.	Е — баня.	Н — солома.

как правило, есть хоть небольшой садик *садочек* или, вернее, палисадник. Иногда там растет несколько больших деревьев, чаще же небольшие кусты — бузина, сирень и цветы *любисток*, *ноітки*, *васильки*, *мята*, *рута* и др. Расстояние между хатой и улицей (*причілковой* стеной) также различно. Часто *причілковая* стена выходит на улицу. Тогда палисадничек несколько выступает за пределы двора и захватывает часть улицы (фиг. 6). Иногда же хата отступает вглубь двора и *садочек* располагается за оградой. В некоторых случаях хата также несколько отступает от границы с усадьбой соседа и *садочек* обходит ее кругом, заворачивая на короткую сторону со стороны двора. В таком случае, в *садочке* часто пытаются разводить ягоды и фруктовые деревья: яблони, вишни, малину, но последнее плохо удается из-за суровости казакстанской зимы. Все, что за лето вырастает — за зиму погибает. Наиболее удачно уживается малина, но и та часто гибнет. Неудача с вишнями и яблоками, как нам кажется, объясняется тем, что переселенцы пытались раз-

водить здесь свои южные украинские сорта яблок и вишень, для которых разница в климате слишком разительна; если бы попытаться разводить более северные сорта, привычные к более суровым зимам, то они, наверно, дали бы положительные результаты.

В одном из сел, Георгиевском, вся передняя, прилегающая к улице часть дворов усажена деревьями — вербами, ясенями,



Фиг. 4. План усадьбы.

А — хата; В — пригон; С — сарай; D — свинюшник; а — сіни; b — кладова; c — хатина; d — хата; E — винбарь; G — городчик.

а дворы и хаты несколько отступают вглубь от улицы, которая производит впечатление аллеи среди степи.

Иногда хозяйственные постройки — сараи для скота, а главным образом конюшня — вытягиваются в одну линию с хатой, и из сіней хаты часто устраивается дверь непосредственно в конюшню, не выходя во двор (фиг. 4). Амбар в таком случае располагается где-либо недалеко от хаты и, как всегда, так, чтобы он, а особенно вход в него, был виден из окон хаты.

С такой усадьбой мы встретились в селе Николаевке и ее особенности легко объясняются ее происхождением. Жилая хата со-

единена в одно органическое целое со всеми постройками для скота под общей крышей, и даже вход в хату один со входом в конюшню. Отдельно от всех построек стоит только *вінбар*. Рядом с *сінями* имеется кладовка. Все эти особенности объясняются следующим: усадьба эта, хотя принадлежит сейчас украинцу-переселенцу из Киевской губ., но строилась не им самим, как и вся часть села Николаевки, расположенная на правой стороне речки, делящей село резко на две части: левую—низменную, плоскую, занятую украинцами значительно позднее, и правую—холмистую, с кривыми улицами и неправильно разбросанными усадьбами, уже ранее занятую переселенцами-великоруссами.

Великоруссы, менее привычные к глине, как к материалу для построек, строили свои дома при ближайшем участии казаков, влияние которых могло отразиться, кроме техники возведения стен, и на плане описанной усадьбы, весьма напоминающем план казакского зимника.

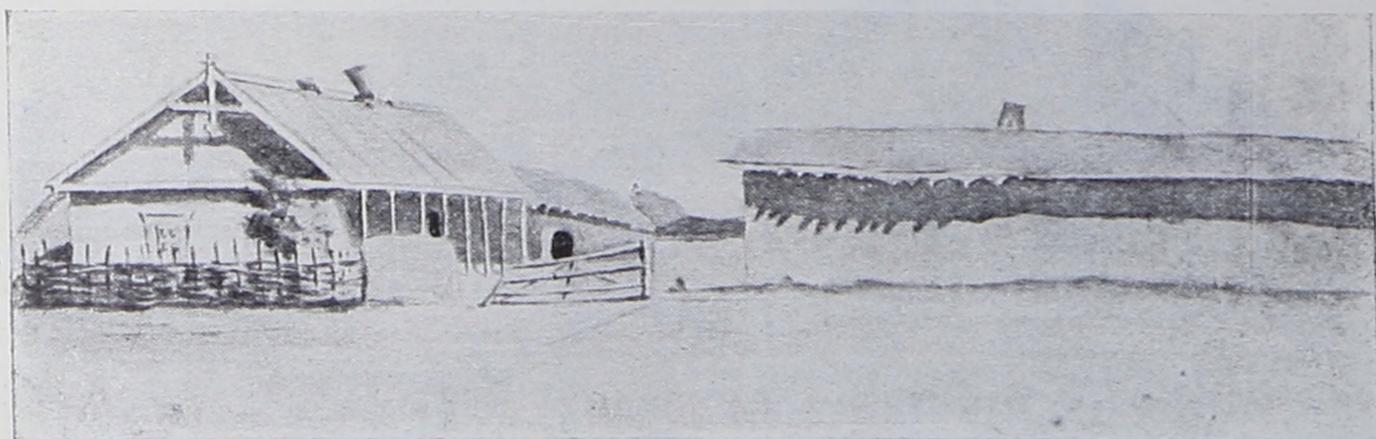
Колодец обычно имеется в каждом дворе и помещается чаще всего в середине двора или несколько ближе к *городчику*. Иногда колодец выносится из пределов усадьбы и помещается перед воротами на улице.

Воду из колодцев черпают различными способами. Самый примитивный способ—простая палка с естественным сучком в виде крючка на конце, длиною в 1—2,5 м. На крючок вешают ведро и зачерпывают им воду, держа палку за противоположный конец. Следующим, уже более сложным, является так называемый журавель—*звод* или *цебер*, т. е. своего рода подъемный кран, обычного типа, состоящий из столба с развилиной на верху. В развилину вкладывается более длинная и тонкая жердь, к одному концу которой прикрепляется груз, а к другому, торчащему вверх, палка с крючком для подвешивания ведра. Изредка встречается тип подъемного крана, в котором путем наматывания веревки, с ведром на конце, на вращающийся при помощи ручки деревянный вал, подымается вода (обычный великорусский тип). Колодцем часто служит просто наполненная водой яма, выложенная внутри неправильной формы камнями. Над поверхностью земли такой колодец не выдается вовсе. На зиму он покрывается досками, лежащими на земле. Иногда над таким колодцем ставится своего рода сруб—или вернее плетеная корзинка без крышки и дна. В обоих этих случаях, для подъема воды из такого колодца применяется простая палка.

В том случае, если стоит журавель — колодец обычно окружается досчатым ящиком, но внутри при этом он часто выложен камнем. Реже всего встречается бревенчатый сруб, выступающий на  $1/2$  м над землей и идущий до дна колодца. Такой колодец снабжен либо журавлем, либо подъемным валом.

Заборов и оград существует несколько типов, различающихся между собой по материалу: деревянные — досчатые, глинобитные, плетеные из лозы, валы сложенные из соломы, канавы и рвы.

Если усадьба (двор) отгораживается от улицы хозяйственными надворными постройками, то стены их служат естественной оградой и кроме них никакой другой ограды нет. Но



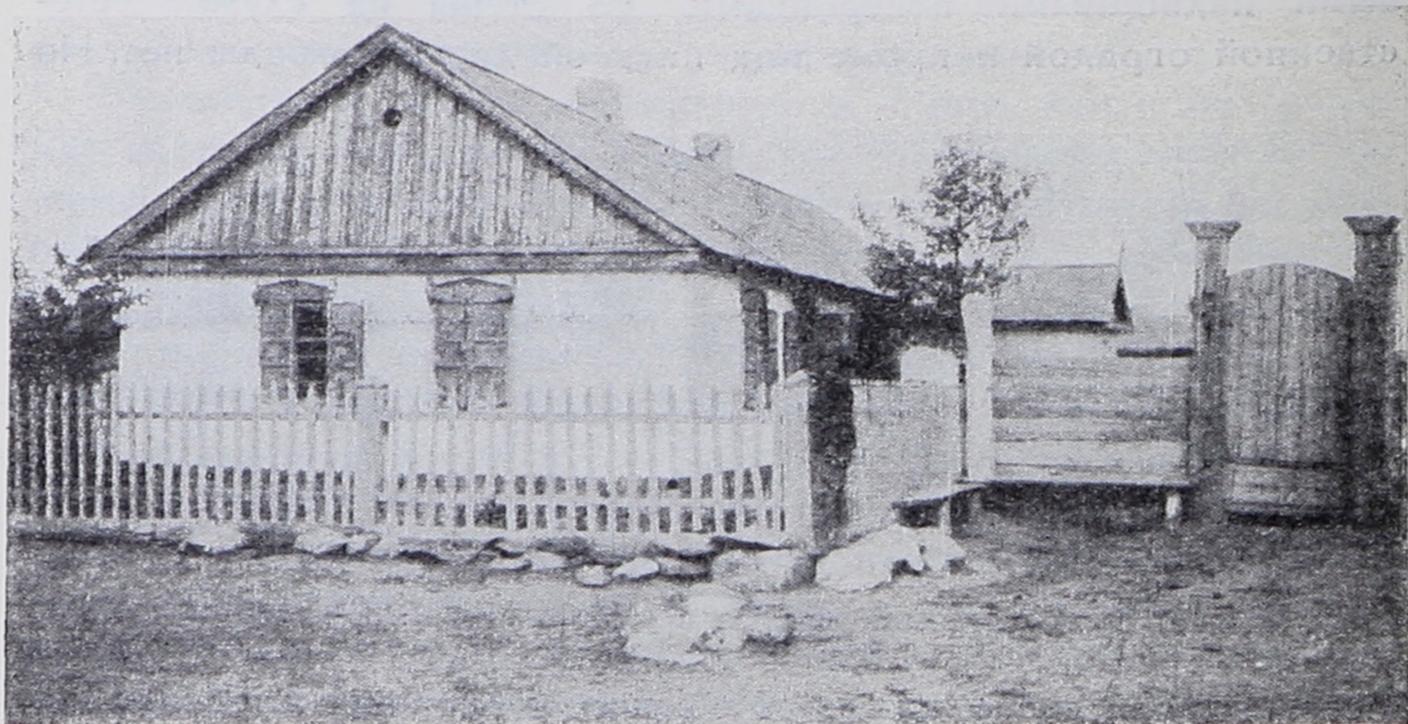
Фиг. 5. Общий вид усадьбы с улицы. Село Георгиевское.

все же такая стена до ворот обычно не доходит и ее продолжением служит стена глиняная, сложенная из вальков и обмазанная снаружи слоем полужидкой глины до 1 м в толщину и высотой 1,3 м и 1,5 м.

Такая же глиняная, т. е. вальковая, стена ограждает усадьбу с двух сторон перпендикулярных улице, там, где стены хозяйственных построек не служат естественной оградой.

Типичными воротами в усадьбу с улицы являются досчатые ворота но не сплошные, а обычного украинского типа, состоящие из трех столбиков, из которых два одинаковой высоты, расположены по краям, а один — несколько покороче — в середине. К ним в горизонтальном направлении прибиваются доски, между которыми остается значительное пространство. Затем доски эти скрепляются еще двумя досками, прибитыми к ним под углом. Ворота прикрепляются к стене петлями из лозы или веревки, в свою очередь прикрепляемых к столбу, крепко вкопанному в землю и приплетенному к плетню. Затворяются

ворота таким способом, что веревочная петля, привязанная к столбу ворот, накидывается на столб у стенки или у плетня. Изредка встречаются высокие досчатые сплошные ворота, великорусского типа, с одной калиткой на железных петлях; последние служат доказательством зажиточности хозяина, а так же некоторого влияния города (Усть-Каменогорска), и встречаются лишь в больших селах, как Таврическое и Георгиевское, да и то только в центре села, близ



Фиг. 6. Хата с двускатной крышей. Село Таврическое.

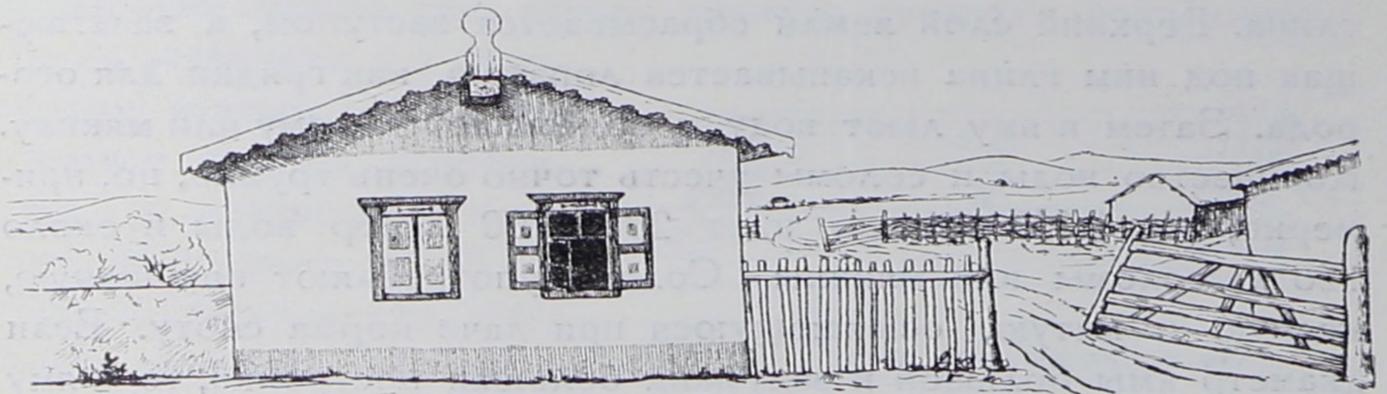
базарной площади, у хозяев, имеющих то или иное отношение к торговле и городу (фиг. 6).

Палисадник, если он не выходит за границу усадьбы, иногда бывает отгорожен от улицы той же глиняной стеной. Если стена хаты подходит близко к улице, то глиняная стена доходит только до угла дома, а палисадник отгораживает от улицы или частокол городского типа, из стоящих вертикально досечек, или невысокий плетень (фиг. 5 и 6). Палисадник со стороны двора отгораживается либо тоже плетнем, либо глиняной стенкой, но значительно более низкой, чем та, что отгораживает двор от улицы.

Городчик от двора также отделяется стенами хозяйственных построек или плетнем до 1 м вышины и имеет ворота расположенные против ворот с улицы во двор.

Городчик от усадьбы соседа отделяется оградой из глиняных вальков, или плетнем в 0,8—1 м. Если же усадьба расположена на углу проулка, и боковая сторона ее граничит не с другой усадьбой, а с проулком, то по этой границе бывает вырыта канава в 0,5 м шириною, а кроме того, по краю канавы со стороны городчика складывается невысокая стена-насыпь из старой соломы, в 50—80 см в ширину и около 1 м в высоту; иногда она поливается для прочности полужидкой глиной.

Как говорилось уже выше, основным материалом для возведения построек является глина, но употребляется она, не

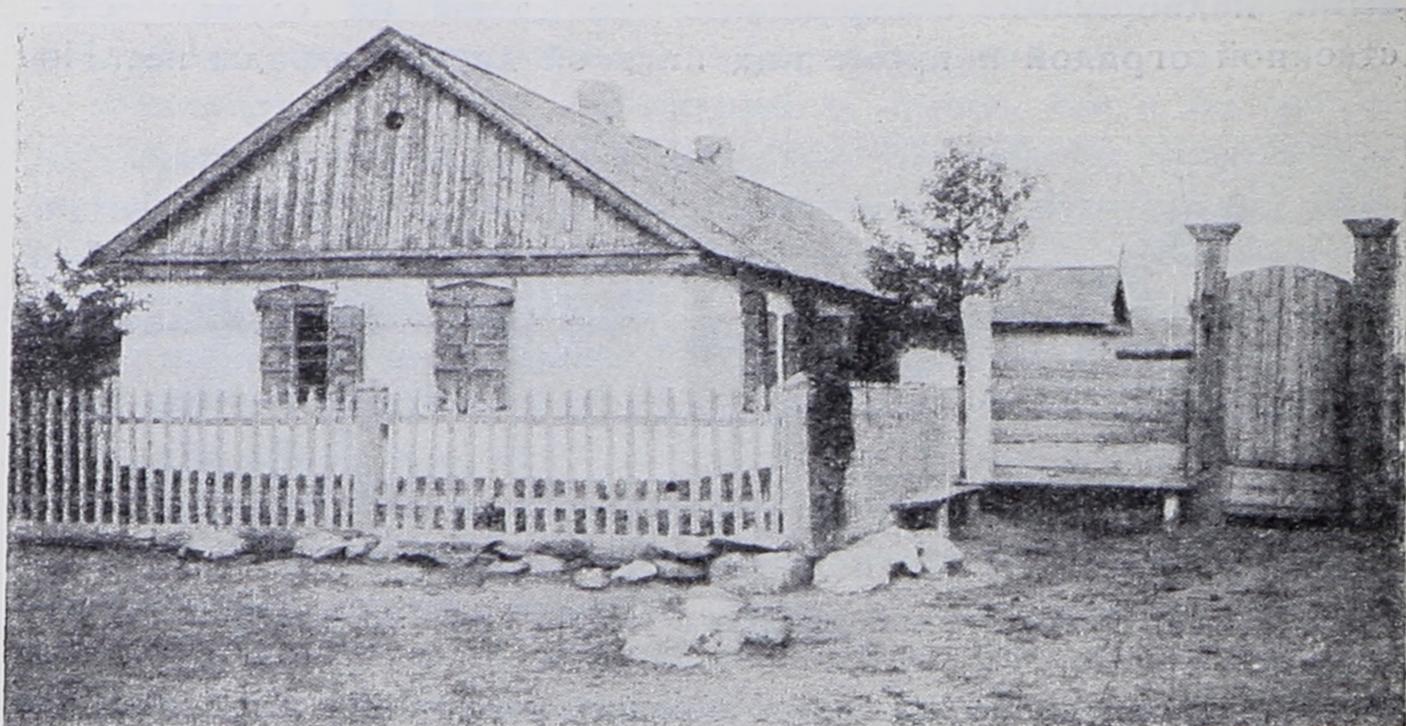


Фиг. 7. Общий вид усадьбы с улицы. Село Белое.

в чистом виде, а смешанная с соломой, мякиной или песком. Кроме того, для фундамента жилой постройки почти всегда употребляется необработанный камень кусками 30—45—50 см в поперечнике, доставляемый каждым хозяином своими средствами с отрогов лежащих вблизи гор. Жилых построек из такого камня, в противоположность казакским зимникам, мы не встречали вовсе. В селе Васильковке у одного из хозяев имеется хозяйственная постройка—сарай для скота из камня, сцементированного глиной. Сарай этот, по словам хозяина, был некогда жилым домом, но очень холодным. Последнее время в нем жила старушка-вдова; после ее смерти постройка стала нежилой и несколько лет пустовала, пока теперешний хозяин этой усадьбы не использовал ее, но уже не под жилье.

Для устройства окон и дверей, а также стропил для крыши, потолка и пола употребляется дерево—балки и доски, сплавляемые сюда по Иртышу, и ценящиеся весьма дорого; так, например, нетолстые осиновые или ольховые жерди для стропил крыши стоят по 30—40 коп. штука. Бревна для теса значительно дороже. Балки (дубовые) для матицы (сволока) от 1½ до 3 рублей штука.

ворота таким способом, что веревочная петля, привязанная к столбу ворот, накидывается на столб у стенки или у плетня. Изредка встречаются высокие досчатые сплошные ворота, великорусского типа, с одной калиткой на железных петлях; последние служат доказательством зажиточности хозяина, а так же некоторого влияния города (Усть-Каменогорска), и встречаются лишь в больших селах, как Таврическое и Георгиевское, да и то только в центре села, близ



Фиг. 6. Хата с двускатной крышей. Село Таврическое.

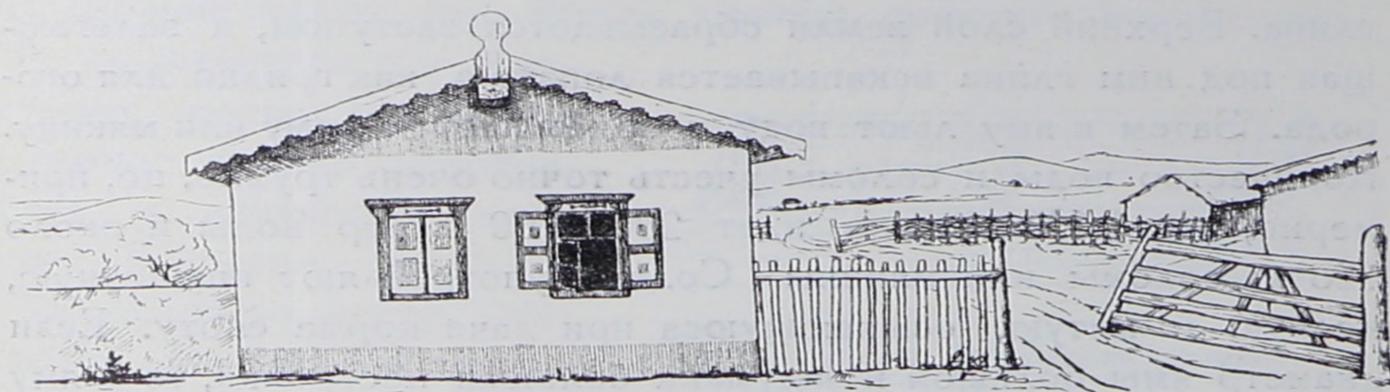
базарной площади, у хозяев, имеющих то или иное отношение к торговле и городу (фиг. 6).

Палисадник, если он не выходит за границу усадьбы, иногда бывает отгорожен от улицы той же глиняной стеной. Если стена хаты подходит близко к улице, то глиняная стена доходит только до угла дома, а палисадник отгораживает от улицы или частокол городского типа, из стоящих вертикально дощечек, или невысокий плетень (фиг. 5 и 6). Палисадник со стороны двора отгораживается либо тоже плетнем, либо глиняной стенкой, но значительно более низкой, чем та, что отгораживает двор от улицы.

*Городчик* от двора также отделяется стенами хозяйственных построек или плетнем до 1 м вышины и имеет ворота расположенные против ворот с улицы во двор.

Городчик от усадьбы соседа отделяется оградой из глиняных вальков, или плетнем в 0,8—1 м. Если же усадьба расположена на углу проулка, и боковая сторона ее граничит не с другой усадьбой, а с проулком, то по этой границе бывает вырыта канава в 0,5 м шириною, а кроме того, по краю канавы со стороны городчика складывается невысокая стена-насыпь из старой соломы, в 50—80 см в ширину и около 1 м в высоту; иногда она поливается для прочности полужидкой глиной.

Как говорилось уже выше, основным материалом для возведения построек является глина, но употребляется она, не



Фиг. 7. Общий вид усадьбы с улицы. Село Белое.

в чистом виде, а смешанная с соломой, мякиной или песком. Кроме того, для фундамента жилой постройки почти всегда употребляется необработанный камень кусками 30—45—50 см в поперечнике, доставляемый каждым хозяином своими средствами с отрогов лежащих вблизи гор. Жилых построек из такого камня, в противоположность казакским зимникам, мы не встречали вовсе. В селе Васильковке у одного из хозяев имеется хозяйственная постройка—сарай для скота из камня, сцементированного глиной. Сарай этот, по словам хозяина, был некогда жилым домом, но очень холодным. Последнее время в нем жила старушка-вдова; после ее смерти постройка стала нежилой и несколько лет пустовала, пока теперешний хозяин этой усадьбы не использовал ее, но уже не под жилье.

Для устройства окон и дверей, а также стропил для крыши, потолка и пола употребляется дерево—балки и доски, сплавляемые сюда по Иртышу, и ценящиеся весьма дорого; так, например, нетолстые осиновые или ольховые жерди для стропил крыши стоят по 30—40 коп. штука. Бревна для теса значительно дороже. Балки (дубовые) для матицы (сволока) от 1½ до 3 рублей штука.

Способов возведения построек из глины два: из *вальків* и из самана.

Для возведения постройки из *вальків* роют круглую яму, диаметр которой зависит от размеров задуманной постройки, от количества рабочих рук и колеблется от 8 м (при постройке дома для женившегося сына у богатого крестьянина в селе Георгиевском, при работе 6 лошадей и 7 человек с утра до обеда, т. е. часов 7), и до 1—2 м, если работает 1—2 человека и строится какая-нибудь пристройка или хозяйственная постройка. Яма роется обычно на краю села, иногда тут же, во дворе будущей усадьбы, если, разумеется, имеется глина. Верхний слой земли сбрасывается заступом, а залегающая под ним глина вскапывается лопатой, как грядки для огорода. Затем в яму льют воду и подсыпают солому или мякину. Количество воды и соломы учесть точно очень трудно, но, примерно, на 1.000 *вальків* идет 200—300 ведер воды и около 128 кг соломы или мякины. Солому употребляют пшеничную, мелкую и мятую, осыпаящуюся при даче корма скоту. Если диаметр ямы большой и задумана большая постройка, то в яму заводят лошадей и гоняют их по кругу; ногами они разминают глину. Воду и солому подливают и подсыпают, разумеется, не сразу, а постепенно. Иногда обходятся без лошадей; тогда месят глину босыми ногами, обычно, женщины.

Когда глина хорошо размешана, хорошо и равномерно смешана с соломой, начинают *качать вальки*. Работа эта преимущественно женская—качают *вальки* девушки лет 15—18 и молодые женщины. Мужчины лопатой выбрасывают на край ямы небольшие куски глины, а женщины бросают их на солому, лежащую тут же, и распластывают их босой ногой в лепешку, на которую с одной стороны налипают солома. Затем складывают лепешку пополам и опять разминают ногой и так до 3—4 раз. Далее уже руками придают *вальку* продолговато-округлую форму и складывают готовые *вальки* в сторону, откуда их свозят на лошади или сносят на носилках небольшими партиями к месту постройки. Размеры *валька* 45—50 см по длинной оси и 25—35 см по короткой. Кладут *вальки* двумя способами: *вальки* удлиненной формы кладут один ряд в одном направлении, другой—в другом или же *вальки* делаются неправильной квадратно-округлой формы и кладутся в два ряда, плотно один к другому.

Чаще качают вальки для построек сами для себя, своей семьей, но иногда нанимают одну—двух девушек или женщин в помощь. Платят им 1 р. 30 к. за тысячу вальков, на хозяйских харчах. Удаля баба сделает в день 1.000 шт., а другая—штук 200—300. Из вальків, сейчас же начинают класть стену. Если строят хату, жилую постройку, то делают обычно каменный фундамент. Вырыв канаву шириной с будущую стену и глубиной в 25—50 см, в нее накладывают камни, по возможности, более плоские, образующие более или менее гладкую поверхность. На эти камни, уже выше уровня земли, кладут свежие вальки кладя их больше в местах провала и меньше на высоких местах так, чтобы совсем сравнять поверхность. [То же встречаем и у казаков (см. статью Глухова „Зимнее жилище актюбинских и адаевских казаков“. Материалы ОКИСАР Казаки. Сборн. 2, стр. 114)]. Если строят постройки хозяйственные, то часто стену кладут прямо на землю. Строят обычно каждый сам для себя.

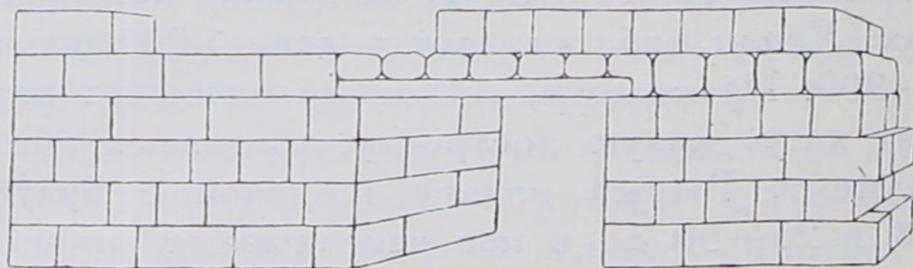


Фиг. 8. Станок для выделки самана.

Техника выделки самана вначале ничем не отличается от выделки вальков, только яма бывает больших размеров. Когда глина готова, ее закладывают в формы из дерева—одна лопатой накладывают, другой руками уравнивает, сглаживает и снимает лишнюю глину сверху; затем форма поднимается двумя людьми с двух сторон кверху, а саман остается на земле (фиг. 8). Форму предварительно смачивают водой перед каждым закладыванием глины в форму, чтобы саман легче выскальзывал из формы. В таком положении, как он остается при поднятии формы, саман сохнет дня два. Затем его поворачивают на ребро и еще дают сохнуть дня два, а потом складывают в пирамидальные кучи; так он сохнет месяца два. Саман заготавливается заранее и может лежать год и ждать, когда надумают строить, делать же его можно понемногу, небольшими партиями.

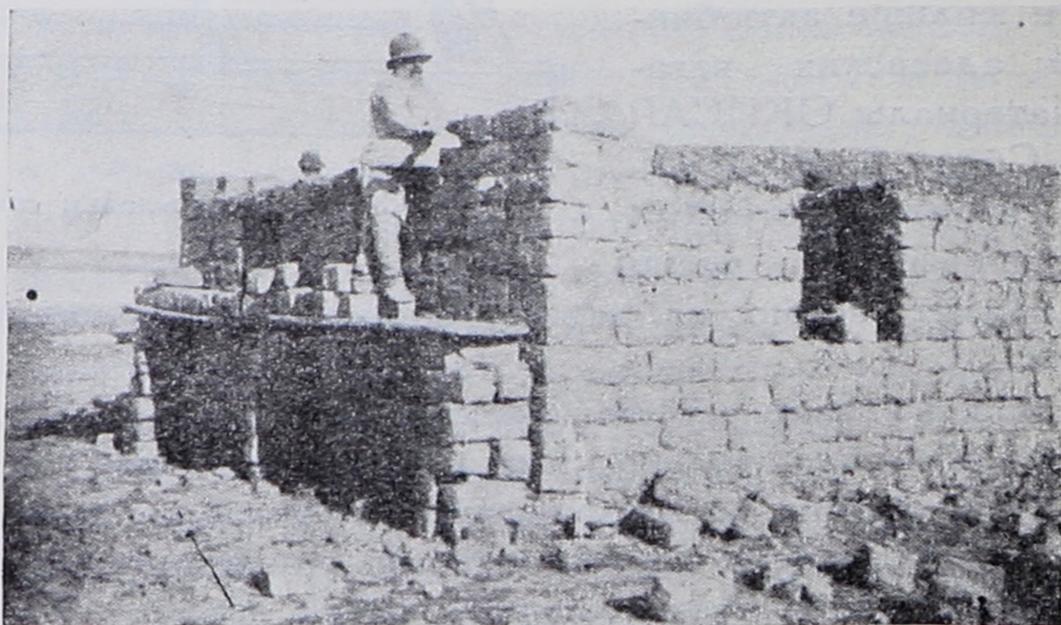
Делают саман часто наемные работники казаки, которые вообще славятся, как хорошие рабочие. Два специалиста-казака в день выделывают до 1.000 шт. самана, но чаще 600—800 шт. Плата—6 руб. за тысячу.

Для постройки жилого дома из самана, делают каменный фундамент, такой же, как для *вальков*. На него кладут несколько рядов *вальков*, для уравнивания поверхности, а затем уже саман.



Фиг. 9. Кладка стены жилого дома из самана.

Когда стены вальковой или саманной, безразлично, постройки возведены, она сохнет месяца два—три. Сезон строительных работ—июнь и июль. К зиме в таком доме уже живут.



Фиг. 10. Кладка саманной стены.

Кладка самана различна для дома и для хозяйственных построек: в один саман (фиг. 9 и 10) и в полтора самана. Саман, при кладке, обмазывают со всех сторон слоем в палец толщины глины с мякиной. Затем, когда положен ряд самана, сверху еще раз заливается глиной, разведенной в ведре с водой. Для устройства окон и дверей делают соответствующей ширины пропуски в кладке самана. Далее поверх получившегося провета кладут деревянную балку *верхняк* и с двух сторон примазывают ее к стене *вальками*, а затем продолжают опять сплошной ряд самана. Кладут саманную постройку обычно на-

емные мастера-специалисты. Кладут обычно трое: один подает саман, один кладет, один носит в ведре жидкую глину. Последний часто подросток из членов семьи, а работников двое.

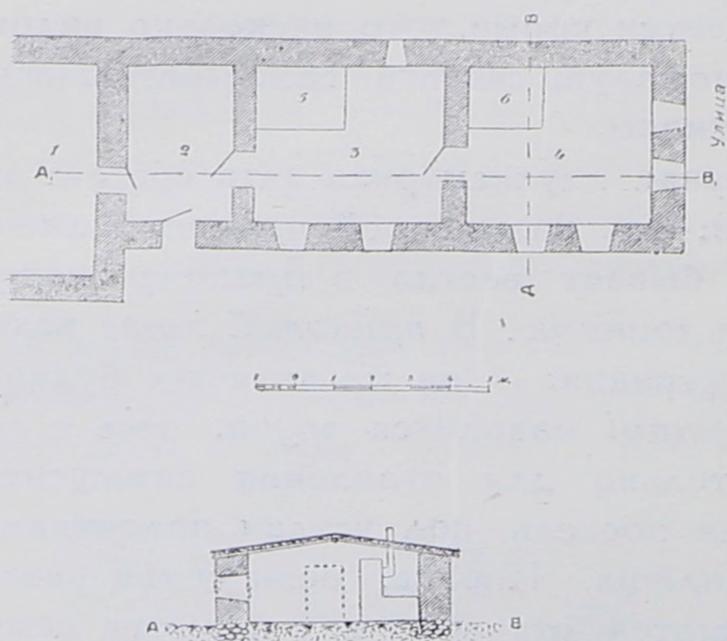
Основных типов жилых хат по плану в обследованной местности два: двухкамерный и трехкамерный. Во втором типе, т. е. трехкамерном, имеется кроме того несколько видов, из которых третий можно, пожалуй, считать самостоятельным, третьим, четырехкамерным типом.

В наиболее простом случае двухкамерная хата состоит из двух почти равных половин: так называемой *прихожей хаты* и *горницы*. Вход со двора бывает всегда в *прихожу хату*, а из нее уже дверь ведет в *горницу*. В *прихожей хате* находится *пич*, где происходит стряпня. Она же является будничным жилищем семьи. В *горнице* находится *груба*, печь с лежанкой, приспособленная только для отопления помещения. Там стоит нарядно накрытая постель, пол устлан половиками. Это—парадная половина жилища. Иногда, если семья разрастается, в *горнице* помещаются старики, а остальная семья помещается в *прихожей хате*. Относительно улицы и двора—*горница* обычно выходит окнами на улицу, а *прихожа хата* во двор. Иногда *прихожа хата* обращена окнами на улицу, а *горница* выходит окнами на двор.

Трехкамерного типа жилища можно разделить на два вида: хата состоит из трех частей: *сіней*, *великої хати* (*горници*) и *малої хати* (кухня, хата). *Сіни* меньше остальных двух частей, которые или одинакового размера или же *велика хата*—несколько больше (фиг. 1). В хозяйственной жизни семьи, *сіни* играют весьма небольшую роль—это просто проходное помещение, разъединяющее два жилых помещения—*велику* и *малу хату*. Иногда там спят летом после обеда. *Мала хата* или кухня соответствует по своему назначению *прихожей хаті* двухкамерного типа, а *велика хата*—*горници*, как она иногда и называется. Так же, как и в предыдущем типе, *велика хата* окнами выходит на улицу, а *мала*—во двор. Вход со двора в *сіни*, т. е. помещается в середине хаты.

Второй вид трехкамерной хаты состоит из тех же трех частей: *сіней*, *хати* (*мала хата*, *кухня*) и *другой хати* (*велика хата*, *горниця*), но расположение этих частей иное—*сіни* помещаются не между *хатой* и *другой хатой*, а предшествуют им (фиг. 11). Вход со двора все же через сени, кото-

рые находятся теперь не в середине постройки, а с одного края. По хозяйственному назначению средняя проходная хата соответствует *малой хаті, кухні*, а крайняя *друга хата—горниці*, и выходит окнами на улицу, так что вход в хату находится на заднем конце ее, если считать от улицы. Такой тип хаты встречается в тех случаях, когда хозяйственные постройки вытянуты все в одну линию и находятся с жилищем как бы под одной крышей. Из сеней имеется дверь, ведущая непосредственно в соседнюю хозяйственную постройку, обычно в конюшню (фиг. 4).



Фиг. 11. План и разрез трехкамерной хаты.

AB — линия поперечного разреза.

1—конюшня; 2—сіни; 3—мала хата, кухня;  
4—горниця; 5—пічъ; 6—груба.

Последний тип может рассматриваться как дальнейшее видоизменение трехкамерной хаты обычного типа. Разница заключается в том, что *сіни* перегородиваются по длине поперечной перегородкой, вследствие чего получается четвертое жилое помещение, являющееся в сущности просто второй, отгороженной половиной сеней. Называется это помещение *хатиной* или *кухней*. В задней стене его имеется окно. В некоторых случаях, по своему хозяйственному назначению, *хатина* или *кухня* является помещением специально для *стряпни*, *кухней* в нашем смысле этого слова. Тогда там помещается *пічъ*, или вернее только передняя часть ее *челюсти*, так как помещение это не могло бы вместить всю *пічъ*, а остальная часть *пічи* помещается в *малой хаті* (фиг. 12). Иногда же *пічъ* попрежнему остается в *малой хаті* вся целиком, а *хатина* играет роль хозяйственного помещения вроде кладовки. Вход в *хатину* обычно бывает прямо против входа в *хату*, из сеней. Кроме того часто имеется еще маленькая дверь в *хатину* из *великої хати*. Но иногда (когда *хатина* является не *кухней*, а только *кладовкой*) входа в нее из *сіней* нет, а только из *великої хати*.

Размеры хат очень постоянны: для трехкамерных они — в среднем  $6 \times 13,2$  м; для двухкамерных в среднем  $5 \times 8,5$  м. Расположение входной двери, или, вернее, *сіней*, в центре или с краю, на общую длину хаты не влияет.

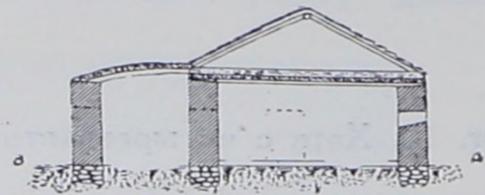
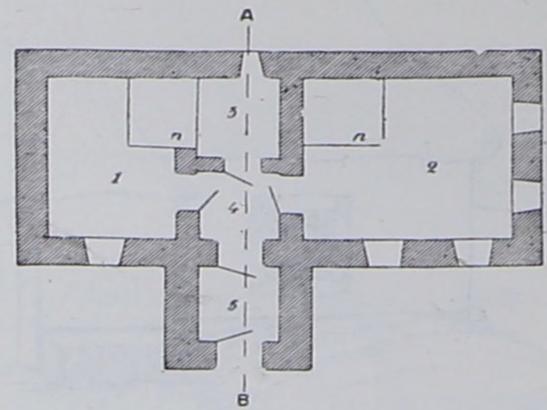
*Калідор* или *присінці* — небольшая пристройка перед входом в хату, почти обязательна при всех типах хат. Отсутствие ее указывает на бедность или недостроенность хаты. Обычно, в зажиточных и вполне законченных хатах пристройка эта бывает из того же материала, что и хата, т. е. из самана или *валёк*, с плоской или двускатной земляной крышей. Но изредка приходится наблюдать, что вход в недостроенную хату, не имеющую *калідора*, защищен полукруглой загородкой из камыша или соломы.

Размеры саманного *калідора* — довольно постоянны и выражаются цифрами 2,8 м ширина и 3,5 м — 3,9 м длина, подразумевая под шириной — выступ от стены хаты, а под длиной — стену, параллельную стене хаты.

Есть основания полагать, что *калідор*, с одной стороны, был позаимствован у немцев колонистов еще на Украине, а с другой, является приспособлением для утепления входа и защиты от пыли, т. е. приспособлением к местным физико-географическим условиям.

Покрываются хаты двумя способами: плоской земляной крышей, которая служит одновременно и потолком, двускатной крышей на стропилах, соломенной (иногда четырехскатной), камышевой, тесовой или железной (фиг. 13, 14 и 15).

По сообщению Коншина (Памятная книжка Семипалатинской губернии за 1899 г. стр. 30) в селе Георгиевском постройки у большинства раньше были без крыш. По нашим наблюдениям 60% хат в селе Таврическом имеют соломенные, камышевые и тесовые дву- и четырехскатные крыши, остальные 40% с земляными крышами, плоскими и двускатными

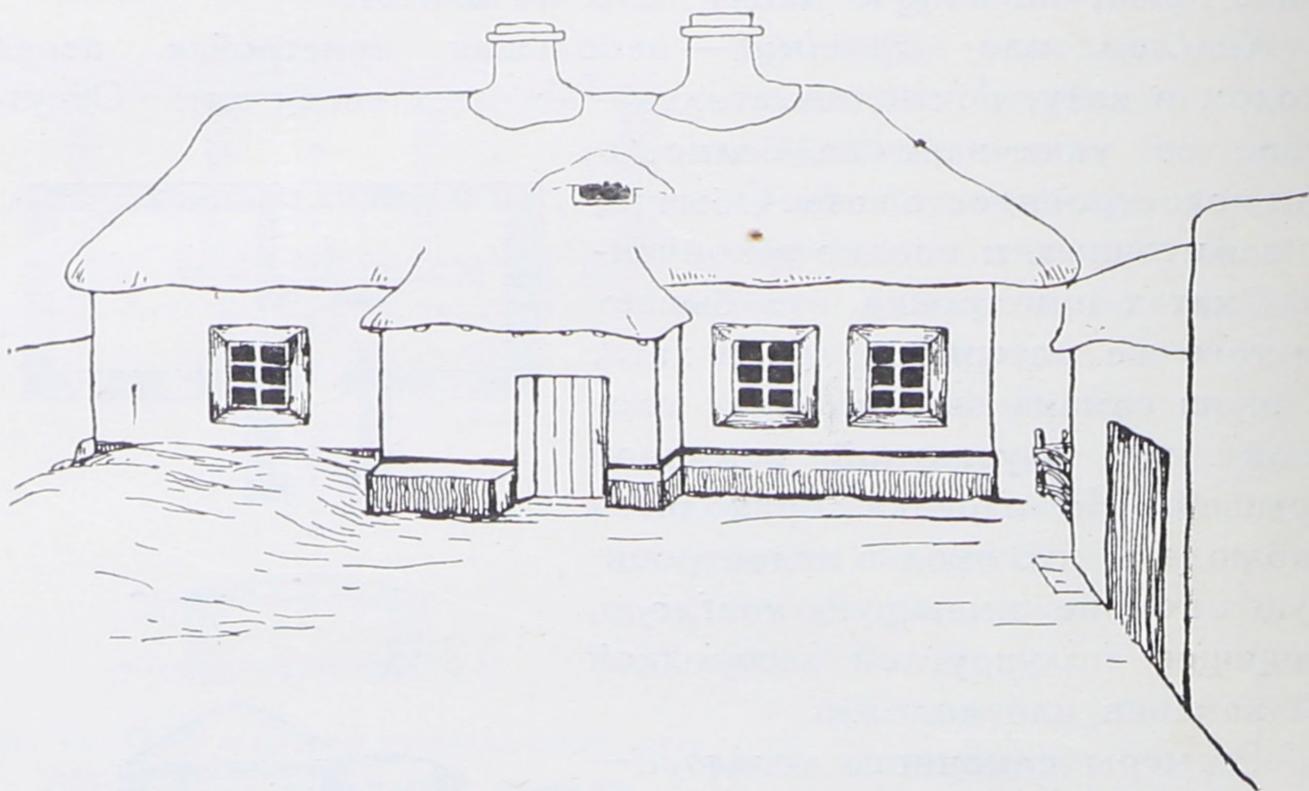


Фиг. 12. План и разрез трехкамерной хаты.

АВ — линия поперечного разреза.

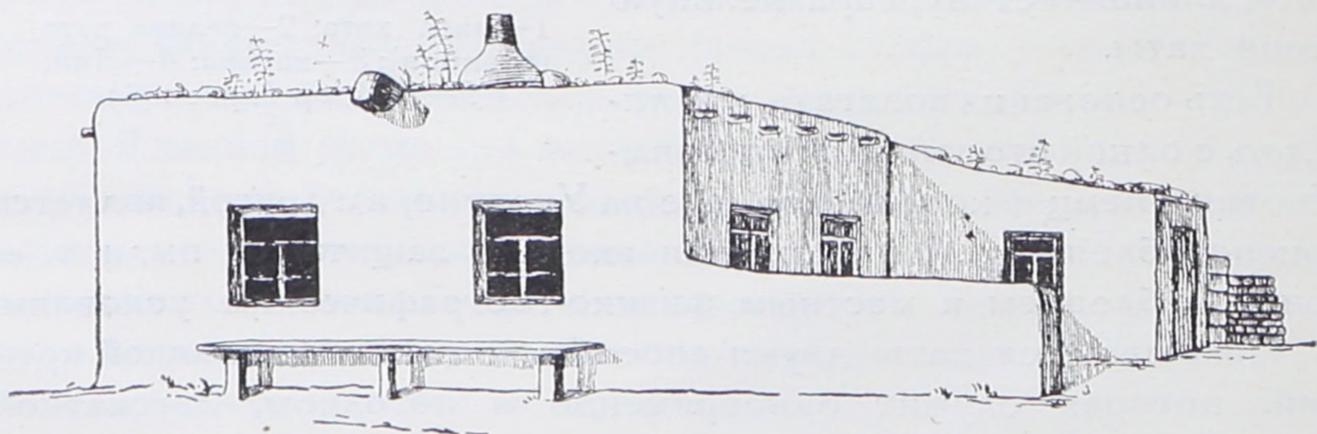
1 — мала хата; 2 — велика хата (горниця); 3 — хатина; 4 — сіни; 5 — калідор (присінці).

Можно предположить, что плоская крыша является для украинцев-переселенцев временной формой, связанной с экономическим благосостоянием. В селе Таврическом и во многих



Фиг. 13. Хата с четырехскатной камышевой крышей. Село Таврическое.

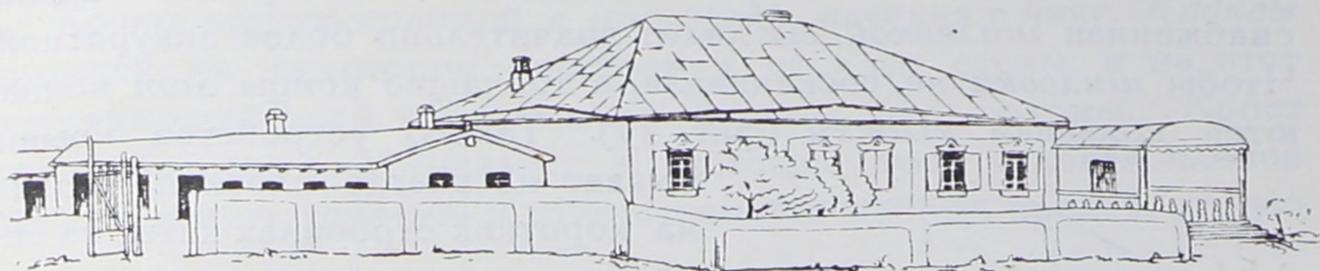
других встречаются большие хаты солидной постройки, по городскому отделанными оконными рамами и дверями, с дос-



Фиг. 14. Саманная хата с плоской земляной крышей. Село Таврическое.

чатым полом и с плоской земляной крышей. Из беседы с хозяином выясняется, что сейчас у него нет возможности возвести железную крышу, а поэтому он временно сделал земляную. Однако такая временная крыша может простоять и несколько лет. Это подтверждается и наблюдениями среди украинцев-переселенцев в Поволжье (Сарат. губ.).

При покрытии плоской земляной крыши, еще при возведении стены, до того, как класть последний венец *вальків*, вдоль длинной оси постройки, в середине, кладется балка, 15—20 см в диаметре, которая укрепляется и примазывается кладущимися



Фиг. 15. Дом городского типа под железной четырехскатной крышей. Рядом — двускатная земляная крыша. Село Георгиевское.

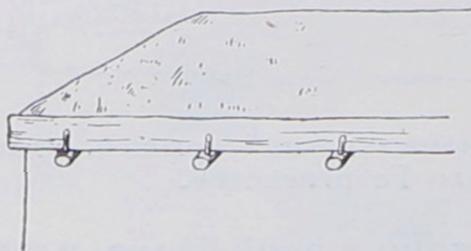
на нее *вальками*. Затем, перпендикулярно к этой балке, идущей в центре постройки, кладут более тонкие жерди, одним концом опирающиеся на основную балку, носящую название *сволока* или *матиці*, а другим на стену. Жерди эти носят название



Фиг. 16. Покрытие соломой двускатной крыши. Видны сволоки и концы крокв.

*крокви*, жерди. Диаметр их 8—12 см. Кладутся они довольно часто, на расстоянии 20—25 см одна от другой. Поверх *крокв* насыпается хворост в перпендикулярном направлении к *латам*, продольным шестам. Иногда, если хата небольшая, такая крыша строится и без *сволока*, *крокви* прямо кладутся на стены поперек постройки. Затем насыпается солома, поверх которой насыпается слой земли или золы, которая считается лучше земли, так как она значительно легче, толщиной в 25—30 см (фиг. 16).

Наконец, сверху все это обмазывается не толстым, 10—12 см, слоем глины с мякиной. По краю крыши иногда приделывается *шилёвка*, т. е. доска, стоящая перпендикулярно к стене хаты, опирающаяся одним ребром в концы торчащих над стеной *лат*, а другим—вмазанная в верхний слой глины на крыше. Крыша, снабженная *шилевкой*, выглядит значительно более аккуратной. Чтобы *шилевка* не соскакивала, в торчащие концы *лат* вбиваются колышки *кілочки* (фиг. 17). Такого устройства крыша



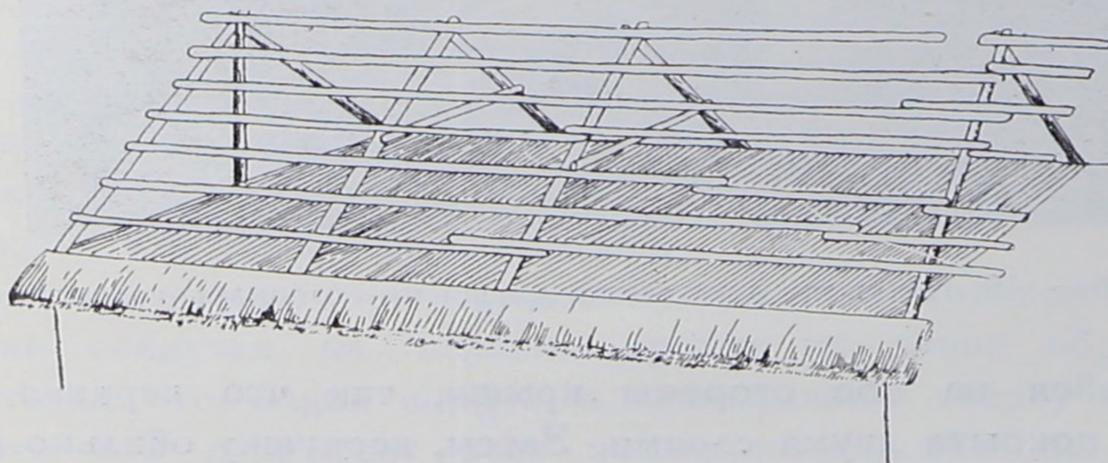
Фиг. 17. Край земляной крыши укрепленной шилёвкой с *кілочками*.

бывает не всегда плоской, иногда на коротких стропилах хаты, на середину которых опирается *сволок*, из *вальків* устраивается род фронтона, что в результате приподнимает середину крыши и делает ее двускатной. В настоящее время такие слегка двускатные крыши преобладают над совершенно плоскими (фиг. 13 и 14). При такой плоской или двускатной земляной крыше, потолка, в сущности говоря, нет, а таковым является внутренняя сторона крыши, изнутри обмазанная глиной и побеленная, но все же все выпуклости *крокв* рельефно выступают на потолке.

Для устройства дву- или четырехскатной крыши на стропилах прежде всего настилается потолок. Для этого в середине, вдоль длинной оси дома, опять так же, как и для устройства плоской земляной крыши, кладется *сволок*, укрепляемый *вальками*, а затем перпендикулярно к нему — доски потолка, одна плотно рядом с другой; края их придавливаются к стене *вальками*. Поверх досок кладут опять *очерет* или хворост, сверх которого намазывают слой глины, а на глину уже сыплют землю или золу, смазываемую глиной. *Очерет* кладут и смазывают глиной для того, чтобы земля или зола не сыпались между досками потолка. Слой земли или золы бывает в 20—30 см. Затем ставятся стропила или *крокви* из деревянных жердей 20—30 см в диаметре. Ставятся они под углом, примерно, в  $45^\circ$ , а высота от чердака до места соединения *крокв* 2,5—2,8 м. *Кроквы* соединяются между собой *бантинами*. *Крокв* ставится несколько пар в зависимости от величины крыши, примерно, на расстоянии  $1\frac{1}{2}$ —2 м, попарно. Перпендикулярно к *кроквам* лежат *латы*—шесты, меньшего чем *крокви* диаметра (15—20 см в диам.) на расстоянии 20—

30 см одна от другой. *Латы* прибиваются к *кроквам* покупными железными гвоздями (фиг. 18). Треугольник между двумя передними *кроквами* носит название *причолка*. *Причолок* забивается досками в вертикальном положении. Нижняя *бантина*, идущая над *причолковой* стеной дома, часто украшена резьбой.

Кроют крыши соломой *в натруску*, начиная с низу. *Кроквы* ставятся на некотором расстоянии от края стены, и на этот выступающий край накладывают первый ряд солом. Кроет соломой мастер специалист с помощью трех человек членов семьи. Самую трудную и ответственную работу, происходящую



Фиг. 18. Стропила для соломенной крыши.

на крыше, распределение, раскладку солом выполняет сам мастер. Всего при покрытии крыши занято четыре человека. Солому, которая предназначена для покрытия крыши, предварительно смачивают обильно водой. Жена хозяина вилами переносит ее из сарая или того места где она была сложена, ближе к месту работы, а кто-нибудь из членов семьи носит ведрами воду и все время поливает солом. Хозяин, тоже вилами, подает солом на крышу мастеру, который распределяет ее равномерным слоем в высоту 40—50 см и причесывает свисающие над стеной концы граблями (фиг. 19). Когда первый ряд положен, то его обильно поливают глиной, разведенной водой; одно ведро такой глины идет на 1—2 м, а на весь ряд средней по величине хаты—ведер 7—10.

Далее накладывается следующий ряд и т. д. до верхушки крыши. Когда подавать солом на крышу на вилах становится высоко, рядом с хатой ставят журавель *цебер*, подобный колодезному, к концу которого прикрепляются ясла с соломой, и подаются на верх (фиг. 20).

Когда вся крыша с двух сторон покрыта, то на самую верхушку, гребень крыши, кладется толстый слой соломы, спу-



Фиг. 19. Покрытие двускатной крыши на стропилах соломой.

скающийся на обе стороны крыши, так что верхняя часть крыши покрыта двумя слоями. Затем, верхушку обильно опять



Фиг. 20. Подача соломы на крышу.

поливают глиной, так что вся соломенная крыша является как бы пропитанной глиной. Никаких шестов или палок для удержания соломы поверх крыши не кладется.

На покрытие хаты соломой идет 5—6 бричек соломы, а в бричке около 320 кг, так что на крышу идет  $1\frac{1}{2}$ —2 т соломы.

При работе вчетвером крышу покрывают в 2—4 дня. Мастер за работу получает рублей 6—7.

Стропила для камышевой крыши ставятся совершенно такие же, как и для соломенной, но кроется крыша не в натруску, а снопиками. Из камыша связывают снопики по две четверти в объёме. Длина камыша 2,1 м. Каждый такой снопик перевязывается шпагатом на расстоянии 35 см от низа, от корешка. Затем этот нижний, более короткий конец раздваивается и надевается на нижнюю лату. Последнее называется *обрешетить* хату. Вторым ряд снопиков кладется на первый; шпагатом или тонкими лозовыми прутиками он привязывается со стороны чердака к следующей лате, а дощечкой, ударяя по коротким концам снопика их как бы скашивают, и они лежат не в куче, а в ступенчатом порядке.

Всего на крыше шесть рядов камышевых снопиков. Когда снопики сойдутся на вершине крыши, их ровно обрубает, не оставляя торчащих концов, и накладывают сверху солому так, что она покрывает весь последний ряд камыша. После этого всю крышу, а в особенности гребень, обильно поливают глиной, разведенной в воде, так что, когда крыша высохнет, то производит впечатление обмазанной глиной.

Для покрытия хаты камышом пять человек работают два, три дня. Мастер, как при покрытии соломой, распределяет снопики на крыше. Его помощники или подросток из членов семьи на *горіщи* (чердаке) привязывает к латам снопики. Мастер с крыши подает ему кончики прутиков, а он привязывает. Два человека—члены семьи, обычно женщины—вяжут снопы, хозяин подает снопы на крышу.

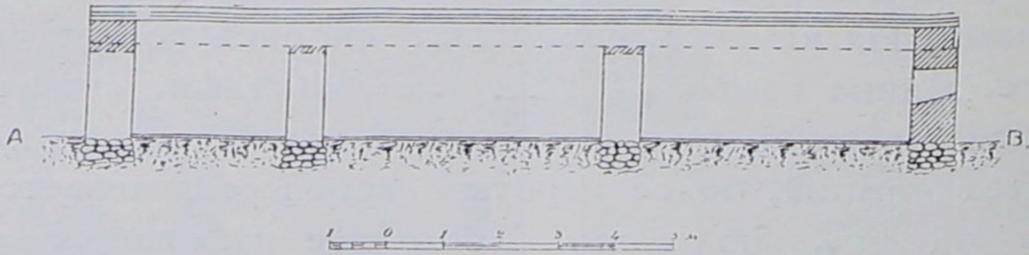
На хату размером 7,1 на 21,3 м идет 24 воза камыша. В возе пять кип. В кипе 60 снопиков. Цена десяти возов—2 рубля. Камыш режут обычно зимой и привозят на санях. Доставкой камыша часто занимаются казаки.

Высота хат различна и зависит от материала крыши и от крутизны этой последней. Разумеется, крыша на стропилах, крытая соломой или тесом значительно выше крыш земляных, которые или совсем плоски или гораздо положе первых.

Высота стен хат довольно постоянна и колеблется от 1,85 м до 2,25 м. Высота соломенных крыш от пола чердака до сред-

ней *латі*, т. е. до гребня крыши—от 1,5 м до 2,5 м, иначе говоря вся высота хаты достигает в среднем почти 4 м.

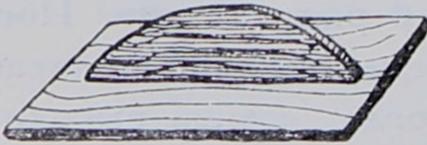
Высота хат, крытых землей, значительно меньше. При такой же высоте стен, как и у предыдущих хат, высота крыши здесь ко-



Фиг. 21. Продольный разрез через хату.

леблется от 0—70 см, т. е. высота всей постройки колеблется от 2 до 3 м.

Внутренние размеры, т. е. в данном случае высота потолка, также, конечно, зависят от устройства крыши. В хатах с потолком высота его равна высоте стен (фиг. 21). Высота же по-



Фиг. 22. Дощечка мазать до-  
лівку, стены.

толка в хатах с земляной крышей бывает не одинакова у стен и в середине хаты, так как внутренняя сторона крыши играет роль потолка, и, следовательно, при двускатной крыше потолок получается выгнутым. У стен он ниже, а в середине — выше

на 50—70 см. Земляные крыши всегда бывают двускатные или плоские, но никогда не встречается четырехскатных.

Следующая стадия постройки жилого помещения, устройство пола и отделка окон и дверей.

Пол в *калідорі* и *сінях* всегда, за очень редкими исключениями, как, например, в домах городского типа, бывает глиняный. В *малой хаті* в 80% случаев он также глиняный. В *горниці* же в 60% пол бывает деревянный.

Техника устройства глиняного пола, *долівки*, следующая: сначала насыпается слой земли, на который накладывается слой глины, смешанной с соломой или с высеками; все это выравнивается. Затем берутся *кізяки* т. е. коровий помет смешанный с глиной, и обмазывают весь пол равным слоем. Мажут женщины руками, а когда весь пол обмазан, сглаживают *дощечкой* (фиг. 22). Иногда смазку кизяком повторяют второй

раз, после того, как первый раз пол просохнет, а иногда и третий. Такой пол содержится в чистоте, причем при подметании, чтобы не было пыли, он довольно обильно сбрызгивается водой и подметается вениками.

Досчатый пол делается следующим образом. Накладывается глина высотой в 20—25 см от уровня земли, утрамбовывается *довбней* и просушивается, а затем на нее плотно одна к другой накладываются доски. Иногда пол красится, но чаще остается белым. Когда пол просохнет, приступают к кладке печей, вставке окон и дверей и окончательной отделке стен внутри и снаружи.

Число окон в хате колеблется между 6 и 8, безразлично в трех- или двухкамерных хатах, так как *сіни* окон никогда не имеют. *Горниця* имеет четыре окна — из них два на улицу, а два во двор, иначе говоря, в *горниці* окна расположены в двух стенах, идущих под углом одна к другой. *Прихожа*, или *мала хата*, иногда имеет, как и *горниця*, четыре окна. Выходят они все во двор, но так же, как и в *горниці*, расположены в двух стенах, идущих под углом. В прихожей хате только два окна во второй короткой стене. Иногда же эти два окна расположены в передней стене рядом со входом. Реже в *малой хате* бывает и одно только окно.

Размеры окон не одинаковы в разных хатах и в разных частях одной хаты. В более зажиточных хатах (с соломенной крышей или тесовой) они больше 75—80 см в ширину и 85—90 см в высоту, а в менее зажиточных и у недавних переселенцев, в хатах с плоскими земляными крышами, 50—60 см в ширину и 65—70 см в высоту. Переплеты на окнах бывают самые разнообразные: на три *шибки*, на четыре, и на шесть. Чаще окна встречаются на четыре или на шесть *шибок*. Иногда окна разделены на нечетное число *шибок*, что является следствием дороговизны стекла. У зажиточного хозяина во всех окнах имеются деревянные косяки. *Підлокотники* (подоконники) — широкие и доски употребляются для них толстые. Часто, однако, такие *підлокотники* и все оборудование окон бывает только в *горниці*, так как делает их специальный мастер и обходится каждый *просвет*, т. е. отделка одного окна, 8 р. с работой и стеклом. Стекло ценится в 5 к. за 100 кв. см.

В *малой хаті* и *калідорі* рамы сделаны менее тщательно, и вставлены в стену без косяков. При двойных рамах размеры внутренних, обычно больше, чем наружных — косяки окон

расширяются внутри хаты, что дает большее рассеивание падающего в окно света.

На зиму всегда вставляются вторые рамы, хранящиеся летом на *горіщі* — чердаке. Форточки на окнах встречаются очень редко. Одно окно в *горниці* и одно в *малой хаті* бывает открывающимся — открывается или все окно на две половины в вертикальном направлении или только нижние  $\frac{2}{3}$  окна. Зимние рамы почти всегда сплошные, без всяких приспособлений для проветривания.

Двери делаются также в косяках предпочтительно дубовых. Размеры входных со двора дверей обычно меньше, т. е. ниже внутренних, всегда одностворчатые и открываются внутрь *сіней* или *калідора*. Приделаны они всегда на железных петлях. Размеры наружных дверей — 1,4 м в высоту и 80—90 см в ширину.

Внутренние двери из *сіней* в *горницю*, и из *сіней* в *хату* не одинаковы. Двери в *горницю* обычно нарядные, часто двухстворчатые. И размеры их больше — 1,75 м в высоту и 1 м в ширину. Дверь в *малу хату* простая, одностворчатая или двухстворчатая и размеры ее обычно совпадают с размерами входной двери. Открываются двери в *горницю* и в *малу хату* наружу, т. е. в *сіни*. Ручки на дверях — обычно железные скобки. Внутренние замки встречаются очень редко. Входная дверь имеет с наружной стороны кольца для висячего замка, но им пользуются крайне редко, только если никого нет дома, а в обычное время наружная дверь запирается на щеколду, находящуюся с внутренней стороны дверей и соединенную с наружной ремешком или веревочкой. Дверь в *малу хату* имеет только скобку и никаких приспособлений для запора тут не бывает, тогда как дверь в *горницю* часто имеет крючок изнутри и кольца для висячего замка из *сіней*.

После устройства оконных и дверных косяков, вставки окон и дверей, а иногда и параллельно с ним идет кладка печей.

Печи можно разделить на три категории. Первый вид печи — *пічь* для варки пищи и печения хлеба. Находится она в прихожей или *малой хаті*, слева или справа от входа в нее. *Пічь* имеет форму прямоугольника; длина ее, т. е. сторона без устья, 2,5—3 м, ширина, т. е. та сторона, где находится устье, 2,2—2,5 м, высота — 1,6 м. Устье обращено к двери, т. е. *пічь* бывает вытянута поперек комнаты. Иногда же, наоборот, устье находится за углом печи, т. е. *пічь* вытянута вдоль задней

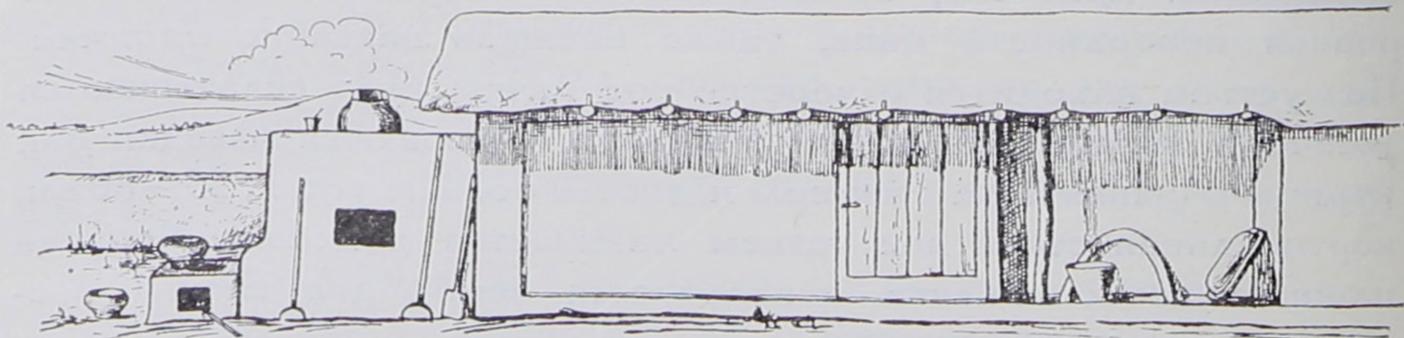
стены, по длине хаты. По форме можно различать два вида *пичи*: 1) перед устьем имеется выдающаяся вперед небольшая площадка, шириной 25—30 см, идущая во всю ширину *печи* и называемая *пріпечок*; 2) *пріпечок* отсутствует. От устья идет ровная поверхность вниз, также носящая название *пріпечка*. Под устьем находится отверстие под печку, куда складываются *рогачи* и лопаты для хлеба и иногда помещаются насадки или курицы с цыплятами. Размеры *підпичка* больше устья, 55—60 см, вертикальная стена над устьем называется *коміном*. Верхняя площадь печи, лежанка, используется зимой для спанья, преимущественно стариками.

Дымоход помещается в *коміні*. Иногда он совершенно прямой и сразу выходит в *верх*, т. е. трубу на крыше. Но последнее имеет место в менее благоустроенных хатах и как временное устройство. Обычно в хатах, где имеется чердак, дым, выходя туда через *комін*, поступает в *лежень* или *лежак*, т. е. дымоход, лежащий горизонтально на чердаке, и затем уже выходит в вертикальную трубу. В большинстве случаев труба закрывается при помощи вьюшки, иногда же затыкается тряпьем, а то и вовсе не имеется приспособления для закрывания трубы. Устье закрывается свободно прислоняемой дверцей из досок с деревянной ручкой. Редко это железная заслонка.

Второй вид печи—*груба*. Помещается она в *горниці*, или *великий хаті*, обычно слева или справа от входа, возле задней стены дома. Назначение *груби*—исключительно обогревать помещение. Груба не прилегает плотно к задней стенке, как *печь*, а за ней остается еще узкое пространство, отделяющееся от *горниці* занавесочкой. Груба состоит из двух частей: собственно *груби* и лежанки. Грубой называется вертикально стоящая часть печки, обращенная к двери. Лежанка находится за *грубой*, между нею и стеной. Размеры *груби*—0,6 × 2 м; высота—1,75 м.

Третий вид печи—*кабиця* помещается иногда возле *пичи*, но чаще всего во дворе, под открытым небом. Это небольшая плитка, 36—50 см вышины, 50—60 см ширины и от 50 см до 1 м длины. С передней узкой стороны *кабиця* имеет отверстие для дров, а в верхней поверхности вьюшки *круги*, куда опускаются чугуны. В части противоположной топке или *пичке* находится *димарь*—труба из глины. Не редко одной из стенок трубы является стена какой-либо хозяйской постройки. Труба

поднимается до высоты крыши. Иногда же трубы не бывает вовсе, а для выхода дыма служит небольшое круглое отверстие в задней части *кабиці* (фиг. 23).

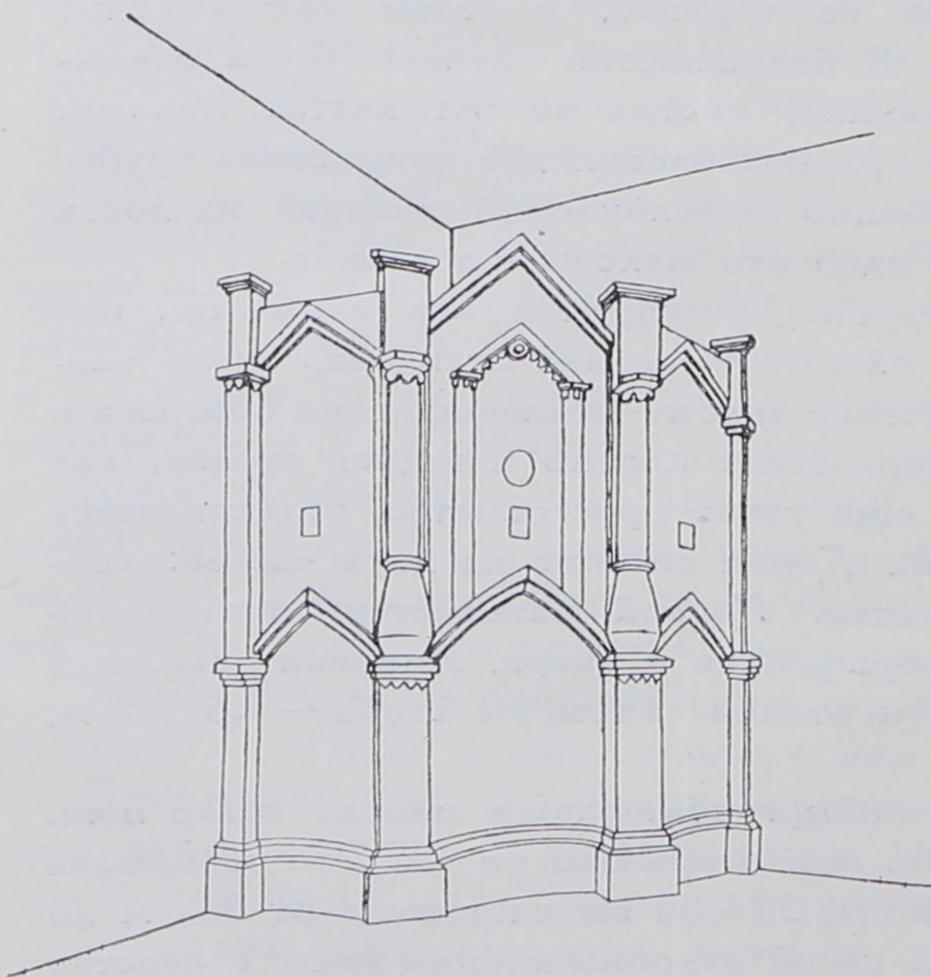


Фиг. 23. Печь и *кабиця* для летней стряпни, стоящие под открытым небом. Село Мариногорское.

Материалом для всех печей служит так называемая *цегла*, т. е. сырцовый кирпич. Делают *цеглу* для печей каждый для

себя, для чего служит такая же форма, как для выделки самана, но несколько меньших размеров,  $12 \times 22$  см и 10 см высоты.

Для выделки кирпича к двум частям глины примешивается одна часть песка. Такой кирпич по словам мастера очень прочен. Класть печь считается делом не легким, и хотя многие и умеют это делать, все же в селе бывает один-два специалиста, которых приглашают для кладки особенно *груб* (фиг. 24).



Фиг. 24. *Груб*. Село Георгиевское.

Когда кладется *печь*, сначала делается

фундамент из шести рядов самана. Затем кладется пять рядов кирпича. Свод делается при помощи деревянных обручей, ко-

торые обкладываются кирпичами. Опытный мастер обходится всего с одним обручем. Дымоход бывает величиной 26 см в поперечнике. В *грубе* дымоход идет извилисто, то поднимаясь то опускаясь, делая от пяти до девяти оборотов. Если *груба* и *печь* выводятся в одну трубу, то их дымоходы соединяются на чердаке в одном лежаке.

Скрепляются кирпичи между собой глиной, которой обмазывается каждый кирпич. Иногда кирпичи связываются еще проволокой для прочности. На *грубу* идет от 500 до 800 *цегли*; на *печь*—500—600 *цегли*. Сезон кладки печей — четыре летних месяца—июнь, июль, август и сентябрь—до Покрова. Мастер, на это время берет себе помощника, которому платит 15 р. в месяц. Если нанимает поденно—то 1 р. в день. Если работает один мастер без помощника, то *грубу* он кладет до четырех дней, а печку два-три дня. С помощником *грубу* кладут два дня, а *печь*—полтора.

За кладку печи мастер берет 5—6 р. За очень большую—7 р. За *грубу* от 6—8 р.

Снаружи печь штукатурят, т. е. обмазывают слоем, в палец толщиной, глины с песком; на одну часть глины берут две части песка; считают, что чем больше в штукатурке песка, тем она крепче. Сохнет печь одну ночь или сутки, после чего ее белят, так же, как и стены, причем белит ее уже хозяйка, а не мастер.

*Печь* обычно только белят. Иногда на расстоянии 20—25 см от пола проводится черная волнистая линия и ставят в вогнутых местах точки; иногда нижняя часть печи окрашивается в темножелтый цвет. *Груба* бывает украшена рельефными узорами, с зубчиками наверху, по низу раскрашивается.

Самая большая поверхность *груби*, выходящая в *горницу*, часто бывает расписана растительным орнаментом, в центре изображается стилизованный букет.

Остается еще сказать несколько слов о внешней и внутренней отделке стен.

Стены обмазываются внутри глиной с мякиной или с кизяком два или три раза. Когда обмазка просохнет, стену белят белой глиной. Так, например, жители села Георгиевского получают белую глину у села Митрофановки, за 30 км, причем обменивают ее на пшеницу—ведро пшеницы на два ведра сухой глины, или даже ведро на ведро. Для побелки стен и печей белую глину разводят в воде в такой пропорции: на одно ведро

воды кладут три больших *жмені* — пригоршни белой глины и 400 г пшеничной муки. Затем, подливают немного молока, а иногда подбавляют синьки.

Снаружи все стены, по крайней мере два раза в год, обмазываются разведенной глиной с мякиной или кизяком.

Обмазка стен как внутри, так и снаружи, а так же побелка стен и печей, работа женщины-хозяйки, причем главное орудие руки. Для окончательного сглаживания стены снаружи, употребляется иногда так называемая *дощечка* (фиг. 22). Для побелки пользуются самодельным *квачиком*, кисточкой из щетины.

Мебель у украинцев-переселенцев весьма примитивная. Мерилом благосостояния хозяина является его сельскохозяйственный инвентарь — брички, сельскохозяйственные машины, скот, хозяйские постройки, но никак не убранство хаты или одежда. Необходимой мебелью в *прихожей хате* или *малой хате* является *лава*, т. е. скамейка, приделанная к стене, под окнами. Стола часто не бывает, так что хлеб, например, хозяйка месит на специальной доске, которая кладется на два полена. Но все же в 50% случаев в малой хате имеется стол для стряпни, а возле печи — переносная скамья — *ослин*. За печкой, между нею и стеною устраивается *піл* — доски для спанья зимой.

Рамы и косяки окон в *горниці* часто красятся в белый, светлоголубой, или светлофисташковый цвет, покупаемой в городе масляной краской. В *малой хате* и *калідорі*, как правило, рамы и косяки не красятся, но если и окрашиваются, то в те же цвета.

В *горниці*, в особенности на окнах, выходящих на улицу, бывают ставни. Ставни делаются из досок двухстворчатые. Летом с 7 — 8 ч. утра до сумерок ставни держат закрытыми, чтобы сохранить прохладу в доме. В сумерки до темноты открывают все ставни и открывающиеся окна *горниці*. На ночь окна и ставни всегда закрываются. Если есть ставни, то все окно окружено деревянным наличником. Ставни и наличники обычно окрашены, попадаются и с резьбой, но орнаментировка и покраска *налишників* и ставень очень бедна. Излюбленными красками для *налишників* и ставень являются черная, темно-красная с белым или желтым. Орнамент, если он есть, геометрический, в форме концентрических прямоугольников, повторяющих основную форму ставни (фиг. 7).

Входные двери вместе с косяками окрашиваются в темно-красный или коричневый цвет и никаких узоров и рисунков на них нет. Внутренние двери, ведущие из сеней в *горницю* часто окрашены в красную, темнозеленую или коричневую краску со стороны сеней, и в светлоголубую, фисташковую или белую со стороны *горниці*. Иногда эти двери окрашены в темную краску с обеих сторон и украшены узором из букетов, напоминающих роспись *скринь*. Двери в *малу хату* или гладко окрашены в один цвет со входной дверью, или оставляются не крашенными.

Летом обычно спят прямо на полу. У каждого взрослого члена семьи есть своя подушка, дети же спят или со взрослыми, или где-нибудь в углу. Подстилают под себя *кожухи*, рядна, закрываются одеялами. Спят в рабочее время часто не раздеваясь, или сбросив только самую верхнюю, запачканную во время работы одежду.

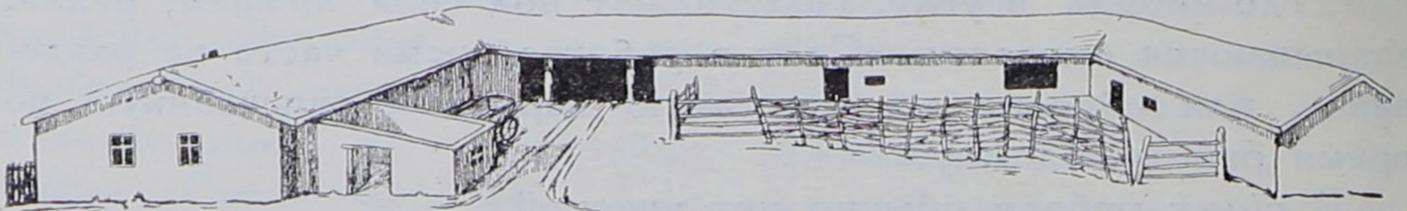
В *сінях* мебели обычно нет никакой.

Тщательнее всего отделанной и меблированной комнатой является *горниця*. В ней, за *грубой*, вдоль задней стены стоит *кровать*, деревянная, покрытая половиками, но обычно без тюфяка. Часто из-под половиков виден широкий вышитый край простыни с кружевом и по всей кровати разложены подушки, с вышивками и кружевами. Постель эта служит скорее украшением, так как на ней никто летом не спит и не сидит. В углу против печки помещаются *боги*—иконы. Иногда иконы занимают не угол, а простенок между двумя окнами, выходящими на улицу. Вокруг икон всегда вешается вышитый рушник. На стене возле *богів* помещаются фотографии сыновей солдат и другие семейные фотографии, украшенные бумажными цветами. На стенах часто бывают росписи, стилизованные букеты. У кровати иногда прибит нарядный и аккуратно сделанный половик, а иногда расписан „ковер“, но „ковров“ сейчас становится все меньше, самое расписывание их выходит из моды, а старые замазываются побелкой при ремонте. Ковры размером метра 2 × 3. Фон бывает обычно темный, черный или коричневый. На нем с двух сторон симметричные растительные мотивы, а в центре или буквы „Х. В.“, или стол с куличем, пасхой и бутылкой. Иногда встречаются изображения птиц.

Пол в *горниці* сплошь убран половиками. Под иконами стоит небольшой прямоугольный стол, размером 0,7 × 0,9 м

или несколько больше, покрытый клеенкой или скатертью. Вокруг стола по двум стенам идут *лави* во всю длину *горниці*. Иногда две-три табуретки или стула. В более зажиточных хатах против *груби* шкафик со стеклянными наверху и деревянными внизу дверцами, где хранятся стаканы, несколько разрозненных рюмок и другая не употребительная в будничной жизни посуда. Под окнами обращенными во двор стоит одна-две *скрині*, иногда швейная машина. Окна *горниці* все уставлены горшками с цветами разросшимися и придающими уют *горниці*.

Заново выстроенная и выбеленная саманная хата выглядит очень нарядно, даже если она крыта землей, гладко смазана



Фиг. 25. Вид хозяйственных построек со двора. Село Таврическое.

глиной и оторочена шилевкой. Но хата такая требует, по крайней мере, два раза в год солидного ремонта. Ремонт внутренний производится раза четыре в год, весной и осенью, совпадая с общим ремонтом, а кроме того, к рождеству и к пасхе, и заключается в подмазке глиной разошедшихся мест и в капитальной побелке стен и печей.

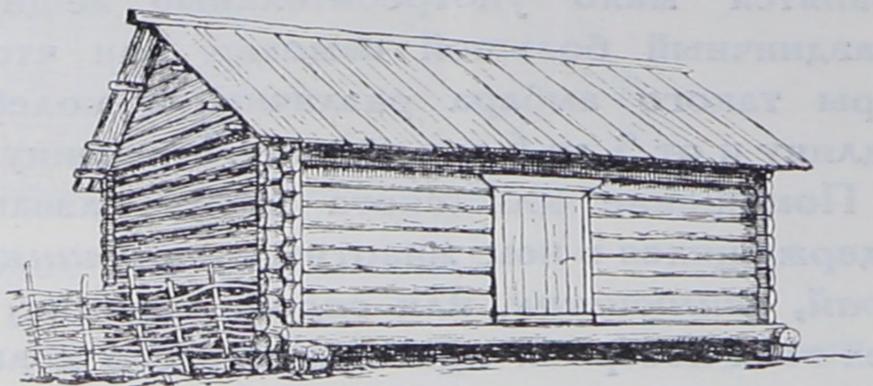
Заключается ремонт в обмазке глиной стен снаружи и побелке, в прибавлении земли или золы на крышу и новой обмазке ее глиной, и наконец, в наружной побелке. Кроме того производится промазка глиной оконных косяков и осенью—вставка вторых рам. Все эти работы по ремонту являются женской работой и занимают иногда недели две тяжелого, грязного и кропотливого труда.

Усадьба среднего по зажиточности хозяина, включает кроме жилой хаты, как было уже упомянуто, еще целый ряд хозяйственных построек (фиг. 25). Против хаты, по другую сторону ворот помещается *літня хата* или *друга хата*, т. е. жилая постройка, где помещается *пічь* с прямой трубой без лежанки, и где в летнее время происходит вся стряпня, а подчас и протекает жизнь семьи, во время летних работ. Отличается *літня*

*хата* от *хати* и отделкой и размерами. Стены ее ни по кладке ни по материалу не отличаются от стен *хаты*, хотя все же *літня хата* чаще бывает *вальковой*, при *хате* из *самана*. Пол *літней хати* всегда бывает земляным или глиняным; потолок обычно отсутствует. Крыша бывает либо земляная плоская, либо земляная двускатная. Вход в *літню хату* бывает с длинной ее стороны, со стороны двора. Окон два в *причілковой* стене, иногда же еще бывает одно-два в той же стене, где дверь.

Размеры *літней хаты* следующие: длина 4—7 м, ширина 3,5—5 м и высота 1,9—2 м. Хозяйка и рабочие члены семьи

часто летом и спят в *літней хаті*. Зимой там обычно держат новорожденных телят и овец, так как в стойлах очень холодно. Окна в *літней хаті* всегда с одними рамами, значительно менее тщательно замазанными и вставленными.



Фиг. 26. *Вінбарь*. Село Георгиевское.

Ставень *літня кухня* обычно не имеет, и летом окна от солнца и мух завешиваются изнутри половиками. Иногда одно окно в *літней кухні* открывается, иногда же нет, и для проветривания оставляют открытой дверь. Размеры окон и дверей *літней кухні* совпадают с таковыми *малой хати*. Часто *літня хата* снаружи не белится.

За летней кухней, так же вытянувшись вдоль улицы, находится *вінбарь*. Если летней кухни нет, то амбар находится на ее месте против хаты.

В селах, расположенных ближе к Иртышу, иногда встречаются бревенчатые амбары, резко бросающиеся в глаза среди глиняножелтых построек. Это амбары, приобретенные у великоруссов за Иртышем. Они представляют собой бревенчатый сруб с тесовой крышей. Размеры амбара таковы: длина 6,3 м, ширина 4,9 м и высота стен 2,2 м (фиг. 26). Внутри в нем имеется ряд отгороженных толстыми дубовыми досками отделений и деревянная лестница на чердак, пол которого так же сделан из дубовых досок. Обычно амбар представляет собой

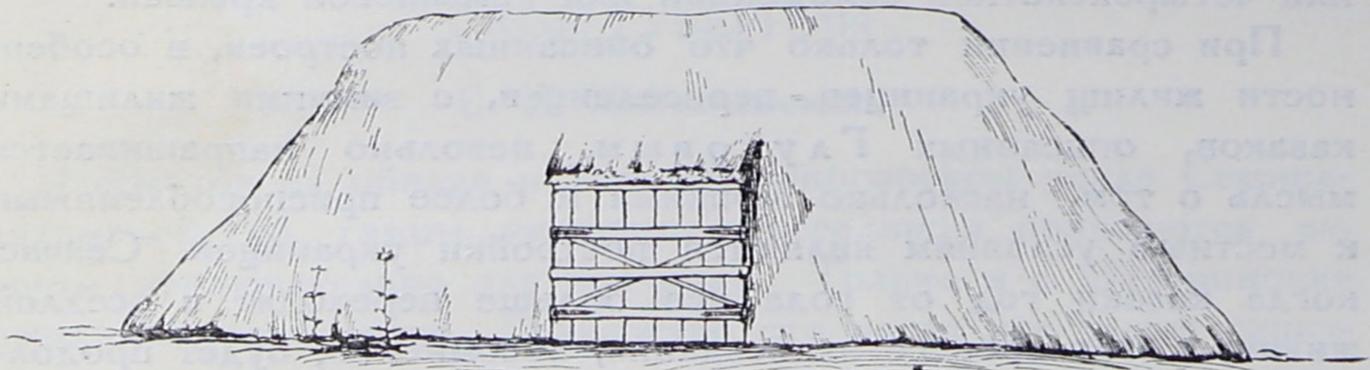
сарай, сложенный из *вальків*, с хорошим, как в хате, глинобитным полом и с *закромами* так же из *вальків*, расположенными вдоль стен. Крыт *вінбарь* плоской или двускатной земляной крышей, обмазанной глиной, ничем по технике не отличающейся от такой же земляной крыши хаты или *літней кухні*. Окон *вінбарь* обычно не имеет вовсе, а освещается светом, идущим в раскрытую дверь. Отличительная черта *вінбарята*, что это—единственная постройка из всех, включая и жилище, которая всегда в обычное время бывает заперта на всякий замок и каждый раз, по мере надобности, отпирается и запирается. В амбаре, кроме муки и зерна, часто хранятся мало употребительные вещи домашнего обихода, праздничный большой самовар или что-либо из сбруи. Размеры такого амбара различны и колеблются от 4 до 10 м в длину и от 3 до 6 м в ширину. В высоту они от 1,8 м до 2,5 м.

Помещение для скота носит название в зависимости от содержащихся в нем животных: *конюшня*, *коровник* или просто *сарай*, *свинюшник*, или *сарай*, *овешник*, или *сарай* и т. д. Из всех этих построек тщательнее всего делается конюшня. Часто она бывает из самана, в то время как все другие хозяйственные постройки *валькові*; кроме того, конюшня бывает шире и выше всех остальных построек для скота. У более зажиточных хозяев и у 40% середняков пол в конюшне делается деревянный, досчатый, с уклоном от задней стены вперед. Вдоль задней стены кладется бревно, к которому прикладываются плотно одна к другой доски, и каждая прибивается к бревну гвоздями. К передней стене доски спускаются несколько наклонно, упираются в порог и укрепляются при помощи *вальків* и прибитой к ним сверху доски—порога.

В случае если пол не досчатый, то он бывает просто земляной, утрамбованный. Окон в конюшне или не бывает вовсе, и тогда входная дверь делается состоящей из двух частей, верхней и нижней, приблизительно одинаковых по величине, или верхняя занимает несколько меньшую часть и служит как бы окном. Иногда же в стене, выходящей во двор, делаются один-два небольших окошечка величиной в один саманный кирпич. Окон в противоположной двору стороне никогда не делают.

Размеры конюшен следующие: высота от 1,8 до 2 м, длина весьма различна у разных по зажиточности хозяев и, следовательно, по числу лошадей, колеблется от 3 до 8—10 м.

Сараи для коров, телят и помещение для овец и свиней делаются еще более примитивно. Пола в них никогда не делают. Стены обычно складываются не из самана, а из *вальків*. Потолок, разумеется, также отсутствует. Крышу обычно очень разрушают весеннее таяние снега и весенние дожди, так как ее смазывают гораздо более тонким слоем глины, чем в жилой хате, а иногда ограничиваются тем, что поверх наложенного хвороста и соломы насыпают немного земли. Весной крышу



Фиг. 27. Клуня. Село Мариногорское.

не чинят, так как летом скот не пользуется этими сараями: днем он в поле, а ночью коровы и телята ночуют в *пригоні*, т. е. отгороженном плетнем пространстве перед сараями. Крышу чинят лишь осенью.

Иногда стены сараев для скота делаются плетеными из лозы и промазанными с внутренней стороны глиной. Окон помещения для скота не имеют, а если они и имеются, то очень небольшие, в южной стене. Двери одностворчатые, досчатые, и по размерам несколько шире, но не выше входных дверей жилого дома, т. е. 1,2—1,5 м.

Размеры скотных сараев в длину варьируют весьма сильно, в зависимости от зажиточности хозяина и количества имеющегося скота. Ширина же соответствует ширине конюшни и других хозяйственных построек, т. е. от 3 до 5 м; в высоту они обычно несколько ниже конюшни или одной с ней вышины от 1,8 до 2 м.

*Завозня* представляет собой сарай, имеющий три стены— заднюю и две боковые. Передняя или отсутствует, или, во всяком случае, не имеет дверей и доходит наверху до крыши. В *завозні* стоят брочки, хранится сбруя и всевозможные инструменты: пилы, топоры, верстак и т. п. Пол тут всегда земляной, и отделка *завозни* не отличается от любого скотного сарая.

Баня имеется у 50% хозяев. Если ее нет, то обыкновенно потому, что ее еще не успели выстроить, но она предполагается. Размеры бани: длина 5 м, ширина 3,5 м, высота 2 м (до сволака) и 1,5 м (вышина стен).

Клуня имеется далеко не у всех, а лишь у 30% хозяев. Она имеет либо вид типичной украинской клуни, т. е. округло четырехскатной крыши на сохах, доходящей до земли (фиг. 27), но чаще это вальковый или саманный сарай, крытый дву- или четырехскатной соломенной или камышевой крышей.

При сравнении только что описанных построек, в особенности жилищ украинцев - переселенцев, с зимними жилищами казаков, описанных Глуховым, невольно напрашивается мысль о том, насколько лучшими и более приспособленными к местным условиям являются постройки украинцев. Сейчас, когда казаки год от года все больше переходят к оседлой жизни, и этот процесс их оседания, несомненно, будет продолжаться, вопрос о хорошем жилище и хороших постройках для скота является для них весьма важным. Как упоминалось выше, казаки являются специалистами по изготовлению самана, и очень часто нанимаются украинцами на эту работу. Кроме того, часто казаки же бывают сезонными работниками и живут в украинских селах целыми месяцами. Несмотря на это, они весьма мало заимствуют из украинской строительной техники. Но все же во многих местах казаки начинают белить стены. Все реже встречаются пузыри животных вместо стекол на окнах. Все чаще встречается в казакских зимниках деревянный пол и другие усовершенствования внутреннего убранства.

## ГОНЧАРСТВО В С. БАТУРИНОВКЕ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ГУБЕРНИИ

С. Н. Могилянская

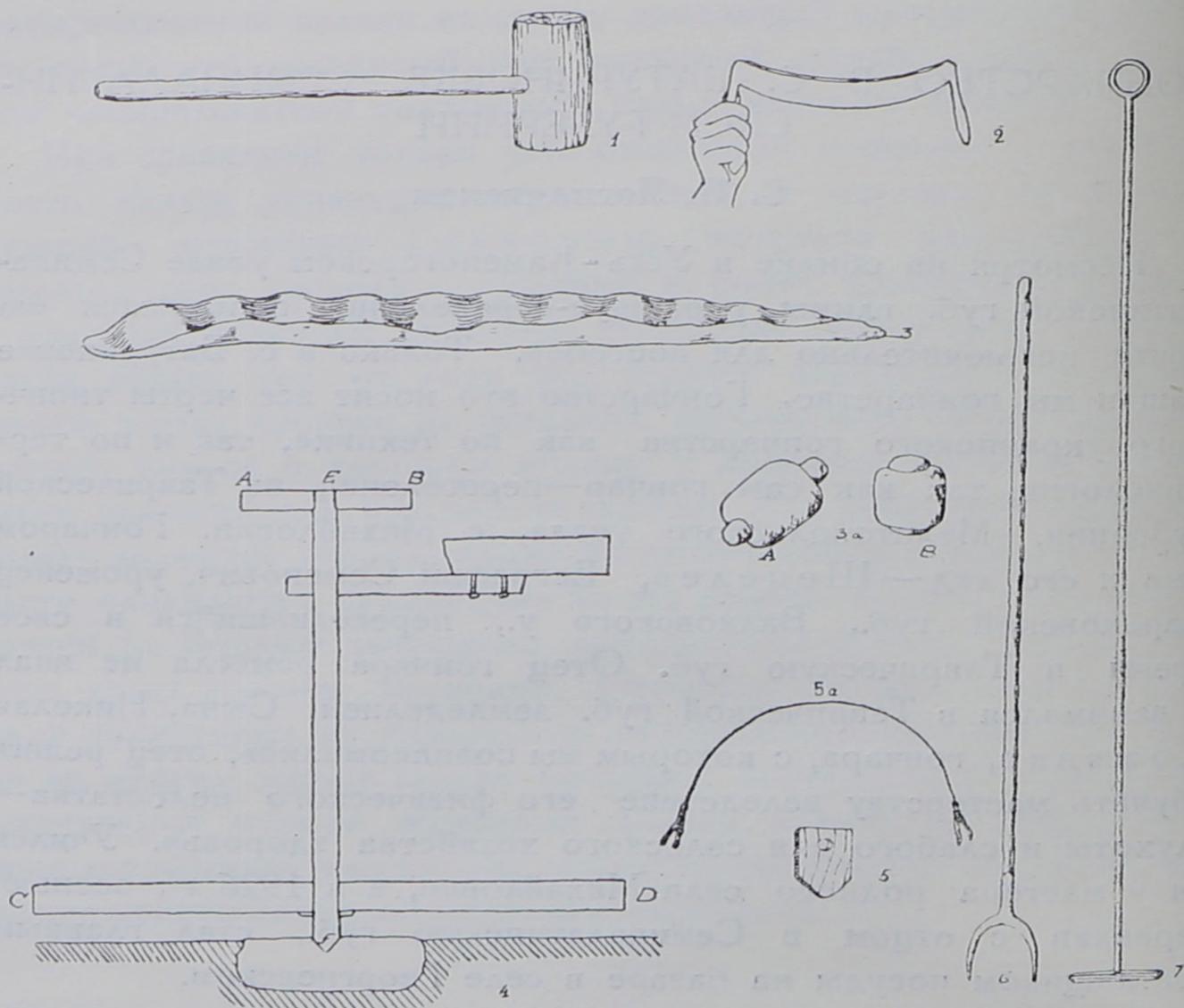
Несмотря на обилие в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской губ. глины, украинцы-переселенцы пользуются ею почти исключительно для построек. Только в с. Батуриновке нашли мы гончарство. Гончарство это носит все черты типичного украинского гончарства как по технике, так и по терминологии, так как сам гончар—переселенец из Таврической губернии, Мелитопольского уезда, с. Михайловки. Гончаром был и его дед—Шепелев, Евграфий Семенович, уроженец Харьковской губ., Валковского у., переселившийся в свое время в Таврическую губ. Отец гончара ремесла не знал и занимался в Таврической губ. земледелием. Сына, Николая Довжика, гончара, с которым мы познакомились, отец решил обучать мастерству вследствие его физического недостатка—глухоты и слабого для сельского хозяйства здоровья. Учился он у мастера родного села Михайловки, а в 1926 г., осенью, переехав с отцом в Семипалатинскую губ., стал главным поставщиком посуды на базаре в селе Георгиевском.

Глина берется в полутора-двух километрах от села, в долине ключа, у подножия гор. За две-три брички глины платят 1 рубль. Лопатой снимают около 1 м слоя почвы, под которой залегает глина пластом в 70 см мощностью. Копают глину лопатой и лопатой же выбрасывают на специально подложенную платформу из досок.

В сыром виде глина светлосерого цвета, комковатая, липкая. Привезя глину в село на подводе в комках, грудках, ее переносят руками или в корзинах в хату-мастерскую.

Приступая к обработке, берут нужное количество глины, складывают в кучу, кобилу, и бьют довбней—деревянным молотком (фиг. 1,1), придавая ей форму блина; затем загибают

края и опять разбивают. В окончательном виде сбитая кобила имеет форму продолговатого кароя 0,45 × 0,9 м. Затем кобилу стругают *стругачкою* (фиг. 1,2), или *стружком*, представляющим собой кусок железа, изогнутый полукругом; часто берут кусок ломаной косы. Стругат часть глины, предназна-



Фиг. 1. Орудия производства гончара: 1—довбня; 2—стругачка; 3—карточка; 3а—грудки; 4—вертикальный разрез волосского круга; 5—нож; 5а—дрот; 6—потас; 7—вила.

ченную для работы, т. е. прорезают всю кобилу сверху вниз полосками в один палец толщиной пластами и затем поливают водой, пока глина не делается липкою, чтобы можно было ее разминать. Количество подливаемой воды зависит от влажности глины.

Полив водою, оставляют глину на ночь „киснуть“. На следующий день, рядом с глиной, на *долівку* сеют через сито

песок слоем в 2,2 см. Затем берут руками куски „кисшей“ глины и кладут ее на песок. Отложив необходимое количество, месят босыми ногами, *засучив халощі*. Месят около часа, все время подсыпая просеянный сквозь сито песок.

Вымесив, распластывают всю массу в *корж*, т. е. в лепешку, сглаживают ногой, опять складывают и растаптывают; последнее повторяют до трех раз.

Весь *корж* режут на *карточки*, т. е. на части в 70 см длины и 35 см ширины (фиг. 1,<sub>3</sub>). Разрезают *корж* на шесть *карточек* и складывают *карточки* в кучи.

Далее обрабатывают каждую *карточку* отдельно. Кладут *карточку* на лавку и там разминают ее руками, раскатывая ее, как тесто.

Раскатав, опять загибают края и разминают; продельвается это от 3 до 5 раз, пока глина не будет достаточно пластична. Попутно удаляют все камешки и вообще все примеси: солому, корешки и прочее. Последний раз размесив *карточку* и завернув края, ее рвут на *грудки*—небольшие части, которые раскатываются таким образом: обеими руками гончар держит за два конца *грудки* и катает ее по лавке. Далее он переворачивает *грудку* на 90° и, прихлопывая, получает форму, изображенную на фиг. 1,<sub>3а</sub>.

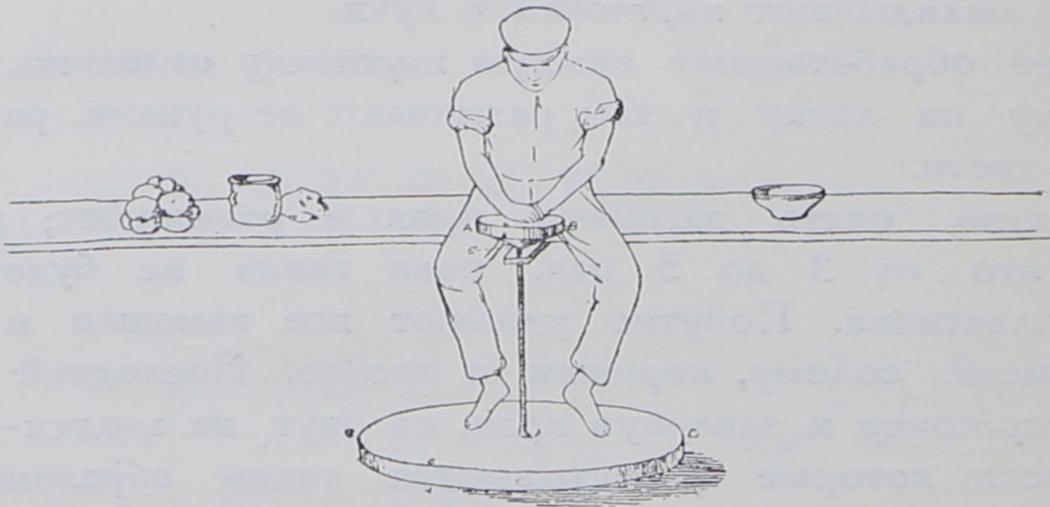
Размер *грудок* различный, смотря по тому, какую из них хотят делать посуду: для небольших *мисок* или *гличиків* берут маленькие *грудки*, а для больших *макитер*—большие; в среднем их размер колеблется от 12 до 30 см в диаметре и от 15 до 34 см в высоту.

Мастерская находится в хате. Зимой ее хорошо топят, чтобы было тепло и не застывала глина, хорошо сохли горшки и не мерзли руки у гончара.

Летом, чтобы не было жарко и лучше сохла посуда, вынимают из окон рамы и открывают дверь. Под потолком, на расстоянии 71 см, устраивают полки—*пятра*, на них расставляют посуду для сушки. В левом углу, против входа, находится гончарный круг (разрез круга—фиг. 1,<sub>4</sub>).

Круг по своему устройству соответствует так называемому украинскому *волосскому* или *волошскому* кругу и состоит из двух кругов—*верхняка* и *сподняка*, соединенных между собою стержнем—*веретенном*. Круг, наблюдаемый в Семипалатинской губ., относится к более усовершенствованным, чем круги,

описанные Зарецким<sup>1</sup> и в статье М. Могильченко (Мат. до Укр.-Русск. этнологии, т. 1), так как веретено в нем не деревянное с железным наконечником, а все сплошь железное, вследствие чего весь круг более устойчив, прочен и легче ходит. Под *верхняком* имеется дощечка—*коник*, сквозь которую проходит *веретено*, а другим концом *коник* прикрепляется к *лаве*, на которой сидит гончар. Цель *коника*—поддерживать круг в равновесии. Нижний конец *веретена* заострен и упирается в каменную подставку с углублением против острия.



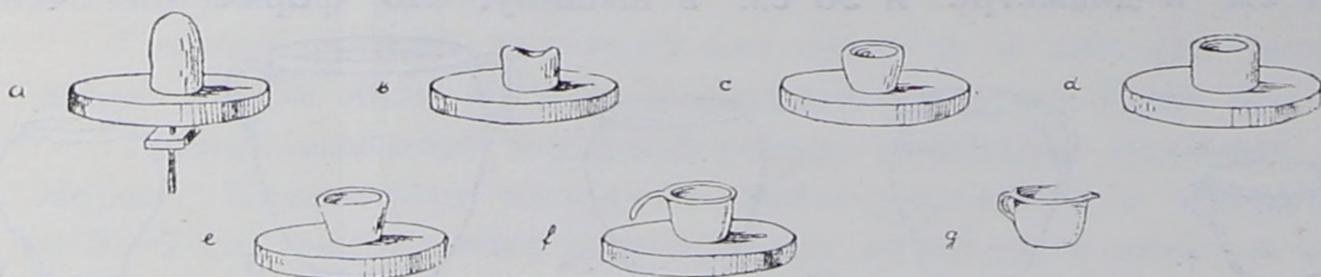
Фиг. 2. Гончар за работой.

Техника выделки посуды такова: сев на *лаву* за гончарный круг, гончар обеими ногами—левой толкая круг назад, а ударами правой двигая вперед—придает кругу вращательное движение в одном направлении (фиг. 2). Приведя круг в движение, гончар берет правой рукой *грудку* глины и с силой бросает ее на верхний круг, так что *грудка* крепко прилипает к *верхняку*. Затем обхватывает *грудку* обеими руками (фиг. 2) и сжимает ее, непрерывно вращая круг *a* (фиг. 3), вследствие чего *грудка* вытягивается. Далее гончар несколько осаживает эту форму вниз ладонями обеих рук, углубляя большие пальцы в середину полученной формы. Осадив, он смачивает руку в *мачке*—горшочке с водой, стоящем вправо от него, и начинает сильнее всаживать большие пальцы рук в центр формы, все время продолжая вращать круг.

Раздвигая пальцы, вложенные в полученное углубление, гончар расширяет верхние края формы, после чего получается

<sup>1</sup> А. И. Зарецкий. Гончарный промысел в Полтавской губернии. Полтава, 1894.

форма *c* (фиг. 3). Затем гончар отнимает обе руки от формы и опять смачивает их. Потом он обхватывает форму правой рукой, а левой, вставленной внутрь сосуда, раздает нижнюю, придонную ее часть. Получается опять цилиндрическая форма *d* (фиг. 3). Далее снова меняет положение рук: левой, концами пальцев, с внутренней стороны и правой—с внешней, регулирует толщину стенок, одновременно расширяя верхние края (форма *e*—фиг. 3). Если гончар делает *миску*, то он продолжает процесс



Фиг. 3. Стадии выделки *риночки* на масле.

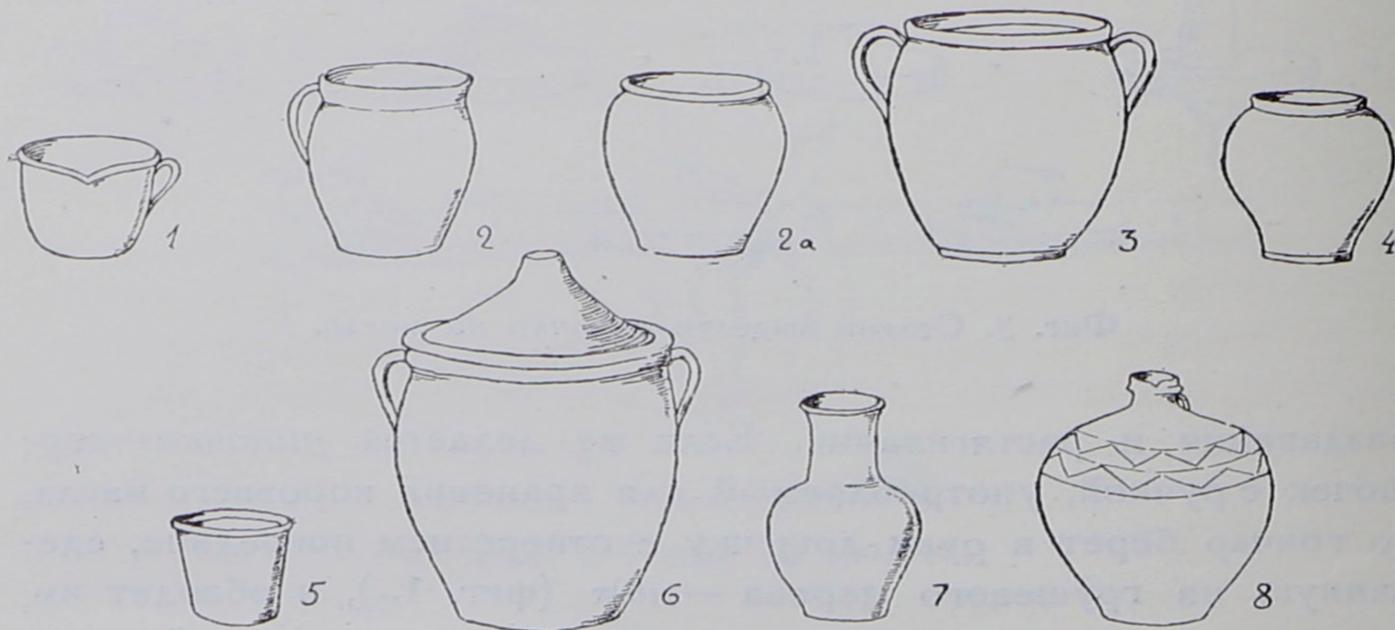
раздавания и растягивания. Если же делается *риночка*—горшочек с ручкой, употребляемый для хранения коровьего масла, то гончар берет в руки дощечку с отверстием посередине, сделанную из грушевого дерева — *нож* (фиг. 1,5), и обводит им, держа нож в горизонтальном положении в правой руке, вокруг верхнего края *риночки*, левой рукой ровняя края сверху и делая таким образом несколько отогнутый кнаружи аккуратный верхний краешек. После этого, слегка надавливая на нож, гончар проводит им сверху донизу по наружной стенке *риночки*, держа пальцы левой руки внутри, и равняет наружную поверхность, сглаживая следы пальцем и снимая с нее небольшой слой глины. Работа *риночки* на масле длится 3—4 минуты при безостановочном движении круга. Остается сделать *вушко*—ручку и носик, которые делаются гончаром при неподвижном положении круга. Для ручки гончар берет маленький кусочек глины и вытягивает его, раскатывая между ладонями рук. Протягивая его между вторым и третьим пальцами левой руки; получив сплюсненную лентовидную форму, прикрепляет ее к верхнему краю *риночки*, изгибает ее и легким ударом среднего пальца правой руки примазывает к стенке *риночки* *g* (фиг. 3). Чтобы сделать носик, гончар просто кладет второй палец правой руки на край *риночки* и надавливает с противоположной ручке стороны. Для снятия

сосуда с круга служит так называемый *дрот* — проволока с привязанными к концам ее тряпочками (фиг. 1,<sub>5a</sub>). Дротом гончар срезает сосуд с круга и ставит на доску, лежащую слева от него.

Основных форм выделяемых сосудов восемь:

*Риночка* — небольшой сосуд 16 см в диаметре и 12 см в высоту, служит для хранения коровьего масла (фиг. 4,<sub>1</sub>).

*Макитерка*, или *плоскун* (*німецька*), так же небольшой сосуд — 21 см в диаметре и 36 см в высоту. По форме он очень



Фиг. 4. Формы сосудов: 1—*риночка*; 2—*макитерка*; 2а—*макитерка*, або *плоскун* (*руська*); 3—*підворотнева макитра* (*німецька*); 4—*горшок*; 5—*цвітошник*; 6—*золинник з покриткою* (*німецька*); 7—*гличик*; 8—*тиква*.

напоминает горшок, от которого отличается более широким верхним отверстием и менее выпуклыми боками. Обычно без крышки, но с *вушком*. Употребляется для хранения сыпучих тел — крупы, зерна, а иногда яиц (фиг. 4,<sub>2</sub>). Та же форма, но часто с крышкой и без ушка, носит название *макитерки руської*, употребляется для тех же надобностей, что и *німецька*, а кроме того — для хранения чистой воды и для согревания ее в печке (фиг. 4,<sub>2a</sub>).

*Підворотнева макитра* (*німецька*) — довольно большой сосуд — диам. 28 см, а выш. 34 см. Употребляется и с крышкой и без нее. Форма такая же, что и *макитри*, но имеет два *вушка*. Употребляется для того же (фиг. 4,<sub>3</sub>).

*Горшок* — небольшой сосуд, суживающийся сильнее ко дну и менее к верхнему отверстию; диам. 18 см, выш. 23 см.

Обычно без крыши и *вушка*. Употребляется, главным образом, для варки каши (фиг. 4,4).

*Цвітошник*—наиболее варьирующая в размерах форма—от 12 см в диам. и 14 см в выш. до 20 см в диам. и 35 см в выш. Служит для посадки комнатных цветов (фиг. 4,5).

*Золінник (німецька)* диам. 33 см, выш. 38 см. Обычно с крышкой и с двумя *вушками*. Служит для хранения воды, для замешивания теста и т. п.; по форме похож на *макитерку* и *підворотню* (фиг. 4,6).

*Глечик*—кувшин для хранения свежего и кислого молока, диам. 10 см, выш. 26 см. Без крышки и ручек (фиг. 4,7).

*Тиква*—наиболее изящный сосуд, довольно больших размеров. Суживается кверху в узкое горлышко с отверстием в 5—7 см, книзу резко расширяется до 25 см в диам. и опять постепенно суживается ко дну до 10—15 см. Часто орнаментирован геометрическим вдавленным орнаментом. С ручкой, без крышки. Отличается тщательностью выделки. В нем берут с собой в поле воду или квас (фиг. 4,8).

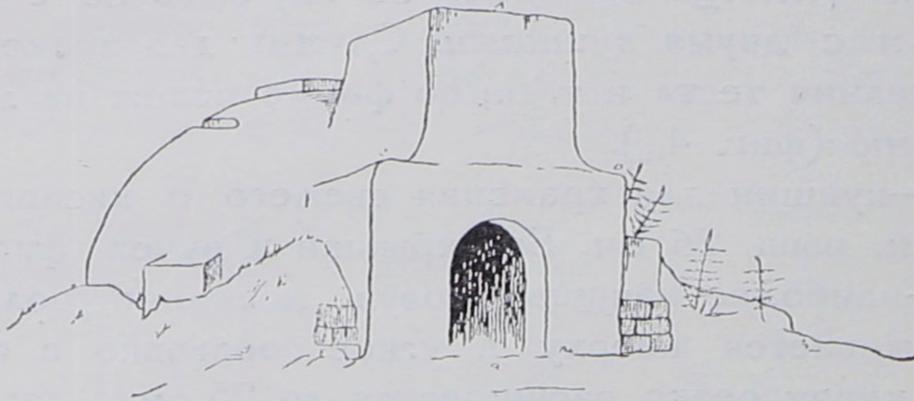
Когда доска, на которую ставятся готовые изделия, заполняется, ее выносят летом на улицу и ставят в тень на *холодок*, где посуда стоит и сохнет часа два. Затем доску приносят в хату, и там сосуды стоят еще сутки; за это время они настолько уже высыхают, что их можно ставить один на другой. Зимой посуда сохнет все время в хате на *пятах* в течение двух-трех суток.

Летом, когда мы посетили с. Батуриновку, выделялась лишь неглазированная—*неполивьяная* посуда, так как не было свинца для поливы. До 1927 года делалась и *поливьяная*.

Для приготовления поливы кладут в печку в какой-нибудь старой миске свинец и пережигают его. Затем растирают его *макогіном* в муку и просеивают через сито. Составляют смесь из двух столовых ложек свинца, трех столовых ложек песка и одной ложки красной глины. Обсохший горшок сперва смазывают внутри дегтем, затем насыпают несколько щепоток упомянутого порошка и *обкачивают* им внутреннюю поверхность посуды.

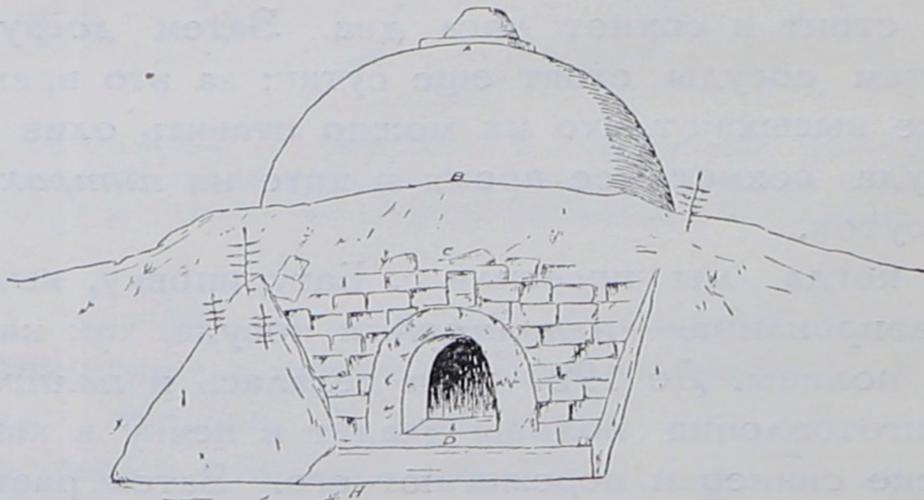
Высохшую посуду обжигают—*палят* в *горні*—особого устройства печи, стоящей под открытым небом в *городчике* (задняя часть двора). Делается горн или самим гончаром, или печником-специалистом.

*Горн* представляет собою почти круглую печь, которая разделяется на две части—*горно* и *пич* (фиг. 5, 6 и 7). *Горно* занимает большую переднюю часть печи, в которую ставится посуда для обжига. *Пич* следует за *горном*. Это—помещение для разведения огня. *Горно* горизонтальной перегородкой из сыр-



Фиг. 5. Горн спереди.

цового кирпича разделяется на две части,—надземную и подземную. С передней стороны в верхнюю надземную часть *горна* ведет вход, через который туда расставляют посуду, заполняя ею все помещение.



Фиг. 6. Горн сзади.

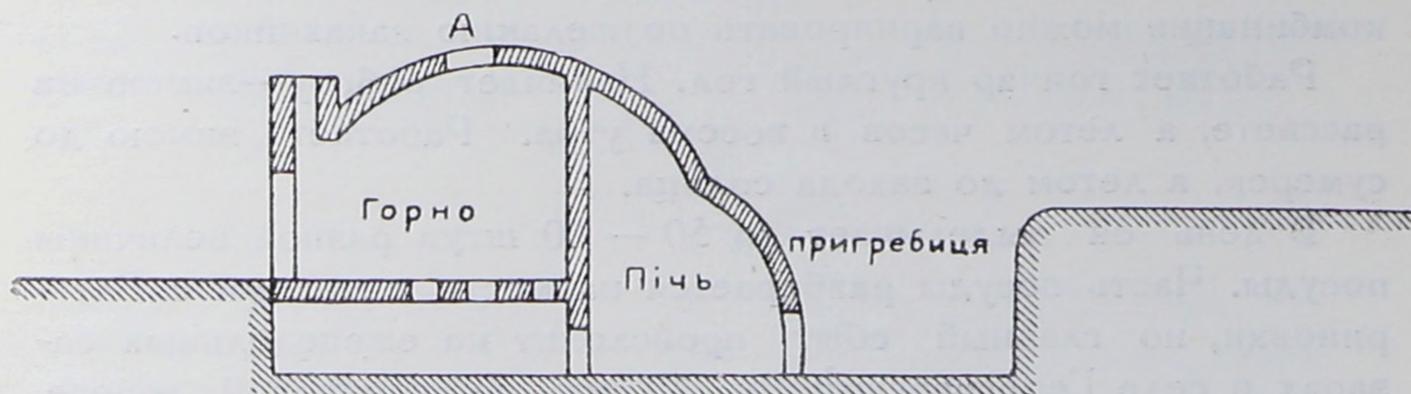
За *пичью* следует *пригребиця*, т. е. большая яма, из которой топится *пичь*. Диаметр *пригребиці* равен 2,5 м, а глубина—1,9 м. Размеры *горна* следующие: высота над поверхностью земли—2 м, диаметр—1,9 м.

Складывается горн из *цегли*—сырцевого кирпича, обильно обмазываемого глиной.

Самым трудным делом является расстановка посуды в *горну*. Надо расставить ее так, чтобы между отдельными сосудами

мог свободно проходить горячий воздух, с другой стороны, чтобы хорошо использовать площадь *горна*, обжечь как можно больше посуды и при этом, конечно, по возможности, избежать брака—битой и расколотой посуды. В *горн* помещается три сотни сосудов. Браку, по словам гончара, в среднем, бывает до 50 штук.

Топят *горн*, за отсутствием дровяного топлива, исключительно соломой. Когда посуда расставлена в *горну*, в *пич* из *пригребиці* кладут сначала немного соломы. Огонь и горя-



Фиг. 7. Продольный разрез горна.

чий воздух проникают в *горно* через отверстия в полу *горна* и в задней стенке его, граничащей с *пичью* (фиг. 7).

В своде *горна* имеется отверстие (А на разрезе), через которое, в случае надобности, можно следить за правильным ходом обжига.

На обжиг одного *горна* идет воз соломы (800—960 кг). Цена соломы 2 р. 50 к. воз.

*Горн*, сложенный из новой *цеглы*, стоит лет десять. Но обмазывать его глиной как с наружной, так и с внутренней стороны надо каждый год. Из всех его частей наиболее скоро портится *пичь*, которую часто приходится перекладывать—примерно, через три года.

*Палят* горшки в *горну* восемь часов. Сначала кладут немного соломы и огонь постепенно усиливают, достигая максимума через 4 часа. Для подачи соломы в *печь* служит железная *вила*, а для размешивания железный *потас*—род кочерги, состоящий из железного шеста, к концу которого прикреплена под прямым углом железная же пластинка (фиг. 1,6,7).

Через восемь часов перестают подавать солому, и *горн* стынет в закрытом виде сутки. Тогда посуду вынимают и ставят в сарай.

Счет посуды производят *сотнями*, причем под последним термином вовсе не следует понимать сто штук одинаковых сосудов. Счет этот легче всего объяснить на примере: *рядова*

сотня состоит из 20 золіників + 20 штук підворотнів + + 20 штук плоскунців + 20 мисок + 10 покришок на золіниківі + 10 покришок на плоскунчата.

Но, кроме рядовой сотни, может быть еще и такая: двойняк, т. е. 20 підворотнів, 40 плоскунців, 20 мисок и 20 покришок; тройняк, состоящий из 60 плоскунців, 20 мисок и 10 + 10 покришок. Наконец, так называемые глечики — 60 глечиків + 20 підворотнів + 20 плоскунців. Но и эти комбинации можно вариировать по желанию заказчиков.

Работает гончар круглый год. Начинает работу—зимою на рассвете, а летом часов в восемь утра. Работает зимою до сумерек, а летом до захода солнца.

В день он выделывает до 50 — 60 штук разной величины посуды. Часть посуды разбирается на месте жителями с. Батуриновки, но главный сбыт происходит на еженедельных базарах в селе Георгиевском, за 12 км по грунтовой дороге. За доставку горшков на базар платят рубль за подводу. На подводу помещается, в среднем, 150 штук разной посуды.

Из вышеприведенного описания видно, что орудия гончара, сама техника и терминология являются вполне типичными для украинского гончарства. Тем не менее есть кое-какие и отличия. Прежде всего обращает на себя внимание менее тщательная предварительная обработка глины, чем на Украине, что может быть объяснено очень хорошим качеством местной глины, малым количеством примесей, вследствие чего и примитивной обработки оказывается вполне достаточно. Кроме того, обращает внимание полное отсутствие росписи, раскраски посуды, что так необычно для украинской керамики. Посуда в Батуриновке совершенно одноцветная—серая до обжига и коричневатая после обжига. Иногда, чаще всего на тиквах, наносится геометрический орнамент из перекрещивающихся полосок, но не краской, а рельефный, ногтем или уголком ножа (фиг. 4,8).

Устройство горна совершенно совпадает с украинским, кроме, разве, того, что украинский горн стоит обычно под деревянным навесом на сохах, чтобы его не размывали дожди. Отсутствие навеса объясняется сухостью климата данной местности.

Наличие глины и ее высокий сорт, большая потребность в глиняной посуде позволяют предполагать, что со временем гончарство в обследованном районе получит широкое развитие.

## ФОРМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ У УКРАИНЦЕВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЮЖНОЙ ЧАСТИ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ГУБЕРНИИ

**А. С. Бежкович**

Цель настоящей работы — ознакомить с материалами, собранными нами во время работ Казакстанской экспедиции Академии Наук СССР в 1927 году по землепользованию украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губ., выяснить пути развития земельных взаимоотношений украинского населения исследуемого района, сравнив формы землепользования переселенцев с бытующими у них на родине.

В Казакстане украинцы осели на землях бывшего переселенческого управления, специально отведенных в виде так называемых переселенческих участков. Ходоки являлись в переселенческое управление, им указывали участок, иногда два, три, давая возможность выбрать любой. Избран определенный участок, ходоки в том же переселенческом управлении закрепляли его за собою и переселялись жить. Устройство на новом месте начиналось, во-первых, с того, что переселенцы выбирали место под поселок. Если через угодыя поселка протекала речка или ручей, то селились возле них, выбирая по возможности центральное, по отношению ко всем угодыям, положение. Но если избранное место оказывалось прекрасным лугом, то его оставляли, место поселения отодвигали несколько в сторону, отдавая, таким образом, предпочтение сенокосу; так было например, в с. Таврическом. При отсутствии речек и ручьев, селились на равнине, выбирая неглубокую подпочвенную воду и в то же время центральное положение поселка на территории угодий.

Вторым весьма важным делом переселенцев было выяснение качеств почвы и луговой растительности. В целях наилуч-

шего хозяйственного использования земельных угодий, общество поселка, выяснив путем осмотра всей территории, распределяло земли под сенокос, пашню и выгон, давая им определенные названия урочищ: „Мурзыха“, „Салтаныха“, „Недорезово“, „Волчиха“, „Ключи“ (источники) и т. п. Вследствие различных качеств почвы и рельефа, территория поселка обычно распадается на несколько урочищ—луговых и пахотных. Почвы с хорошей травяной растительностью отводятся под сенокосы, с более слабой, но с ровным рельефом—под пашни; холмы, склоны гор и равнины со слабой растительностью идут под выгон. Таким образом, на первом месте—сенокос, а на последнем—выгон. Выгон всегда примыкает к поселку, а пашни и сенокос—смотря по качеству почвы.

Во всех поселках исследуемого района все земельные угодья находятся в общинном владении. Что же касается землепользования, то выгон находится в коллективном пользовании, а сенокосные и пахотные земли равномерно распределяются между членами земельного общества. Только село Георгиевское является исключением из этого правила: там после революции возникли новые формы землепользования—выселковая, отрубная и групповая. Сенокосы делят ежегодно, а пахотные угодья—через несколько лет. Но пользование ими нормируется только в последние 15—20 лет, а в первые годы после переселения господствовала система вольной заимки. На родине переселенцев, по их словам, у большинства также было общинное землевладение. Большинство их—из южной Украины (Таврическая, Екатеринославская и Херсонская губ.), где господствует общинное землевладение.

Границы земельных угодий каждого поселка установлены межевыми работами переселенческого управления, проведены межи юртов<sup>1</sup> в виде пограничных борозд, пропаханных плугом, и закопаны межевые столбы.

То обстоятельство, что переселенцы с первого же года начинали распределять между собою сенокос, но оставляли в вольном пользовании угодья, предназначенные под пашню, объясняется, во-первых, тем, что хозяйства переселенцев имели скотоводческую тенденцию и поэтому стремились к обеспече-

---

<sup>1</sup> Словом „юрт“ обозначается территория угодий сельского или поселкового земельного общества.

нию себя сеном и, во-вторых, тем, что урожай травы есть готовый продукт, который можно реализовать, не затрачивая средств и труда на выращивание его, тогда как использование земельных угодий под пашню требовало затраты больших средств и времени для распашки целинных почв. Слабое же развитие земледелия и наличие свободных земель, пригодных для этой цели, создавало такие хозяйственные условия, при которых предложение земли превышало спрос и поэтому относительная ценность этих земель была низка, чем и объясняется незаинтересованность членов общины в равномерном распределении этих природных благ. Коротко говоря, здесь действовал общий в таких случаях закон, по которому превышение спроса на тот или иной вид земельных угодий повышает их ценность; вследствие этого их тщательно учитывают и распределяют.

Для уточнения понятия распределения сенокосных и пахотных угодий, а также выяснения причин различной оценки их, следует иметь в виду, что при распределении сенокоса принимают в расчет не площадь, не территорию сенокоса, а растущую там траву. Существует даже специальное выражение: „делить траву“, а не сенокос. Поэтому на одну и ту же площадь сенокоса в разные годы, в зависимости от степени урожая травы, назначают разное число надельных единиц; этим же объясняются ежегодный передел травы и время передела, который производят не раньше того, как трава выросла и созрела; временные юридические права хозяина на сенокос распространяются только на период уборки сена. При разверстке же пахотной земли принимают в расчет площадь.

В дальнейшем мы будем различать совершенно разные понятия распределения сенокоса и распределения травы. Первое имеет целью установить принцип уравнительного пользования площадями суходольного сенокоса или заливного луга, не считаясь с качеством травы, и связано с более или менее продолжительным периодом пользования, от двух до четырех лет и больше. Второе, напротив, кладет в основу уравнительного пользования сенокосными и луговыми угодьями не площадь, а главным образом качество травы. Переселенцы пользовались последним принципом. Только после революции в некоторых селах, наряду с ежегодным распределением травы, ввели и более продолжительное пользование сенокосными угодьями, наравне с пахотными.

За надельную единицу, получавшую то или иное количество травы, до 1920 года брали „мужскую душу“ с 18-летнего возраста, а с 1920 по 1924 год наделяли траву на голову скота, причем лошади, волы и коровы были равноценными надельными единицами: на каждую голову полагался один пай. Три головы овец приравнивались к одной лошади и получали один пай. Молодняк вообще не входил в расчет. Общее количество скота у каждого домохозяина устанавливалось по спискам пастуха, затем вносились изменения, вызванные падежом, покупкой или продажей скота. Введение такого принципа надельной травой крестьяне (село Таврическое) объясняют существованием в то время натуральной подводной повинности, которая отбывалась от количества скота, имевшегося в хозяйстве, и влиянием установившегося тогда понятия, что скот—собственность государства и что его надо содержать, в чьих бы руках он ни был. Наделяя зажиточных хозяев, имевших много скота, бóльшим количеством травы, беднота не претендовала и считала это справедливым, так как, по ее мнению, содержание „государственного“ скота и отбывание подводной повинности давало им право на это.

С 1924 года траву делят по едокам: сколько в семье едоков, столько домохозяин получает паев. При этом все едоки, независимо от пола и возраста, имеют одинаковое право на получение пая травы.

Организация раздела травы начинается с того, что крестьяне, собравшись у сельского или поселкового правления, избирают комиссию, в зависимости от количества сенокосов, из 3—5 человек; выбирают опытных в этом деле односельчан; комиссии поручают произвести подготовительную работу: учесть сенокосную площадь, разбить ее на участки, выяснить общее количество надельных единиц и определить число паев на каждый участок. Комиссия, чтобы выполнить возложенную на нее обязанность, выезжает на луга, осматривает участки, делает оценку качеству травы и устанавливает число паев на каждый участок. По выполнении этой работы снова созывают общее собрание, и комиссия докладывает ему результаты своей работы; если собрание находит, что разверстка надельных единиц по участкам была произведена правильно—то собрание ее утверждает; если находит недостатки, то вносит свои поправки: уменьшает в одном участке число надельных

единиц и прибавляет в другом. В небольших поселках и в селах, где опытом предыдущих лет прочно установились сенокосные участки и число надельных к ним единиц, там организация раздела травы значительно упрощается—все это решают на одном собрании сообща, без комиссии, иногда на лугу и тут же приступают к разделу. В организации распределения травы участвует и сельский совет—он организует это дело, в лице писаря оказывает содействие комиссии и общему собранию в вопросе выяснения количества надельных душ и т. д. В присутствии общего собрания комиссия делает „жеребки“: на одинаковых листочках чистой бумаги надписывает название участка-урочища: „Салтаныха“, „Мурзыха“ (названия местные—по балкам) и количество надельных единиц, положенных на этот участок; затем жребии сворачивают в трубки и опускают в мешочек, шапку или фуражку. Общее число жребиев соответствует числу участков-урочищ, а количество надельных единиц, помеченных в жребиях, равно всему количеству таковых села или поселка. Количество паев на участке зависит от размеров площади последнего; оно может быть 10, 30, 40 и более.

Заготовив жребии, приступают к распределению травы; иногда для этой цели выходят на луг, но если всем крестьянам хорошо известны участки и качество травы на каждом из них, то эту операцию производят в селе у сельского совета. Порядок распределения травы таков: сначала всем обществом, путем жеребьевки, разделяют претендентов на траву по участкам, а затем уже каждая группа домохозяев того или иного участка делит траву между собою. При этом следует заметить, что, прежде чем приступить к разверстанию претендентов на траву по участкам-урочищам, решают, с какой улицы и с какого конца начинать тянуть жребий. Первый вопрос решают по соглашению или же соблюдают очередь; так, например, если в селе 2—3 и больше улиц, то первый год начинают с одной, второй с другой и т. д. Вопрос же, с какого конца улицы начинать, кому первому тянуть жребий, всегда решается жеребьевкой: для этой цели уполномочивают двух домохозяев, которые тянут жребий; при этом уполномоченные должны жить на противоположных концах улицы. Производят это таким образом: комиссия заготавливает два „жеребка“, один с надписью „тянуть“ или „начинать“, а то просто ставят крестик, а дру-

гой оставляют чистым и опускают их в фуражку или мешочек; уполномоченные тянут. Какой конец улицы вытянет „счастливый“ жребий, с того и начинают жеребьевку для разверстки „надельных душ“ (до 1920 г.), „голов скота“ (до 1924 г.), „едоков“ (до 1927 г.) по участкам-урочищам.

Комиссия, приготовив участковые жребии, положив их в мешочек, приглашает „братъ жеребка“ крайнего домохозяина улицы, который перед этим тянул, как уполномоченный конца улицы. Запустив руку и вытянув жребий, домохозяин, если он грамотный, разворачивает жребий и громко читает название участка-урочища и количество положенных к нему надельных единиц, затем передает жребий комиссии, которая, проверив, записывает его в книгу или чаще всего на листке бумаги. Неграмотный, вытянув жребий, передает его комиссии, которая объявляет, что значит в жребии. Предположим, что на участке Салтаныха 36 паев, а у домохозяина Дубовыка, тянувшего жребий, только 7 надельных единиц (едоков); тогда комиссия на оставшиеся 29 паев этого участка зачисляет соседа Дубовыка, Гордиенко, с 12 надельными единицами. Следующими по порядку дворов зачисляются на этот же участок Ткач с 9 надельными единицами и Щербак с 10 надельными единицами, но последнему в этом участке не хватает 2 паев, так как получилось 38 надельных единиц на 36 паев. Чтобы дополучить недостающие два пая, следующим тянет жребий Щербак. Если он вытянет жребий, в котором будет значиться участок с 48 паями, то два из них будут принадлежать ему, а на остальные 46 комиссия зачислит надельные единицы следующих в порядке домохозяев, как в предыдущем случае. Так продолжают до извлечения последнего жребия. Этим заканчивается распределение надельных единиц по участкам-урочищам. Теперь остается еще в каждом участке распределить траву между хозяевами. Это дело выполняют сами хозяева, в нашем примере Дубовык, Гордиенко, Ткач и Щербак.

Группа хозяев, получившая участок луга, назначает ближайший, наиболее удобный для всех день для распределения травы между собою. Выехав на участок, осматривают его. Если обнаружатся площади с плохим качеством травы, то условливаются, каким образом компенсировать плохое качество количеством травы: увеличить такой пай до полуторного, двойного или же тройного размера. Затем измеряют 3-аршинной са-

женью площадь участка, узнают длину и ширину в сажнях и высчитывают, сколько их придется на каждый пай. Этим заканчивается подготовительная работа. Далее решают, каким способом будут делить траву. В практике крестьян установилось три способа распределения травы.

1) Наделяют каждого домохозяина паями в таком порядке, в каком они располагаются в селе, причем первым получает тянувший жребий для участка, затем его сосед, далее сосед соседа и т. д. При этом, если качество травы не одинаковое— на одном из концов участка трава плохая, а на другом хорошая, то вопрос, с какого конца начинать делить, решают жеребьевкой.

2) Хозяева, получившие участок, размежевав его на пай по числу надельных единиц, положенных на этот участок, делают столько жребиев, сколько домохозяев, но не паев, и затем тянут в таком же порядке, в каком они живут в селе; при этом заранее условливаются, с какой стороны начать делить траву. На жребиях написаны порядковые номера. Хозяин, на долю которого выпал жребий № 1, получает первым все свои пай подряд, за ним получает жребий № 2 и т. д.

3) Выяснив качество травы, длину и ширину площади в сажнях, разбивают участок, при одинаковой по качеству траве, на равные пай по числу надельных единиц, числящихся на этом участке, а при разнородности качества пай с плохой травой увеличиваются в полтора, два или три раза, чтобы таким образом компенсировать плохое качество травы большей площадью пая. Устанавливают порядковую нумерацию на каждый пай, начиная с одной из сторон участка, а затем делают жребии по числу надельных единиц, что в то же время соответствует количеству и номерам паев. Затем каждый из домохозяев (в нашем примере четыре) тянет столько жребиев, сколько у него надельных единиц, т. е. едоков. Предположим, что Дубовык на 7 едоков вытянул жребии с №№ 1, 4, 7, 12, 20, 22 и 23; согласно нумерации, он получает все свои пай в разных местах, исключая двух последних, расположенных вместе. „Почин“ делает, как и в предыдущем случае, тянувший жребий Дубовык или Щербак.

Последний способ более сложный, чем предыдущие, но, по мнению крестьян, в большей мере удовлетворяет требованиям справедливого распределения травы. Тем не менее, в этом

способе заключается большое неудобство, так как доля одного домохозяина разбросана в виде отдельных паев по всему участку, создавая чересполосное пользование травой, которое затрудняет своевременность и успешность уборки сена, увеличивает количество недоразумений, возникающих на почве вольного или невольного закашивания чужой травы. Тяжбы в связи с закашиванием чужой травы, по словам крестьян с. Таврического, довольно часты. Разрешают их иногда сами спорящие стороны полюбовно, но иногда для решения спорного вопроса привлекают соседей или дело передают в суд.

Пользование тем или другим способом распределения травы зависит, во-первых, от степени обеспеченности общины лугами и сенокосами, так как, чем больше обеспечены хозяйства травой, тем проще хозяева смотрят на то, кому сколько достанется травы; во-вторых, от того, насколько грамотны домохозяева и могут ли они справиться с более сложным способом, при котором приходится много считать и проводить жеребьевку, также требующую времени и знания. Дело в том, что распределение травы на участке производится самими хозяевами, без посторонней помощи. Поэтому нуждающиеся в траве и хорошо грамотные хозяева стараются как можно тщательнее распределить ее и, напротив, неиспытывающие большой нужды в сене и неграмотные крестьяне иногда прибегают к самому простому способу—делят „на глаз“ или „на любка“. Способ „на любка“ заключается, между прочим, в том, что известный клин луга предлагают взять желающим; если найдется два или три домохозяина, которые согласны на это предложение, то отдают его тому, у которого окажется больше наделных единиц—это выгоднее обществу.

Особого дня для распределения домохозяев по участкам паев в них не существует. Приступают к этому делу обычно в то время, когда трава вырастет и когда по ее урожаю уже можно определить качество того или иного участка.

Техника измерения и межевые знаки, применяемые при размежевании лугов, не сложны. Измеряют самодельной трехаршинной саженью. Одному из домохозяев, наиболее грамотному, поручают мерять; остальные, если их небольшая группа, идут за ним, а при многочисленности—часть; кое-кто про себя считает, как бы проверяет меряющего. Измерив одну продольную сторону участка, записывают; затем

меряют другую—поперечную. Если площадь луга представляет собою более или менее правильный четырехугольник, то ограничиваются измерением двух сторон, в противном случае меряют все стороны. Разбивка на пай при равных сторонах производится без вычисления площади в квадратных саженьях, а просто длину участка, предположим 1.260 саж., делят на количество надельных единиц; возьмем уже известные нам 36, а  $1.260 : 36 = 35$ . В таких случаях говорят, что на пай приходится 35 саж.

Если же площадь сенокоса представляет собою разносторонний четырехугольник, то измеряют его следующим образом: берут одну из сторон, наиболее ровную и длинную, которая служит как бы основанием; затем измеряют поперечник; если он не одинаков, то в нескольких местах, скажем в трех, где находят следующие размеры: 40 саж., 30 и 20. В таких случаях за основание поперечника площади берут то измерение, длина которого больше остальных. В нашем случае первый поперечник имеет длину 70 саж., второй 90, а третий 50 саж.— основанием будет служить второй. При наделении травой второй поперечник будет считаться средним и если пай на этой площади будет равен 10 саж., то при первом поперечнике длина его будет меньше, а при третьем больше.

Отмерив долю, причитающуюся одному домохозяину, или пай, если жребии тянут по числу паев,—ставят знаки. В местной практике установилось два типа: 1) *скопци*, т. е. маленькие ямки, которые делает сам хозяин, копнув два-три раза железной лопатой, и 2) выкашивание травы, когда также хозяин несколькими взмахами косы скашивает на этом месте куст травы. Проводят границы между смежными долями сами соседи. Измеряют противоположную сторону, делают меты, а чтобы провести прямую линию на границе двух смежных долей, ставят на месте мет вехи. Вонзают в землю 2—3-аршинный шест, сверху наматывают пучок травы, а если между вехами большое расстояние и пучок травы слабо вырисовывается на фоне луговой зелени, то на шест надевают шляпу или фуражку. При большом расстоянии, между крайними вехами ставят еще в середине 1—2 и больше вех; это дает возможность провести более прямую границу:

Средние вехи ставят следующим образом: один человек идет вперед и ставит их, а другой, прислонившись лицом

к шесту и зажмутив левый глаз, визирует и взмахами руки вправо или влево наводит первого на прямую линию. Как только веха попадет в створ, он взмахом руки вниз велит укреплять ее. Таким же точно образом вставляется следующая и т. д. По линии вех проводят межу. Если трава густая и высокая, то хозяин верхом на лошади или же пешком идет по линии вех,—оставшийся след и будет служить межою; при низкой траве след этот незаметен и поэтому прибегают к другому способу: из конца в конец, по линии вех, прокашивают. Таким образом, межи носят временный характер, со скашиванием травы они исчезают и, следовательно, относятся не к площади луга, а к траве.

После распределения травы хозяева сейчас же приступают к сенокосению (см. статью „Скотоводческий быт украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губ.“).<sup>1</sup>

Значительно реже применяется другой принцип пользования площадями луговых и сенокосных угодий. Только после революции в некоторых селах луга и сенокосы поделили, подобно пахотным полям, и теперь каждый хозяин пользуется самостоятельно своим сенокосным паем из года в год, до следующего передела. Если первый принцип считается более справедливым в отношении равномерности распределения травы, то второй надо считать более целесообразным в хозяйственном отношении. Владея сенокосной площадью несколько лет подряд, хозяин имеет возможность производить улучшения луга, что, по нашему мнению, приучит крестьян к мысли о травосеянии.

Степень обеспеченности населения травой во всех поселках и селах далеко неодинакова и колеблется от  $\frac{1}{2}$  до 1 дес. на едока. К тому же понятие обеспеченности травой относительное и определяется исключительно местной хозяйственной потребностью и наличием луговых угодий. Но, в общем, следует считать, что хозяйства более или менее удовлетворительно обеспечены сеном на одну зиму. Правда, многие, чтобы обеспечить свой скот сеном, арендуют сенокосы у казаков, а большинство косят сорняки на так называемых пустошах—залежах, что значительно увеличивает годовые запасы корма. Покупка травы у казаков и выкашивание сорняков на пусто-

<sup>1</sup> Настоящий сборник, стр. 148.

шах может служить показателем, что естественных лугов для обеспечения себя сеном нехватает. Между прочим, это обстоятельство побуждает некоторых хозяев села Георгиевского вводить травосеяние.

Пользование пахотными землями. Переселившись в Казакстан, украинцы осели на землях, никогда не видавших плуга, и поэтому, прежде чем бросать зерно в землю, они должны были распахать дикие задерненные почвы, сделать их культурными. Эта работа для переселенцев была нелегкой. Недостаток хороших пахотных орудий и рабочего скота сильно тормозили разработку девственных почв. Поднятие целины было настолько трудным делом, что установился обычай, охранявший право каждого хозяина, затратившего труд и время на вспашку ее, — право, по которому распаханная площадь оставалась за ним в течение 3 лет, так как к третьему году на ней появляется разнотравие с сильным преобладанием пырея, которое, по установившемуся обычаю, снимает земледелец, подготовивший его произрастание. В силу этого такую землю никто не имел права запахать до снятия травы, хотя в это время вообще господствовала система захватного землепользования. Правда, аналогичный обычай имел место до середины прошлого столетия на Кубани и на Дону, где точно такие же права имел казак на целинную землю, впервые им вспаханную. Вообще это право было широко известно в свое время в степной полосе Украины. Тяжелые и сильно задерненные почвы, для поднятия которых требовался прочный плуг украинского типа и 8—10 волов, в связи с появлением разнотравия и главным образом пырея только после 3—4-летней обработки ее, обусловили возникновение этого права на Украине и в других степных местах. Этими же условиями объясняется существование его как особой формы землепользования в исследуемом нами районе.

Первые пять-шесть лет в наиболее старых селах, как Георгиевское, Гаврическое, пользовались землями, отведенными под пашни, без всяких ограничений и норм. Коншин, обследовавший в 1898 г. переселенческие поселки, пишет: „Земли покмест много, и каждый может распахать сколько угодно. Деления на поля нет. Распаханная земля остается за работником“. <sup>1</sup> Существовало вольное землепользование: *Хто*

<sup>1</sup> Переселенческие поселки в Усть-Каменогорском уезде. Памятная книжка Семипалатинской области 1899 г., стр. 22.

скільки може збрать и где облюбую собі місто. В общем украинцы в Казакстане повторили ту систему землепользования, которую Багалей считает характерной для левобережной Украины XVII и XVIII столетия, так называемую „займанщину“.<sup>1</sup>

Нормировались эти „захваты“ одним лишь указанием поселкового общества: *орать на Ключах на Курджуре*. Названием урочищ общество указывало территорию, в районе которой можно производить распашку. Но после того, как переселенцы экономически несколько окрепли и более зажиточные начали производить запашки в 15—20 дес., маломощные хозяева стали протестовать против вольной запашки. Так, например, в селе Таврическом маломощные хозяева возбудили этот вопрос перед властями, прося у них содействия в виде издания особых распоряжений, нормирующих пользование землей.

Несмотря на большие пространства свободных земель, пригодных для распашки, в некоторых селах борьба бедноты с зажиточными приняла обостренный характер. Беднота доказывала, что зажиточные, путем вольной заимки, пользуются общинными землями в большем количестве, чем им полагалось бы, и таким образом за счет бедноты богатеют. Зажиточные, защищаясь, говорили, что свободной нераспаханной земли много и что если беднота нуждается в ней, то может пахать, сколько ей понадобится.

В результате этой борьбы было найдено компромиссное решение, по которому сторонники введения ограничения в систему вольного пользования добились частичного нормирования пользования пахотными угодьями, по существу выгодного

---

<sup>1</sup> „В силу всего сказанного, мы должны сделать следующие выводы: в истории колонизации левобережной Украины после восстания Богдана Хмельницкого важную роль играет тот способ завладения, который в устах народа и актах носит специальное название „займанщины“. Его мы открываем как в северной Малороссии—Черниговщине, так и в южной—Полтавщине; только в последней он сохранился дольше. Это вместе с тем служит признаком, что здесь он вообще был более распространен. Займанщина эта носила двойкий характер—общественный и личный: иногда известные свободные грунты занимали отдельные лица. Общественная займанщина предшествовала личной, но часто шла вместе с нею: это зависело от местных условий“. Киевская Старина. Декабрь, 1883. Займанщина в левобережной Украине XVII и XVIII столетия, стр. 591—592.

ля общества, но ровно ничего не дающего малоимущим хозяйствам. Нормирование это заключалось в том, что была введена паевая система, по которой каждый мужчина, достигший 18-летнего возраста, получал пай в 12 десятин земли, пригодной для распашки. Но если кто-нибудь из домохозяев фактически обрабатывает больше земли, чем ему полагается, то излишек считается общественной землей и за него была обществом установлена арендная плата в размере 50 коп. с десятины, которая взималась поселковым обществом. Таким путем была введена аренда—сдача общественной земли. Ограничив зажиточных паевой системой и общественной арендой, беднота, в сущности, мало выиграла от этого, так как причитавшиеся ей пай пустовали, никем не обрабатывались и поэтому считались общественной землей, которую мог запахать любой домохозяин, уплатив за это обществу 50 коп. за десятину.

В Георгиевском и других селах, расположенных по Чарской долине, переход от вольной системы землепользования к нормировочной начался с распределения орошенных полей. Наделяли паями, в одну и более десятин, мужскую душу, достигшую 18-летнего возраста. Неорошенные земли оставались еще в вольном заимочном пользовании. Уравнительный передел орошенных полей был обусловлен тем, что мелиоративные работы велись общими силами и средствами села; кроме того, площадь их была ограниченная и они были несоизмеримо ценнее неполивных, так как они обеспечивали верный урожай. Затрата общественного труда на превращение неплодородной земли в культурную сделала ее настолько экономически ценной, что захватная система землепользования была бы грубой несправедливостью, с которой ни в коем случае не могли бы примириться малоимущие хозяева, составлявшие большинство села, и мыслима была бы только при иной социально-экономической группировке.

Следующими мероприятиями общины, преимущественно ее бедняцкой части, направленными к ограничению вольной запашки, следует считать: повышение арендной платы за излишне запаханную общественную землю с 50 коп. до 1 руб. за десятину и категорическое воспрещение самовольно распахать целинные земли. Общество обязало своих односельчан в каждом отдельном случае распашки нови спрашивать особое

(его, общества) разрешение, которое, надо сказать, общество давало неохотно, так как за 10—15 лет переселенцы уже успели распахать довольно большую площадь своих целинных земель и поэтому к ним начали относиться бережно.

Почти во всех селах было введено правило ежегодно, весною, наделять каждый двор по числу паев целиной под бахчи, по  $\frac{1}{2}$  десятины на пай. Земли под бахчи, коноплю, просо, картофель, для удобства оберегания от скота, отводились в одном месте для всех односельчан. После снятия бахчей, каждый хозяин сеял на своем участке, что хотел,—в общем, земля оставалась за ним. Таким образом, расширение пахотной площади в каждом хозяйстве шло двумя путями: свободным захватом целинных земель и ежегодным наделением целинных земель под бахчи. Для первого пути расширения запашки, как мы видели выше, общество ввело ограничение, но второй во многих селах еще бытует и по сие время.

Вследствие такой системы землепользования, возникли чересполосица и лоскутность земельных угодий каждого хозяина. У некоторых хозяев их земля находилась в 15—20 местах, что в сильной степени тормозило успешность полевых работ; много тратилось времени на переезды с одного поля на другое и т. п. И, наконец, при такой разбросанности полей трудно было производить учет излишне запаханых земель, с которых общество взимало аренду. В правильном же их учете общество было заинтересовано, так как это была единственная более или менее существенная статья его дохода, тем более, что некоторые зажиточные хозяйства успели к этому времени собрать у себя от 50 до 80 десятин пахотной земли.

В селе Георгиевском в 1907 г., в Таврическом в 1910 г., а в других позже, маломощные хозяева снова подняли вопрос об упорядочении землепользования и на этот раз выдвинули принцип черного передела всех пахотных земель. Принцип общественного обложения их уже не удовлетворял. Домохозяин, обрабатывавший, вместо причитавшегося ему пая в 12 десятин, только 6 десятин, считал, что остальной его землей кто-то пользуется и общество за это взимает плату, но он никакой выгоды из этого не извлекает. Настаивая на переделе, маломощные рассчитывали, что, с равномерным распределением всех земель и запрещением самовольной распашки

целины, зажиточные вынуждены будут арендовать у них землю и таким образом экономически их поддержат. Мало мощных оказалось большинство и они добились уравнительного передела всех земель.

Черный передел в одних селах повысил паевой надел, а в других понизил. В селе Таврическом вместо 12 десятин получили по 17, а в Георгиевском—по 6 десятин на мужскую душу, достигшую 18-летнего возраста. В селах, хорошо обеспеченных пахотной землей, уравнительные переделы производились реже, чем в селах с ограниченной площадью пахотных угодий. Так, например, в селе Таврическом с 1910 г. до революции никаких переделов не было, тогда как в селе Георгиевском их было четыре до революции и два после. Неодинаковая обеспеченность поселковых обществ землей и недостаток ее в некоторых побуждали переселенцев как можно тщательнее произвести учет всех земель и равномернее разделить их между собою. Этим же обстоятельством объясняется и тот факт, что георгиевцы, переделав земли в 1911 году, в 1912 их снова делят, ибо первому переделу, произведенному сообща, они не доверяют, считая, что недостаточно правильно были учтены все угодья и неверно оценены качества разнородных почв и т. д.

Таким образом, до революции в некоторых селах и поселках уже ощущался недостаток пахотных земель. Поэтому, после октябрьского переворота, многие села и поселки начали расширять свои угодья за счет многоземельных соседей. Так, например, В.-Дмитриевский поселок, с одной стороны, Актюбинский, с другой, а „Южная коммуна“, с третьей, захватили угодья села Таврического, которое было хорошо обеспечено земельными угодьями. Аналогичные явления происходили и в других местах. Там, где соседи были так же малоземельны и нельзя было за их счет расширяться, там излишек населения переселялся в другие поселки или образовывали новые: коммуна „Орел“, „Южная коммуна“, „Южная кооперация“, „Мелитопольская артель“ и т. п. Одни из них возникли на свободных участках переселенческого управления, а другие на войсковых землях сибирского казачества. Некоторые из них, распадаясь, перерождаются в хутора. К 1927 году горячка расширения общинных земельных угодий за счет соседей несколько утихла, но для многих земельных обществ вопрос

остаётся и по сие время не разрешенным. Такие общества ждут государственного землеустройства.

Довольно сильные изменения революция произвела в распределении земель внутри общины. Принцип наделения взрослой мужской души и только приписанной к данному обществу был заменен новым,—наделением по едокам, по которому наделают все наличное население, мужское и женское, без различия возраста, проживающее во время передела в поселке. Этот принцип наделения землей введен во всех поселках. Община также претерпела довольно большие изменения: так, например, в некоторых селах введены выселковая форма землепользования, хуторская и отрубная, что фактически разрушает общинное землепользование. Такую форму землепользования мы встретили в селе Георгиевском, которое с 1902 г. уже успело произвести восемь поравнительных переделов; последний был в 1924 г. и носил характер внутриобщинного землеустройства.

Все пахотные и луговые угодья георгиевцы распределили по группам, отрубам и выселкам, и только выгон остался в общинном и общем пользовании. При этом все село разбилось на три типа землепользования: 1) поселковый — 8 домохозяев вышли из состава общины и образовали небольшой выселок; 2) отрубной — 12 домохозяев, оставаясь жить в селе, пользуются общинным выгоном, но выделили из земельного общества причитающиеся им пахотные и луговые угодья, на которых они вольны производить сельскохозяйственные улучшения: завести многопольный севооборот, травосеяние, производить мелиоративные работы и т. п.; 3) групповой тип — чисто местное землеустроительное изобретение, довольно сходное с общинным землепользованием. Сущность его заключается в том, что сельское земельное общество разбивается на группы, в данном случае на 11. Домохозяева объединяются в группы добровольно; каждый волен выбрать любую из одиннадцати. Обычно объединяются соседи, родственники или хозяева, находящиеся в приятельских отношениях. Цель этих объединений — подобрать во всех отношениях солидарную группу, прежде всего способную поддерживать в исправности оросительную систему, снабжающую их участок водою; готовую в любой момент на расширение мелиоративных работ на своем участке; стремящуюся к улучшениям семян, инвентаря,

введению многопольного севооборота и т. п. Группа намечает определенный участок общинной земли и просит у сельского общества разрешения занять его. Если на этот участок нет претендентов, то общество разрешает, а в противном случае вопрос, кому предоставить этот участок, решается жеребьевкой. Выделив из общего земельного фонда потребное количество десятин (по числу едоков, согласно принятой нормы), группа сама распределяет между собою землю и самостоятельно решает, какой завести севооборот. Кроме того, группа имеет право в будущем производить в пределах своего участка уравнильные переделы, не согласуя их с остальными группами и не спрашивая разрешения сельского общества.

В групповой форме землепользования нетрудно видеть ту же общинную форму, но несколько измельченную и идейно обновленную. Старое георгиевское земельное общество состояло из разнородного хозяйственного и идейного элемента, механически объединенного в одно общество, к тому же громоздкое, а новые общества-группы объединены целым рядом принципов, солидаризирующих их хозяйственную и культурную деятельность; малочисленность же их членов делает их более подвижными, сговорчивыми и предприимчивыми.

В результате такой смешанной формы землепользования, село Георгиевское в административном отношении представляет собою одно целое, дающее ему возможность, как большому селу, легче справиться с школьным, больничным, кооперативным и вообще культурно-просветительным и хозяйственным строительством. Но в земельном отношении это село распадается на целый ряд самостоятельных ячеек-групп, которые, пользуясь общей землей, свободны, каждая по-своему, проявлять инициативу в отношении наилучшего использования природных богатств почвы.

Быть может, эту форму землепользования следует считать наиболее пригодной для больших сел и поселков, хотя взаимоотношения между группами и групп с общиной, вследствие новизны дела, еще не оформились.

Первые две формы землепользования — выселки и отруба являются новинкой для исследуемого района. Мы их встретили только в селе Георгиевском.

Сторонников выселковой и отрубной формы пока мало. Население, привыкшее к коллективному землевладению, не-

охотно переходит к индивидуальному, каким является выселковое и отрубное. Хотя с агрономической и экономической точки зрения эти формы и считаются более совершенными, так как первая устраняет чересполосицу и дальнотемелье, а время дает свободу действий хозяину-отрубнику в отношении агрикультурных улучшений своего участка и устраняет чересполосицу, все же выселки и отруба имеют большие отрицательные стороны. Первые совершенно отрывают домохозяев и их семьи от общественной жизни и затрудняют пользование школой, больницей и другими учреждениями села, а вторые способствуют развитию индивидуалистических тенденций в сельском хозяйстве.

В других селах и поселках вопрос перехода от общинного землепользования к отрубному, хуторскому и пр. пока находится только в стадии обсуждения. Вообще следует заметить, что украинцы-переселенцы разрешают все свои земельные разногласия довольно спокойно. Мы здесь не наблюдали таких сильных трений между сторонниками новых форм землепользования и старых, как, например, на Кубани, где дело доходило до убийств.<sup>1</sup>

Почти во всех селах и поселках, которые уже провели внутриобщинное землеустройство, выделены земли общественного значения, например, школьные участки и участки крестьянских о-в взаимопомощи. Выделение их произведено по распоряжению земельных органов. Идея хорошая, но практически она пока ничего не дала. Земли эти пустуют, зарастая сорняками. Очевидно, вследствие того, что под эти участки отведены земли не лучшие, а худшие — их никто не берет в аренду; кроме того, большое значение имеет слабый спрос на землю, так как хозяева середняцкого типа хорошо обеспечены своими надельными землями, а зажиточные, производившие до революции запашки в 50—100 и больше десятин, теперь много не сеют.

Организация и техника передела пахотных земель немногим отличается от распределения травы. Также избирают „комиссию“ или „уполномоченных“ для выяснения общего фонда пахотных угодий, затем на общем собрании проверяют подготовительную работу комиссии, делают поправки

<sup>1</sup> А. Б.—ч. Землеустройство на Кубани. Сборн. „Революция в деревне“, ч. II, 1925, стр. 71—72.

и утверждают. Все село разбивают на группы—„десятки“ (село Таврическое и др.) или „порядки“ (село Георгиевское). В первом случае в группе бывает 10 домохозяев, а во втором может быть больше. Каждая группа выбирает своего уполномоченного, который производит учет наделных единиц, получает на них землю и потом, совместно с домохозяевами „десятка“, „порядка“, распределяет ее между ними. Вопрос, с какой стороны села начинать, решается так же, как и в предыдущем случае (см. выше)—жеребьевкой.

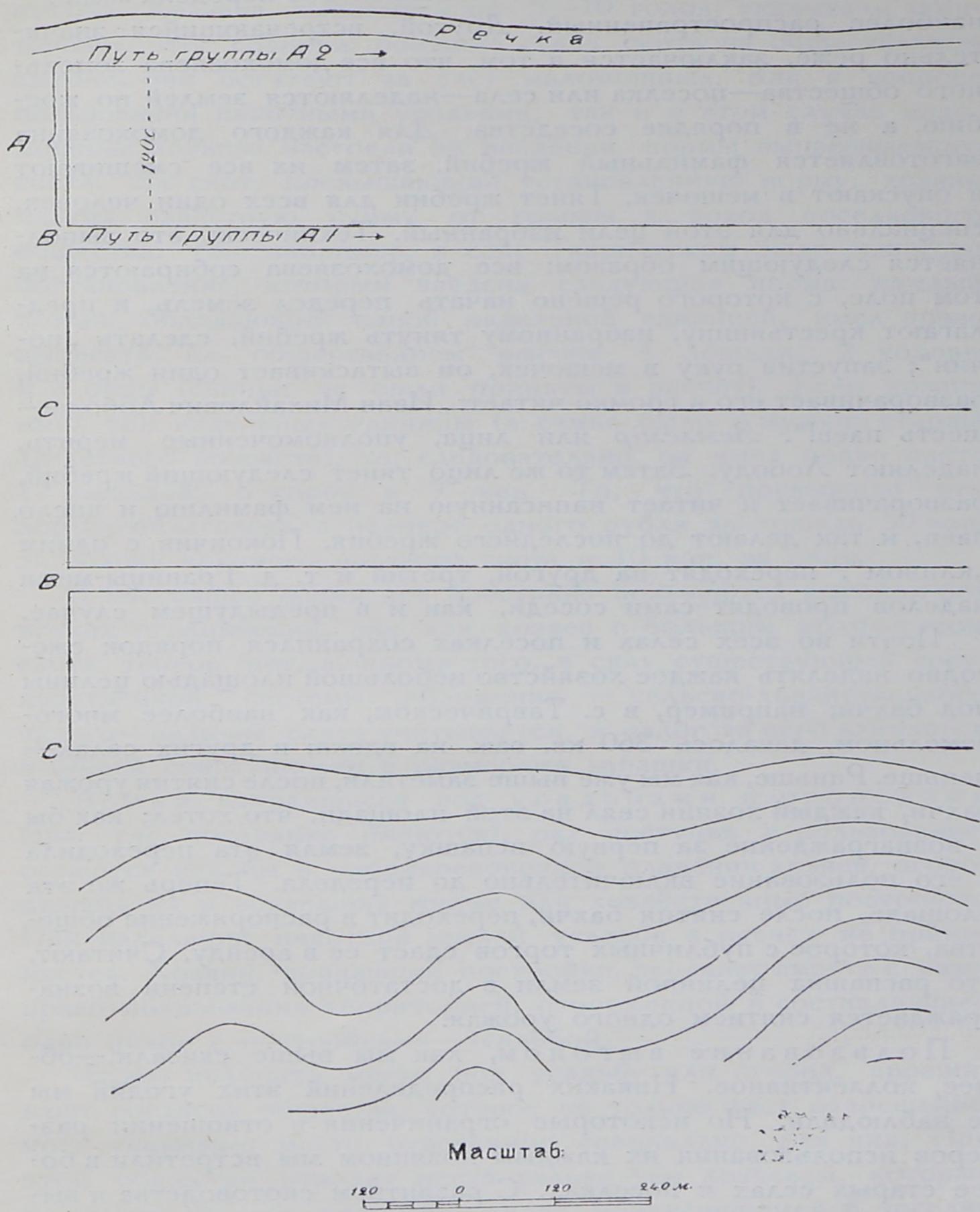
Неодинаковые по качеству и по времени разработки почвы разбивают на „клины“ — поля, и, чтобы не было обиженных, каждый домохозяин получает во всех „клинах“ одинаковую долю с прочими. В селе Таврическом до и после землеустройства пахотные земли были и теперь разбиты на семь „клинов“, и каждая наделная единица (едок) получает причитающийся ей пай в 3 дес. 840 кв. саж. в семи местах: 1 дес.— в одном месте, 7 саж.— в другом, 5 — в третьем,  $\frac{1}{2}$  дес.— в четвертом, 5 саж.— в пятом,  $\frac{1}{2}$  дес.— в шестом и  $\frac{1}{2}$  дес.— в седьмом. Правда, такая система землепользования создает чересполосицу, а вместе с этим — хозяйственные неудобства: непроизводительную потерю времени при полевых работах, разбросанность пашни, лишаящую хозяина возможности своевременного наблюдения и ухода за растениями и т. п. Зато, с точки зрения крестьян, таким распределением земель достигается абсолютное уравнивание не только в количественном, но и в качественном отношении.

Делят землю чаще собственными силами, избирают „доверенных по земле“, и только в том случае, когда передел носит землеустроительный характер, нанимают из своей же среды хорошо грамотных крестьян, *землемірів*. Специалистов-землемеров в исследуемом районе мы не встречали: крестьяне как теперь, так и раньше, с задачей распределения земель справляются сами. Меряют пахотную землю уже отмеченной нами саженью, а в некоторых селах, например Георгиевском — землемерной цепью, приобретенной на общественные средства и обычно хранящейся в сельском совете.

*Землемір* прежде всего разбивает каждый „клин“ или урочище на полосы, *стовби*, проводит полевые дороги и „глухие“ борозды, а затем наделяет „десятки“ или „порядки“. Наделение производится в присутствии всех домохозяев, кото-

рые выходят к этому времени в поле, разделяясь на две группы: одна идет по полевой дороге, а другая по „глухой“ борозде (фиг. 1), и делят землю. Вопрос, с какой полосы и какого конца начать, решают жеребьевкой.

Для наделения домохозяев пашней у переселенцев установилось два способа. Решив путем жеребьевки с какого конца поселка и улицы наделять „десятки“ земель, первым дают из крайнего „десятка“, вторым—из идущего в порядке соседства и т. д.; технически это осуществляется следующим образом: комиссия и группа крестьян, идущие по полосе у дороги, проверяют количество наделных единиц „десятка“; предположим, находит 36, объявляя об этом. Затем *землемір* или сама комиссия наделает. В этот же момент к группе, идущей у „глухой“ борозды, комиссия посылает верхового гонца, который передает ей, на какое количество наделных единиц такому-то „десятку“ следует отмерить земли. Таким образом, полосу одновременно меряют с двух противоположных сторон. Отмерив причитающуюся „десятку“ землю, делают межевые знаки, уже известные нам *скопці*. Затем точно таким же образом наделают следующий „десяток“ и т. д. „Десяток“, получив землю во всех клинах, делит ее между собою. Жеребьевкой решает, с какого хозяина начать распределение (имеют в виду двух противоположных крайних в „десятке“). Наделив первого по числу его паев, наделают второго—его соседа и т. д. Домохозяин, получив свою долю, границы ее отмечает *скопцями* и тут же на своем участке кладет более основательную мету—лопатою выкапывает начальную букву своего имени и фамилии или же сокращенно фамилию: вместо Гордиенко—Горд (с. Таврическое). Такие меты устраняют возможность перепутать участки. Техника распределения пашни в „десятке“ производится точно таким же образом, как и распределение травы (см. выше). Только проведение границ между наделами соседей отличается более постоянной метой: установив, как выше было сказано, вехи, проводят между—пропахивают плугом неглубокую борозду, *аби було видно слід*. Затем, когда пахут землю, соседи идут плугом с таким расчетом, чтобы поднятая и выброшенная им земля немного засыпала борозду, вследствие чего вместо борозды образуется небольшой гребень, который и служит межей. Широких межников, заросших сорняками, мы здесь не встречали.



Фиг. 1. Схематический план урочища.

А—стовб — полоса.

В—полевая дорога.

С—„глухая“ борозда.

Надо сказать, что вышеизложенный способ передела земли—наиболее распространенный. Другой, встречающийся значительно реже, заключается в том, что все домохозяева земельного общества—поселка или села—наделяются землей по жребию, а не в порядке соседства. Для каждого домохозяина заготавливается фамильный жребий, затем их все смешивают и опускают в мешочек. Тянет жребии для всех один человек, специально для этой цели избранный. Технически это выполняется следующим образом: все домохозяева собираются на том поле, с которого решено начать передел земель, и предлагают крестьянину, избранному тянуть жребий, сделать „почин“; запустив руку в мешочек, он вытаскивает один жребий, разворачивает его и громко читает: „Иван Михайлович Лобода—шесть паев!“. *Землемір* или лица, уполномоченные мерить, наделяют Лободу. Затем то же лицо тянет следующий жребий, разворачивает и читает написанную на нем фамилию и число паев, и так делают до последнего жребия. Покончив с одним „клином“, переходят на другой, третий и т. д. Границы-межи наделов проводят сами соседи, как и в предыдущем случае.

Почти во всех селах и поселках сохранился порядок ежегодно наделять каждое хозяйство небольшой площадью целины под бахчи; например, в с. Таврическом, как наиболее многоземельном, давалось 360 кв. саж. на едока; в других селах—меньше. Раньше, как мы уже выше заметили, после снятия урожая бахчи, каждый хозяин сеял на этой площади, что хотел; как бы в вознаграждение за первую вспашку, земля эта переходила в его пользование включительно до передела. Теперь же эта площадь, после снятия бахчи, переходит в распоряжение общества, которое с публичных торгов сдает ее в аренду. Считают, что распашка целинной земли в достаточной степени вознаграждается снятием одного урожая.

Пользование выгоном, как мы выше сказали,—общее, коллективное. Никаких распределений этих угодий мы не наблюдали. Но некоторые ограничения в отношении размеров использования их каждым хозяином мы встретили в более старых селах и поселках. С развитием скотоводства и выделением особой группы более зажиточных хозяев, имевших до 100 и больше голов скота, необходимость изыскать средства для покрытия общественных расходов побудила мало-мощных хозяев поднять вопрос о равномерном использовании

выгона. Хозяева, выпасывающие 5—10 голов, указывали зажиточным, что, держа большие стада скота на общественном выгоне, они богатеют за счет маломощных. Как в вопросе пользования пахотными угодьями, так и в этом случае маломощные хозяева настояли на введении нормы выпасываемого скота. За скот, превышающий установленную норму, хозяин платил известную сумму от головы в доход поселкового общества. Так, например, в селе Таврическом было вынесено постановление, которым введена следующая норма: каждый хозяин, обладающий одной надельной единицей, имел право выпасать на общественном выгоне 4 лошади, 2 коровы и 3 овцы (свиньи не были приняты в расчет). Если хозяин имел три надельных единицы (в семье было 3 мужчин старше 18-летнего возраста), то, следовательно, он имел право пасти 12 лошадей, 6 коров и 9 овец. То, что превышало эту норму, облагалось в размере одного рубля за лошадь, 50 коп. за голову крупного рогатого скота и 10 коп. за овцу.

В настоящее время все крестьяне пользуются выгоном без всяких ограничений, так как хозяев с большим количеством скота теперь нет, а, кроме того, в силу существующей государственной системы обложения — сельско-хозяйственного налога — наличие скота учитывается, и налог за него взимается в общей совокупности с размерами запашки.

Земли, находящиеся под усадьбами и огородами (там, где последние имеются), раз поступив в пользование, остаются как бы в неприкосновенном владении хозяев, огородивших их и возведших жилые или хозяйственные постройки. При наделении пахотной землей усадьба в расчет не принимается. Хозяин, продавший постройки, передает вместе с ними право пользования территорией, огороженной и составляющей одно целое с постройками — усадьбой.

Чтобы получить место под усадьбу или огород, спрашивают согласия общества, которое не только дает разрешение, но и указывает место, отведенное специально для них. При этом общество отводит места только тем хозяевам, которые не имеют усадеб, например, вновь приписавшимся к поселку и получившим земельный надел, выделяющимся от отцов сыновьям, вообще возникающим новым хозяйствам. Продавшим свою старую усадьбу общество дает новую только в исключительных случаях, когда эта продажа совершена с ведома

самого общества. Так, например, вновь приписавшийся сочлен, имеющий право на получение места под усадьбу, находит более выгодным купить готовую у кого-либо из односельчан. Владелец, продавший усадьбу, может рассчитывать на получение разрешения только в том случае, если этой сделкой не преследовались спекулятивные цели, продиктована она чисто хозяйственными соображениями, выгодными для обеих сторон.

Выдавая разрешение на занятие новой усадьбы, общество само отводит площадь и при этом руководствуется соблюдением сельского плана, т. е. смотрит, чтобы не загоразивалась и не искривлялась сельская улица новой усадьбой, чтобы она не выходила за пределы плана старых усадеб, к которым она примыкает, не была больше установленной нормы, наконец, не загоразивала площадей общего пользования, например, питьевые источники, места добычи глины и строительного камня или луговые угодья. Несоблюдение этих требований может навлечь неудовольствие общества, которое обычно заканчивается судебным процессом и лишением права на усадьбу. Аналогичный случай мы наблюдали в с. Таврическом, где крестьяне, переселившиеся в 1922 г. из Рязанской губ., пользуясь лишь одним разрешением председателя сельского совета, явно сочувствовавшего им, заняли усадьбы на лугу, вытянувшись в одну линию в сторону Иртыша. Общество в лице старожиллов опротестовало это заселение, считая его нарушением сельского плана, с одной стороны, и нехозяйственным использованием луга—с другой.

Что касается таких естественных природных благ, как глина, камень, песок и водные источники, то они находятся в общем и безвозмездном пользовании. Камышами и кустарниками, если они имеются в изобилии, пользуются свободно, а если—в ограниченном количестве, то назначают для всего села определенный день, в который каждый домохозяин может взять, сколько успеет.

Охотиться на диких птиц и зверей, а также ловить рыбу, имеет право каждый член общины, но с соблюдением всех правил, установленных на этот счет высшими правительственными органами.

Пользование съедобными полевыми ягодами, а в исследованном нами районе произрастает только полевая клубника,—если оно не приносит ущерба лугам—свободно и без-

возмездно. Но если сбор их связан с порчей травы, то общество его запрещает. Такое явление мы наблюдали в с. Таврическом. Однако, ягоды полевой клубники в этом районе являются таким лакомством, что дети, подростки и женщины, невзирая на запрет, собирают их, иногда рискуя попасть в руки охраны, специально назначенной для этой цели. У пойманных на лугу охрана отбирает ведра и корзины.<sup>1</sup>

Аренда пахотных и сенокосных угодий в исследуемом районе, несмотря на земельный простор, уже давно бытует. Правда, в настоящее время аренда пахотных земель— явление довольно редкое, что объясняется причинами, выше нами отмеченными. Значительно чаще арендуют сенокосы. Но до революции и главным образом накануне европейской войны аренда пахотных земель была более распространена. Теперь арендуются и раньше арендовались земли общественного значения, земельные наделы своих односельчан и чужих и, наконец, земли соседей, казаков. Значительно реже и только более крупные скотоводческие и земледельческие хозяйства снимали и продолжают снимать в аренду земли, составлявшие ранее фонд переселенческого управления, а ныне—запасный фонд земельного управления. Арендовали отдельные хозяева, группами, а иногда целым поселковым или сельским обществом.

По способу расплаты аренда в исследуемом районе делится на четыре вида: аренда за деньги, за хлеб, за отработку и исполу. Аренда за деньги стоит от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. за казенную десятину. Новые неотработанные земли—от 2—2 руб. 50 коп. Но иногда арендуют целый пай или часть его, не расчленяя на десятины. В таких случаях хозяин и арендатор „на глаз прикидывают“, сколько может быть десятин и, сообразуясь с этим, один запрашивает арендную плату, а другой предлагает. По мнению арендаторов, так всегда удается дешевле арендовать, иногда 15 и больше де-

---

<sup>1</sup> Между прочим, нам пришлось быть свидетелями довольно печального случая: охрана, преследуя собиравших ягоды, настигла женщину с ведром ягод, которая не могла убежать от нее; завязалась ссора, охрана отнимала ведро, а женщина, сопротивляясь, его не отдавала; в результате милиционер нанес ей побои. Женщина была больна сердцем, случился припадок, и спустя несколько часов она скончалась.

После этого случая общество сняло запрет, и население стало свободно собирать ягоды.

сятин за червонец. Как в первом, так и во втором случае аренда носит характер личной сделки, юридически закрепляемой свидетелями, домашней распиской или регистрацией в сельском или поселковом совете, а иногда основанной просто на личном доверии друг к другу.

Аренда за хлеб—сделка более редкая—и сдают ее обычно в критическую минуту, весной, когда нехватает хлеба для пропитания семьи или для посева. Арендная плата—от 2 до 3 пудов пшеницы за десятину. Расплачиваясь хлебом, как арендатор, так и хозяин про себя учитывают рыночную стоимость зерна. Юридически такие сделки, обычно, не закрепляются, так как получение зерна с арендатора—факт, более или менее известный для соседей, а кроме того, такая сделка немедленно фактически закрепляется: арендатор, заплатив хозяину за землю, сейчас же пашет ее.

Более частые случаи аренды за отработку и исполу— „с половины“, *з другої міри, с третїї міри*. В первом, как и во втором, случае сдает в аренду безлошадный бедняк, а снимает середняк, у которого имеется свое рабочее тягло, но нет свободных денег, чтобы заплатить за землю, поэтому он и прибегает к системе отработки или к исполщине. Отработка заключается в том, что арендатор за одну десятину взятой им земли столько же пашет и боронет хозяину. Таким образом, посев, уборку и молотьбу урожая производит сам хозяин. Аренда исполу отличается от предыдущей тем, что арендатор пашет своим плугом и лошадьми, сеет своим зерном. Своим же инвентарем убирает и молотит урожай, а хозяин земли и все трудоспособные члены семьи только помогают ему в этих работах. Собранный урожай делят пополам,— аренда „с половины“,—если посев был произведен на хорошей земле, а если на плохой, то на три равные части—аренда *с третїї міри*. В первом случае хозяин и арендатор получают равные части урожая, а во втором хозяин—одну часть, а арендатор—две. Объясняется это тем, что арендатор производит одинаковую затрату на обработку плохой и хорошей земли, а хозяин во втором случае предоставил худшую почву, вследствие чего он и получает только третью долю урожая.

Последние два вида аренды обычно никакой юридической формулировки не получают; „договор—аренда“ покоится на личном доверии сторон.

Приведенные формы аренды имеют место только между отдельными крестьянскими хозяйствами—сделки совершают два хозяина. Кроме этих, существуют другие формы, когда группа хозяев снимает большой участок земли, например в земельном управлении, заключает договор с ним и затем пользуется участком, распределив землю между собою. Или другой случай—отдельные хозяева с аукциона или, как выше было отмечено, путем обложения арендуют у поселкового общества.

Все вышеуказанные виды аренды применяются также в отношении сенокоса и снятия урожая травы. И в этом случае более распространенными видами аренды являются исполщина и отработка. Если арендуют за деньги, то платят за снятую десятину травы от 1 руб. 50 коп. до 2 руб.—реже дороже. Но гораздо чаще покупают траву, не учитывая количества десятин, а договариваются и расплачиваются за целую площадь, подобно тому, как мы это встречали в случаях аренды пашни. Аренда травы или, как здесь говорят, „покупка“ производится всего за несколько дней перед реализацией урожая, и поэтому юридическое закрепление сделок почти не практикуется, так как, вслед за словесным „договором“, арендатор приступает к фактическому осуществлению своих прав—косит траву.

Аренда пастбищных угодий, если встречается, то обычно носит коллективный характер. То или иное поселковое общество или группа скотоводов-хозяев (чаще последние), располагающие ограниченным количеством пастбищных угодий, арендуют землю у соседей-казаков или в земельном управлении, расширяя таким образом территорию своего выгона. В тех же случаях, когда возможности расширить выгон путем аренды нет, а в этом есть насущная потребность, то украинцы сдают свой скот казакам *на выпас*. Какой-нибудь „бай“, узнав о том, что такой-то поселок нуждается в выпасе, обычно приезжает туда и объявляет, что он принимает скот на выпас и берет за это столько-то копеек с головы. Хозяева, имеющие много скота, сговариваются с ним. Сдают чаще всего лошадей, нерабочих и молодняк, а затем овец и значительно реже—рогатый скот. В настоящее же время сдача *на выпас* встречается реже, так как наиболее зажиточные украинцы скотом обеднели, и, наконец, сами бай ограничены в пользовании землей, а следовательно, в возможностях брать скот *на выпас*.

Что же касается сдачи украинцами своих земель в аренду казакам специально под выпас, то нам удалось зарегистрировать один такой случай (с. Таврическое), имевший место до 1912 г. Тавричане излишки своих общественных земель сдавали казакам под зимний выпас лошадей. Арендовали за деньги, но плату исчисляли не подесятинно, а от количества голов выпасываемых лошадей. За табун, не превышающий 500 голов, брали 50 руб., а за табун в 1.000 голов—100 руб. Территория, на которой могли тебеневать лошади, отводилась на-глаз: от такой-то сопки до такой-то балки, речки или дороги.

Во всех случаях денежной аренды хозяева, снимающие землю, сейчас же расплачиваются наличными деньгами, лишь в редких случаях допускается рассрочка на 1—2 недели: *поки ариндатурь вторгуэ гроші*. Аренды в кредит, до урожая, мы не встречали, а напротив, довольно часто имеет место кредитование под землю.

Сроки аренды редко превышают один год. Такие виды ее, как исполщина и отработка, всегда распространяются только на снятие одного урожая, но при аренде за деньги или хлеб иногда встречается и долгосрочная сделка, например на три урожая; при этом долгосрочная аренда практикуется в тех случаях, когда имеется в виду распашка целинных земель, и арендатор, чтобы компенсировать труд за поднятие нови, выговаривает себе право на снятие двух, трех и больше урожаев, расплачиваясь за каждый год отдельно.

Наряду с арендой земли у казаков, украинцы иногда прибегали к захвату, с их точки зрения, пустующих казакских земель. Так, по словам георгиевцев, им неоднократно удавалось косить траву за пределами своих угодий. Иногда такое пользование сходило незамеченным, никто никаких претензий не предъявлял. Однако, были случаи, когда на почве захвата земель возникали ссоры между казаками и переселенцами. Приезжал бай, заявлял, что эта земля принадлежит ему и требовал арендной платы. В тех случаях, когда претензии были основательны, сговаривались с таким претендентом и платили ему какую-либо небольшую сумму; в противном случае возникала ссора. Бай уезжал в степь и возвращался оттуда в сопровождении партии казаков, которые готовы были активно поддержать его права. Бай и его соучастники мешали рабо-

тать, не давая косить, сгребать сено и т. д. Если украинцев было меньшинство, то кончалось победой бая, который все-таки добивался арендной платы; но иногда они, вооружившись вилами и косами, прогоняли претендентов и продолжали убирать сено.

Несомненно, что такие эпизоды возможны только там, где землеустройство не проведено, границы владений носят неопределенный характер, а хозяева их случайны.

Суммируя вышеприведенный материал и сравнивая его с литературными источниками и нашими наблюдениями украинцев в других местах, мы должны будем заметить, что переселенцы исследуемого нами района в отношении землепользования, подобно Кубани, Дону, южной Украине, начали с вольной заимки, перешли к частичному ограничению, а затем к уравнительному землепользованию. Как в других местах, так и в Казакстане с открытием рынка для сельско-хозяйственных продуктов развивается земледелие, расширяется площадь пахотки; запас необжитых земель вследствие обработки их уменьшается; в результате повышается ценность земли. Земля становится капиталом, который, однако, используется не всеми членами общины одинаково. Хозяйства, хорошо обеспеченные средствами производства, широко эксплуатируют земельные угодья общины, а маломощные, не имея этой возможности, негодуют. Возникает борьба между членами общины, экономически уже расслоившимися. В целях ограничения зажиточных своих членов, община, в лице маломощных хозяев, как мы видели выше, вводит паевую норму, а за излишки паханной земли—арендную плату. Революция застаёт вполне сложившееся внутриобщинное паевое землепользование.

Наряду с усложнением пользования земельными угодьями, уточняется распределение их между отдельными членами общины, возникает аренда, сначала общественная, а затем индивидуальная; первой предъявляет право на землю община, а затем уже отдельные ее члены с целью извлечения материальной выгоды. В практике твердо устанавливаются четыре вида аренды: за деньги, за хлеб, за отработку и исполу.

Все переделы община производит своими силами; организация и техника их сходны с южноукраинскими переделами,

о которых переселенцы сохранили память. Как в формах землепользования, так и в организации и технике переделов, соседних влияний мы не находим. Также не встречаем и обратного влияния на казакское участково-подворное землепользование; оно слагалось под влиянием тех же причин, как и украинское, но различные системы хозяйства обусловили разные формы землепользования. Участково-подворное владение землей у казаков возникло в силу принципа вольной заимки. Экономически сильные хозяева захватили большие площади земель, а бедняки ее совсем не имеют. Введенное летом 1926 года распределение травы по наличным душам дало плохой урок. Бедняки-казаки, получив траву, ее убрали, а потом в готовом виде сдали за небольшое вознаграждение или за угощение более зажиточным, так как им все равно некуда было девать сено. Скота у них не было. Таким образом баи от этого уравнительного распределения травы только выиграли.

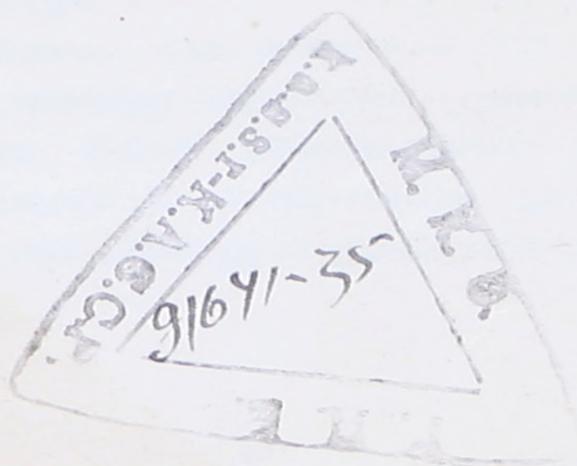
Сходные физико-географические условия прежнего места обитания украинцев-переселенцев с новым (степь), сохранившаяся традиция прошлых форм землепользования, система хозяйства, экономика страны, увеличение населения, собственное творчество народа, а позже революция и законодательное вмешательство обусловили ныне существующие формы землепользования. Развитие их шло постепенно; эволюционным путем вводилось в жизнь то, что уже созрело как насущная необходимость. Каждая мера, прежде чем получить практическое применение, довольно продолжительное время обдумывалась, обсуждалась на завалинках, на мельницах, в лавках, в частных беседах соседей, родственников, односельчан и т. п. И не всегда эти беседы носили мирный характер; иногда возникала ссора: одни считали существующий порядок правильным, другие осуждали его и предлагали новый. В результате слагалось определенное соотношение общественных сил, в условиях которого вопрос ставился на общем сельском, поселковом собрании и получал официальную формулировку и практическое приложение.

В дальнейшем, под влиянием тех же причин и, главным образом, увеличения населения, украинцы-переселенцы будут искать новых, более совершенных форм землепользования, удовлетворяющих двум основным требованиям сельского хозяйства: справедливому распределению земельных угодий

между крестьянами и созданию такой формы землепользования, которая наилучшим образом способствовала бы культурному использованию почвенных богатств и применению усовершенствованной сельско-хозяйственной техники.

Перспективы новых форм землепользования уже вырисовываются, как мы выше видели, в селе Георгиевском, но сейчас еще трудно сказать, какая из наметившихся трех форм—общинно-групповая, отрубная или поселковая—окажется в местных условиях наиболее рациональной.

Весьма возможно, что украинцы-переселенцы вскоре убедятся в недостатках и этих, вновь выработанных ими форм землепользования и будут изыскивать более совершенные. Тогда, очевидно, перед крестьянством встанет более сложный вопрос о реорганизации не только форм землепользования, но и всего хозяйственно-бытового уклада в сторону его обобществления.



401

ҚҰЛТТЫҚ АҚПАРАТТЫ ҚИЙ ҒАЖАҚ  
Т. Құлыбаевтің Ақпараттық Құрылымы АТ



000001569466

